

Национальный центр
правовой информации
Республики Беларусь

Кафедра ЮНЕСКО
по информационным
технологиям и праву

ISSN 1997-7328

Право.by

Научно-практический журнал

Читайте в номере:

- ***Особенности защиты от недобросовестной конкуренции в области использования объектов интеллектуальной собственности***
- ***Право ребенка на благоприятную окружающую среду: международные и национальные механизмы защиты***
- ***Особенности законодательства и правоприменительной практики в сфере электронной торговли Республики Беларусь***

Право.by

6 (20) 2012

Научно-практический журнал

Выходит 6 раз в год

Издается с июня 2008 г.

С июня 2008 года в соответствии с приказом Председателя Высшей аттестационной комиссии Республики Беларусь журнал включен в перечень научных изданий Республики Беларусь для опубликования результатов диссертационных исследований (перечень научных изданий Республики Беларусь для опубликования результатов диссертационных исследований на 2012 год утвержден приказом Председателя Высшей аттестационной комиссии Республики Беларусь от 1 февраля 2012 г. № 21).

Учредитель и издатель

**Национальный центр правовой информации
Республики Беларусь**

Главный редактор

Балашенко С.А.

Заместитель главного редактора

Гаев А.А.

Ответственный секретарь редакционной коллегии

Браусов А.М.

Редакционная коллегия

Абрамович А.М.

Батлер У.Э.

Бобцов А.В.

Василевич Г.А.

Гавриш А.Н.

Годунов В.Н.

Гущин И.В.

Каменков В.С.

Князев С.Н.

Курбацкий А.Н.

Морозов А.В.

Просяной А.А.

Радиванович Н.Н.

Сивец С.М.

Судиловская Н.В.

Шаршун В.А.

*Национальному центру законодательства
и правовых исследований
Республики Беларусь*

15 лет!

История Центра началась с создания Национального центра законопроектной деятельности при Президенте Республики Беларусь, к которому в 2007 году в целях повышения эффективности правотворческой деятельности и усиления роли правовой науки в обеспечении социально-экономического и общественно-политического развития нашей республики был присоединен Институт государства и права Национальной академии наук Беларуси.

Вклад Центра в развитие правовой системы нашей страны трудно переоценить. Национальный центр законодательства и правовых исследований Республики Беларусь зарекомендовал себя как эффективно действующая структура, которая занимает ведущие позиции в законопроектной деятельности, проведении научных исследований в области права и подготовке научных работников высшей квалификации.

От всей души желаем всему коллективу Центра дальнейшего профессионального совершенствования, достижения новых высот на благо родной Беларуси, а также крепкого здоровья и благополучия вам и вашим семьям.

Редакция журнала «Право.бел»

СОДЕРЖАНИЕ

ОБЗОР IV МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ «ИНФОРМАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ И ПРАВО (ПРАВОВАЯ ИНФОРМАТИЗАЦИЯ – 2012)»	5
ИТОГОВЫЙ ДОКУМЕНТ IV МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ «ИНФОРМАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ И ПРАВО (ПРАВОВАЯ ИНФОРМАТИЗАЦИЯ – 2012)»	8

НАУЧНЫЕ ПУБЛИКАЦИИ

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ПРАВА И ГОСУДАРСТВА

Теоретико-правовой анализ института общественного мнения как фактора правотворчества и реализации права (<i>Вершок И.Л.</i>).....	10
Формы адвакацкай дзейнасці на тэрыторыі Беларусі ў XVI стагоддзі (<i>Гур'ева А.А.</i>)	15
Право государственной собственности в Великом Княжестве Литовском в период до 1569 года (<i>Забойко В.И.</i>)	19
Судебный прецедент (некоторые вопросы теории) (<i>Курак А.И.</i>).....	24
О некоторых вопросах совершенствования языка нормативных правовых актов (<i>Сидорчук И.П.</i>)	30

КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО

Государственно-правовые закономерности власти и их механизм (<i>Романчук И.С.</i>)	37
Персональные данные: понятие и сущность (<i>Шугай А.А.</i>).....	43
Базовые контрольные полномочия членов парламентов Беларуси и Польши: сравнительно-правовой анализ (<i>Чмыга О.В.</i>)	47

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО

Особенности законодательства и правоприменительной практики в сфере электронной торговли Республики Беларусь (<i>Батура С.П.</i>).....	53
Особенности защиты от недобросовестной конкуренции в области использования объектов интеллектуальной собственности (<i>Короткевич М.П.</i>).....	59
Особенности правового регулирования организации перевозок пассажиров транспортом общего пользования (<i>Лецинская Н.И.</i>)	64
Юридическая природа дееспособности граждан (<i>Москалевич Г.Н.</i>).....	70

СЕМЕЙНОЕ ПРАВО

Опека и попечительство над несовершеннолетними, оставшимися без попечения родителей: законодательство Республики Беларусь, Российской Федерации, Республики Казахстан (<i>Андріяшко М.В.</i>).....	76
--	----

АГРАРНОЕ ПРАВО

Компетенция органов государственного управления в обеспечении национальной продовольственной безопасности (<i>Малкина И.В.</i>)	82
---	----

НАЛОГОВОЕ ПРАВО

Перспективы правового регулирования налогообложения консолидированных групп плательщиков в Республике Беларусь (<i>Ульянова Е.С.</i>).....	88
--	----

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И КРИМИНОЛОГИЯ

Преступления против личной свободы человека в контексте общесистемных свойств (<i>Коротич Е.А.</i>)	93
---	----

КРИМИНАЛИСТИКА

Криминалистическая структура дорожно-транспортного происшествия (<i>Вечерский Д.А.</i>).....	99
--	----

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО

Юридическая техника в договорной практике Содружества Независимых Государств (<i>Вежновец В.Н., Мукашев С.И.</i>).....	104
--	-----

Право человека на благоприятную окружающую среду: международные и национальные механизмы защиты (<i>Довгань Е.Ф.</i>).....	109
--	-----

Проблема реституции культурных ценностей: многообразие подходов в юридической науке (<i>Король Э.Л.</i>).....	115
---	-----

Имплементация норм международного экономического права в национальное законодательство Республики Беларусь (<i>Толочко О.Н.</i>).....	121
---	-----

АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО

Формирование и состав районного исполнительного комитета: совершенствование законодательства и практики его реализации (<i>Тимошенко М.В.</i>).....	127
---	-----

ПРАВОВАЯ ИНФОРМАТИЗАЦИЯ

Генезис и периодизация истории обнародования (официального опубликования) правовых актов в Беларуси (<i>Шаршун В.А.</i>).....	132
---	-----

Реализация открытого доступа к правовой информации в Республике Беларусь: современное состояние и перспективные направления развития (<i>Романов А.А.</i>)	137
--	-----

ПРАВОВОЕ ПРОСВЕЩЕНИЕ И ПРАВОВАЯ КУЛЬТУРА

Фарміраванне прававой культуры падлеткаў у бібліятэцы: паводле вынікаў даследавання (<i>Чупракова І.А.</i>).....	142
--	-----

ТЕМАТИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ	149
-------------------------------------	-----

ПАМЯТКА АВТОРАМ	158
------------------------------	-----

ОБЗОР IV МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

«ИНФОРМАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ И ПРАВО

(Правовая информатизация – 2012)»

НЕСТЕРОВА О.Н.,

главный специалист управления правовой информатизации Национального центра правовой информации Республики Беларусь

1 ноября 2012 г. в Исполнительном комитете СНГ состоялась IV Международная научно-практическая конференция «Информационные технологии и право (Правовая информатизация – 2012)», организованная Национальным центром правовой информации Республики Беларусь и Кафедрой ЮНЕСКО по информационным технологиям и праву Национального центра правовой информации Республики Беларусь.

В международном форуме приняли участие представители Администрации Президента Республики Беларусь, Конституционного Суда Республики Беларусь, Высшего Хозяйственного Суда Республики Беларусь, секретариатов Палаты представителей и Совета Республики Национального собрания Республики Беларусь, Национального центра законодательства и правовых исследований Республики Беларусь, Министерства юстиции Республики Беларусь, Министерства культуры Республики Беларусь, Республиканского трудового арбитража, иных государственных органов и организаций, общественных объединений, организаций – распространителей правовой информации, научные работники, профессорско-преподавательский состав учреждений образования.

Среди иностранных участников и представителей международных организаций, принявших участие в конференции, – представители Экономического Суда СНГ, Секретариата Суда ЕврАзЭС, Научно-технического центра правовой информации «Система» Федеральной службы охраны Российской Федерации, Научного центра правовой информации при Министерстве юстиции Российской Федерации, республиканского государственного предприятия «Республиканский центр правовой информации» Министерства юстиции Республики Казахстан, а также специалисты в сфере правовой информатизации из России и Казахстана.

В рамках конференции рассмотрен широкий спектр вопросов, касающихся:

- приоритетных направлений развития государственной политики Республики Беларусь

в сфере правовой информатизации и совершенствования государственной системы правовой информации;

- актуальных проблем совершенствования законодательства в сфере информатизации, в том числе правовой информатизации;
- перспектив создания и внедрения инновационных технологий в области правовой информатизации;
- правовых аспектов распространения и предоставления правовой информации;
- состояния и развития правовой информатизации в странах ближнего и дальнего зарубежья;
- современного состояния и перспектив развития межгосударственного обмена правовой информацией;
- прикладных аспектов использования современных информационных технологий в образовательном процессе.

С приветственным словом к участникам конференции и пожеланиями плодотворной работы обратился Заместитель Главы Администрации Президента Республики Беларусь Мицкевич Валерий Вацлавович, отметивший особую роль правовой информатизации как гаранта устойчивого функционирования социального правового государства. Валерий Вацлавович также выразил уверенность в том, что рекомендации конференции послужат стимулом для дальнейшего совершенствования национальных систем правовой информации.

Актуальность и необходимость рассмотрения процессов развития правовой информатизации как неотъемлемой составляющей информационного общества подчеркнул в своем приветственном обращении Первый заместитель Председателя Исполнительного комитета СНГ – Исполнительного секретаря СНГ Гаркун Владимир Гилярович.

В ходе конференции было заслушано 16 пленарных докладов.

В докладе директора Национального центра правовой информации Республики Беларусь

Гаева А.А. «НЦПИ как субъект государственной политики в сфере правовой информатизации: итоги 15-летней деятельности» была представлена информация о многовекторной деятельности Национального центра правовой информации Республики Беларусь как субъекта государственной политики в сфере правовой информатизации, охарактеризованы присущие государственной системе правовой информации информационно-правовые процессы, показана их актуальность в контексте формирования информационного общества.

Последующие три доклада выступающих были посвящены различным областям, в которых активно внедряются и используются информационные технологии. Об их использовании в деятельности Министерства юстиции Республики Беларусь при выполнении возложенных на Министерство в соответствии с компетенцией функций и задач, а также о перспективах дальнейшего развития в указанной сфере участникам форума рассказал Министр юстиции Республики Беларусь Слижевский Олег Леонидович.

О повышении уровня информатизации (компьютеризации) судов, расширении применения информационно-технологических инноваций, создании на их основе современных и надежных систем сбора, хранения и анализа судебной и иной информации, в том числе о практике проведения судебных заседаний с использованием видео-конференц-связи, проинформировал первый заместитель Председателя Высшего Хозяйственного Суда Республики Беларусь Демидович Василий Николаевич.

Образовательный процесс также претерпел серьезные преобразования в связи с бурным развитием информационных технологий. О преимуществах и перспективах дистанционного образования участники узнали из наполненного конкретными примерами доклада первого проректора Международного университета «МИТСО» Козика Андрея Леонидовича.

Реализации принципа гласности в деятельности Экономического Суда СНГ был посвящен доклад Председателя указанного суда Каменковой Людмилы Эдуардовны.

Об основных подходах к формированию идеи информационного общества в Республике Беларусь собравшихся проинформировала заведующий кафедрой теории и истории государства и права Академии управления при Президенте Республики Беларусь Бакиновская Ольга Александровна. Докладчиком также был обозначен ряд аспектов права на доступ к информации и его организационному обеспечению.

Председатель Национальной комиссии Республики Беларусь по делам ЮНЕСКО Счастный Владимир Григорьевич подчеркнул роль указанной международной организации в развитии информационно-коммуникационных технологий.

Практика ведения регистров в системе «Нормативные правовые акты Российской Федерации» в 2009–2012 годах стала темой выступления заместителя директора Научного центра правовой информации при Министерстве юстиции Российской Федерации Королева Сергея Михайловича. По его мнению, основными направлениями развития федеральных и государственных реестров должны стать переход на ведение регистров только в электронном виде, интеграция с существующими информационно-правовыми ресурсами и широкое применение системы ведения регистров для исполнения государственных функций органов государственной власти всех уровней.

Жантасова Раушан Нурумбековна, заместитель директора Республиканского центра правовой информации Министерства юстиции Республики Казахстан, рассказала об обеспечении доступа к национальному законодательству Казахстана.

С докладом на тему «Направления развития правовой информатизации в соответствии с Государственной программой Российской Федерации «Информационное общество (2011–2020 годы)» выступил заведующий кафедрой информационного права, информатики и математики Российской правовой академии Министерства юстиции Российской Федерации Морозов Андрей Витальевич. В выступлении была предложена подробная характеристика указанных направлений, на основании чего делаются выводы о перспективах развития правовой информатизации в России.

Анализ состояния информационно-технологического обеспечения законодательного процесса, а также меры по его оптимизации и совершенствованию с учетом формирования единого информационно-правового пространства в Республике Беларусь были предложены в рамках доклада «Информационные технологии в законодательном процессе» начальника Главного экспертно-правового управления Секретариата Совета Республики Национального собрания Республики Беларусь Карпович Натальи Александровны.

В основу доклада первого заместителя директора Национальной библиотеки Беларуси Долгополовой Елены Еремеевны лег сравнительный анализ деятельности публичных центров правовой информации (ПЦПИ) на базе общедоступных библиотек в Республике Беларусь и Российской Федерации. Докладчик провела сравнение по таким аспектам, как нормативно-правовая база создания сети ПЦПИ и динамика ее развития, ресурсное обеспечение ПЦПИ, организация обслуживания населения, основные факторы, повлиявшие на специфику становления и организацию работы ПЦПИ в двух странах.

Вопросы состояния и перспектив развития отрасли распространения правовой информации в электронной форме осветил в своем выступле-

нии генеральный директор ООО «ЮрСпектр» Сломенец Олег Владимирович.

Директор ОДО «Профигруп» Литвиненко Евгений Валентинович в своем докладе «Распространение правовой информации посредством сети Интернет» проинформировал участников о направлениях развития информационных технологий в области распространения правовой информации, представил опыт Республики Беларусь и Российской Федерации в сфере обеспечения доступности правовых актов в сети Интернет, а также о преимуществах опубликования нормативных правовых актов в электронной форме в сети Интернет.

Новый подход к рассмотрению права как информационно-коммуникационной системы пред-

ставил заведующий кафедрой теории и истории государства и права юридического факультета БГУ Калинин Сергей Артурович.

Конференция послужила площадкой ведения открытого конструктивного и компетентного диалога всех заинтересованных, ее участники смогли успешно обменяться опытом по вопросам состояния и развития правовой информатизации в целях формирования информационно-правового пространства и обеспечения равного доступа к правовой информации.

Основные решения, принятые по результатам заслушивания докладов, составили основу принятого участниками Итогового документа конференции.

ИТОГОВЫЙ ДОКУМЕНТ

IV Международной научно-практической конференции «Информационные технологии и право (Правовая информатизация – 2012)»

Республика Беларусь, г. Минск, 1 ноября 2012 года

Участники IV Международной научно-практической конференции «Информационные технологии и право (Правовая информатизация – 2012)», проведенной Национальным центром правовой информации Республики Беларусь (далее – НЦПИ) при содействии Кафедры ЮНЕСКО по информационным технологиям и праву НЦПИ,

принимая во внимание Окинавскую хартию глобального информационного общества, а также документы, принятые в рамках этапов Всемирного саммита по информационному обществу (Женева, 2003 и Тунис, 2005),

руководствуясь положениями Стратегии развития информационного общества в Республике Беларусь на период до 2015 года, утвержденной постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 9 августа 2010 г. № 1174, и аналогичными документами стран – участниц конференции,

учитывая, что стратегической целью развития информационного общества в Республике Беларусь и странах – участницах конференции является обеспечение устойчивого социально-экономического развития страны, повышение качества жизни граждан, создание широких возможностей для удовлетворения потребностей и свободного развития личности,

осознавая значимость правовой информатизации в процессе формирования информационного общества и реализации приоритетных задач его развития,

заслушав и обсудив доклады и сообщения ученых и практиков из Республики Беларусь, Российской Федерации, Казахстана,

констатируют:

актуальность заявленного проблемного поля конференции, в том числе определение роли, состояния и перспектив правовой информатизации в контексте становления информационного общества;

преемственность решений прошедших в 2002, 2004 и 2010 годах международных научно-практических конференций в направлении совершенствования государственной системы правовой информации Республики Беларусь и аналогичных систем стран – участниц конференции,

дальнейшего развития правовой информатизации;

произошедшие изменения в организационных и правовых механизмах обеспечения доступа граждан к официальной, достоверной и актуальной правовой информации посредством перехода к электронному опубликованию (обнародованию) нормативных правовых актов, а также увеличение роли государственных информационно-правовых ресурсов в обеспечении правовой коммуникации;

сформировавшиеся тенденции устойчивого развития государственной системы правовой информации, созданной в Республике Беларусь при координирующей роли НЦПИ, а также аналогичных систем правовой информации в странах – участницах конференции как неотъемлемой составляющей единого информационно-правового пространства;

повышение эффективности механизмов государственного управления посредством широкого использования информационных технологий в деятельности государственных органов на основе создания общей информационно-технологической инфраструктуры, включающей государственные информационные системы и ресурсы, а также средства, обеспечивающие их функционирование;

признают необходимость:

развития международного сотрудничества в области правовой информатизации, принятия на национальном и межгосударственном уровнях правовых, организационных и иных мер для формирования единого информационно-правового пространства в рамках существующих межгосударственных объединений;

активизации процесса эффективного внедрения в деятельность государственных органов и организаций современных информационно-коммуникационных технологий как необходимого условия становления информационного общества;

совершенствования законодательства, направленного на развитие национальных систем правовой информации, расширение доступа к правовой информации и информации о деятельности государственных органов;

поступательной реализации государственной политики в сфере информатизации, в том числе правовой информатизации, дальнейшего проведения комплексных межотраслевых научных исследований в целях выработки предложений о корректировке направлений и принципов государственного регулирования в указанной сфере с учетом закономерностей и тенденций формирования информационного общества;

формирования и продвижения инициатив в сфере правового образования, способствующих реализации современных тенденций как в сфере подготовки и переподготовки юридических кадров, так и в направлении формирования информационной и правовой культуры граждан как одного из факторов устойчивого развития общества;

актуализации вопросов правового регулирования обеспечения информационной безопасности как гаранта необходимых условий для успешного развития информационного общества;

предлагают в качестве приоритетных следующие направления деятельности по развитию и совершенствованию правовой информатизации:

проведение научно-исследовательских работ по совершенствованию процессов правовой информатизации в условиях формирования информационного общества;

разработку совместных программ, концепций, предложений по унификации законодательств, направленных на формирование и развитие единого информационно-правового пространства в рамках межгосударственных объединений, в том числе Таможенного союза и ЕврАзЭС;

дальнейшее совершенствование системы доступа граждан к правовой информации посредством развития сети публичных центров правовой информации и их модификаций, а также центров эталонной правовой информации;

масштабное применение информационных технологий в сфере государственного управле-

ния для обеспечения упрощения взаимодействия органов власти и населения;

широкое внедрение в деятельность судебной системы элементов электронного правосудия в целях повышения уровня доступности и открытости правосудия, способствующих дальнейшей реализации принципа гласности в практике судов;

совершенствование содержания подготовки и переподготовки специалистов с учетом современных социокультурных реалий посредством разработки и внедрения в учебный процесс учебных программ по основам правовой информатизации;

разработку и принятие с учетом передового отечественного и зарубежного опыта комплексной долгосрочной программы по повышению уровня правовой культуры общества, направленной на совершенствование качества законодательства и правоприменительной практики, развитие правового образования и воспитания граждан, оптимизацию системы оказания квалифицированной юридической помощи, а также обеспечение доступности правовой информации на основе современных информационно-коммуникационных технологий;

совершенствование системы межгосударственного обмена правовой информацией, поддержку взаимовыгодного международного сотрудничества в области правовой информации и информатизации.

Участники IV Международной научно-практической конференции «Информационные технологии и право (Правовая информатизация – 2012)» убеждены, что реализация указанных приоритетных направлений развития правовой информатизации станет значительным вкладом в процессы формирования информационного общества в Республике Беларусь и странах – участницах конференции.

ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ ИНСТИТУТА ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ КАК ФАКТОРА ПРАВОТВОРЧЕСТВА И РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВА

ВЕРШОК И.Л.,

доцент кафедры теории и истории государства и права юридического факультета
Белорусского государственного университета, кандидат юридических наук

В статье предлагаются новые подходы к пониманию общественного мнения как социально-правового института, результата процесса сознания, правосознания и творческого осмысления информации социально-правового содержания. Анализируются новые методы измерения и изучения общественного мнения как специфического социально-правового института.

The article proposes new approaches to understanding public opinion as a social and legal institution, the result of the process of consciousness, legal consciousness and creative interpretation of juridical information. The article also considers certain methods for the study and measurement of public opinion as a specific social and legal institution.

Введение

В настоящее время достаточно актуальными являются теоретические и прикладные исследования, связанные с характеристикой и выявлением общественного мнения, осуществляемые в рамках социологической науки, а также в ряде научных направлений в сфере общей теории и социологии права. Более того, современная доктринальная установка традиционно базируется на утверждении о том, что в условиях становления правового государства и гражданского общества оптимальное функционирование соответствующих институтов невозможно без сформировавшегося в обществе и надлежащим образом выраженного общественного мнения. Однако, несмотря на обширные теоретические и эмпирические исследования данного явления, наблюдается отсутствие единого методологического принципа, предопределяющего качество и уровни изучения общественного мнения именно в сфере социально-правовой действительности. Наоборот, в основе изучения общественного мнения в праве находится общесоциологическое понимание данного института без учета его специфики, количественных и качественных показателей в контексте правовой системы в целом и отдельных ее элементов. Исходя из этого, представляется необходимым

дать наиболее общее теоретико-правовое определение общественного мнения на основе изучения системы его существенных социально-правовых признаков, проанализировать процессы формирования, функционирования и выражения общественного мнения в условиях складывающейся национальной социально-правовой действительности.

Основная часть

Современные подходы к изучению общественного мнения характеризуются своей разрозненностью, междисциплинарным разноречием, отсутствием единого методологического подхода к анализу данного явления.

В социологической литературе общественное мнение определяется преимущественно в качестве отношения социальных общностей к проблемам общественной жизни, проявляющегося в эмоциях, суждениях и практических действиях [1]. Причем не дается конкретизация количества и оснований дифференциации данных социальных общностей, форм выражения и каналов трансляции, источника и непосредственного содержания общественного мнения.

В литературе по общей теории права анализируемый феномен определяется в качестве са-

мостоятельного института общественной жизни и независимого социального фактора, формируемого в условиях относительно самостоятельного и независимого от политико-властного давления гражданского общества [2, с. 319]. Выделяется «свободное общественное мнение», которое логически можно противопоставить несвободному общественному мнению. Условиями существования данного института признаются гласность, плюрализм индивидуальных мнений. Указывается, что общественное мнение – совокупность мнений частных лиц – членов гражданского общества по разнообразным вопросам общественной, политической, духовной жизни людей [2, с. 319]. Отмечается, что волю частных лиц не следует смешивать и отождествлять с волей публично-политических лиц, выраженной ими в различных государственно-правовых формах (референдуме, выборах) и воплощенной в действующем праве и государстве. Общественное мнение – это не выражение публично-политической воли, однако оно в условиях развитого гражданского общества и правового государства становится мощным фактором воздействия на различные сферы общественной и политической жизни.

В соответствии с указанными характеристиками достаточно спорным представляется вопрос о сущности общественного мнения как механической (или даже случайной) совокупности мнений любых частных лиц, а также о его специфических свойствах в контексте социально-правовой действительности. Кроме того, неразрешенным остается вопрос о субъектах общественного мнения и его разграничении с сознанием и правовым сознанием, разработке оснований дифференциации свободного и несвободного общественного мнения. Однако указание на то, что волю частных лиц не следует смешивать и отождествлять с волей публично-политических лиц, является методологически оправданным для дальнейшей разработки методик социально-правовых исследований структуры и содержания общественного мнения.

В социологии права отмечается, что общественное мнение представляет собой совокупность суждений и оценок, выносимых различными социальными группами и слоями по поводу актуальных событий общественной жизни, деятельности и поведения отдельных личностей, организаций и партий, насущных социальных, политических, культурных проблем. В общественном мнении проявляется социальная активность большинства населения, прямо не задействованного в политическом и законодательном процессах. Общественное мнение выражается в массовом одобрении или осуждении определенных действий и поступков. От количества населения, обладающего собственными взглядами, активной жизненной позицией, гражданственностью,

зависит эффективность общественного мнения [3, с. 167–171].

Признается ряд институциональных структур, функционирующих в качестве «узаконенных каналов выражения общественного мнения». К таким каналам относятся выборы органов власти, разделение властей, наличие гарантированных гражданских свобод, в частности свободы избирательного права, слова, печати, собраний, совести, участие масс в законодательном процессе путем проведения референдумов, деятельность средств массовой информации и т.д. [3, с. 167–171].

Такие признаки общественного мнения, как социальная активность большинства населения, одобрение или осуждение политического или законодательного процесса, количественные параметры его носителей, в определенной мере справедливы, но не характеризуют сущность и специфические признаки общественного мнения как сложного социально-правового явления.

В социологии права существует иной подход к определению общественного мнения, при котором происходит его характеристика с использованием категории «массовое сознание». В частности, встречаются характеристики общественного мнения как специфического проявления массового сознания [4, с. 195] либо в качестве состояния массового сознания, связанного с высказыванием суждений по общественно значимым проблемам. В этих случаях делается акцент на то, что общественное мнение связано с внешним выражением суждений, что предполагает свободу публичных высказываний, которые направлены на актуальные проблемы общественной жизни [5, с. 768]. Необходимо подчеркнуть, что данные характеристики общественного мнения явно демонстрируют возможность и целесообразность его условного теоретического рассмотрения в статике и динамике, а также необходимость преломления исследований данного явления через призму учения о сознании и правовом сознании.

Таким образом, с некоторой долей условности можно выделить несколько направлений бытия и соответственно необходимого теоретического осмысления общественного мнения. Первая группа исследователей определяет общественное мнение как состояние массового сознания, включающее в себя скрытое или явное отношение различных социальных общностей к действительности. Данная характеристика проявляет в большей степени его психологический аспект, то есть внутреннюю, психическую форму бытия.

Другие авторы считают существенным охарактеризовать общественное мнение не только в качестве состояния массового сознания, но и учитывать такой его признак, как высказывание суждений по общественно значимым проблемам [5, с. 768], ак-

центрируя внимание на внешних формах бытия и результатах проявления этих суждений (конкретных социально-правовых преобразованиях).

С функциональной точки зрения общественное мнение рассматривается как социальный институт, что означает его действие в качестве своего рода «социальной власти», то есть «власти, наделенной волей и способной подчинять себе поведение субъектов социального взаимодействия» [6, с. 14]. На основе данного определения представляется возможным характеризовать общественное мнение как специфический институт, функционирующий в системе других социальных институтов. В таком случае видится оправданным существование общественного мнения в качестве системы отношений, обладающих устойчивым, гарантированным от случайностей, самовозобновляющимся характером [9, с. 130], постоянно действующим фактором общественной жизни.

На основании проанализированных и иных схожих точек зрения целесообразно сделать вывод о нескольких возможных формах бытия и внешнего проявления общественного мнения. Во-первых, общественное мнение может существовать как определенный социально-правовой институт со свойственными ему общими по сравнению с другими институтами и отличительными признаками. Во-вторых, общественным мнением является особая форма бытия и (или) выражения процесса сознания и правового сознания.

Общественное мнение в определенных условиях формируется в качестве специфического социально-правового института, основными элементами которого являются общественные отношения, складывающиеся по поводу реализации определенных правовых потребностей и интересов, и совокупность норм, идеалов и ценностей, регулирующих поведение в данных отношениях. В таком случае общественное мнение обладает следующими признаками:

1) наличием цели, для достижения которой формируется общественное мнение;

2) совокупностью политических, правовых, моральных, религиозных норм, по-разному сочетающихся в конкретном обществе в единую ценностно-нормативную систему и регулирующих процедуру формирования и выражения общественного мнения;

3) распределением социальных статусов и ролей среди носителей и (или) генераторов общественного мнения;

4) встроенностью института общественного мнения в сложную систему других социальных институтов (политики, экономики, права и др.);

5) наличием системы социальной ответственности за неправильное формирование или выражение общественного мнения (влияние необъек-

тивной или неполной информации, деструктивное выражение мнения и др.).

На основе изложенного общественное мнение как институт носит объективный системный характер и о его существовании можно судить лишь при наличии системы основных признаков. Данную трактовку целесообразно признать в качестве теоретической основы обоснования общественного мнения как института правового государства и гражданского общества, а также выработки соответствующих рекомендаций по организации его формирования и трансляции. Как и любой другой социальный институт, общественное мнение имеет свои стадии зарождения, развития и упадка, которые каждое конкретное общество проходит в процессе своего идентичного культурно-исторического развития как по линейной, так и нелинейной направленности. В данном случае применительно к социально-правовой действительности общественное мнение может исследоваться на такой стадии процесса правообразования, как изучение социальных потребностей в правовой регламентации общественных отношений, факторов социальной эффективности права.

Процедуры изучения института общественного мнения достаточно разнообразны и анализируются в контексте социологии и социологии права. Однако главным методологическим основанием его анализа должен быть принцип релятивизма как философский принцип интерпретации природных, социокультурных, мировоззренческих, когнитивных объектов в их отношении друг к другу и своему окружению [7, с. 40]. Так, с точки зрения социально-культурного релятивизма при изучении общественного мнения необходимо «акцентирование моментов своеобразия и исторической изменчивости человеко-размерных систем (общественных, культурных, языковых), их ситуативной обусловленности, замкнутости и несоизмеримости друг с другом» [7, с. 41]. Допускается отрицание линейного развития культуры, и обосновывается существование «охватывающих и несоизмеримых форм жизни и мировоззрений, структурирующих мышление людей определенных эпох и культур» [7, с. 41]. В случае признания данного философского принципа изучение состояния института общественного мнения допустимо методами анализа документов, наблюдения в целях оценки поведения как объективного выражения общественного мнения, но должно производиться с учетом социально-культурной относительности. Однако при изучении общественного мнения недопустимо использование метода опроса, предполагающего получение субъективной оценки происходящего, даваемой индивидуально каждым респондентом в отдельности и выражаемой с учетом его культурной идентичности, индивидуального, личностного, интересубъек-

тивного опыта. «Общественное мнение, выявленное посредством анкетирования, представляет отношение лишь одной части общества – населения, его отдельных социальных слоев к существующей политико-правовой практике, отдельным мероприятиям правительства» [8, с. 355].

Полученная в результате опроса (интервьюирования или анкетирования) механическая совокупность мнений отдельных лиц (большинства) не может восприниматься в качестве общественного мнения как такового по нескольким причинам. Во-первых, проводимое чаще всего выборочное исследование не сможет априори охватить всех или хотя бы большую часть носителей изучаемого общественного мнения и (или) его генераторов. Распространение мнения выборочной совокупности на генеральную совокупность не только в данном случае методически ошибочно, но и практически неверно. Во-вторых, процедура функционирования общественного мнения предполагает самостоятельное свободное его выражение, в то время как деятельностная активность в методике опроса строго формализована (чаще всего стандартизирована) и предполагает инициативу со стороны самого исследователя, который в большинстве случаев к общественному мнению не имеет отношения. В-третьих, опрос, по сути, не предполагает обязательного творческого осмысления окружающей правовой действительности, которое является неотъемлемой характеристикой общественного мнения как такового. В результате опроса может выражаться информация нетворческого, отражательного, механического содержания.

В наиболее распространенных случаях речь можно вести об общественном мнении в контексте акта сознания и правосознания, что дает основание рассматривать данное явление не в статичном состоянии (как вывод, итог, высказывание по определенным проблемам), а в динамике, как сложный процесс, результат творческой сознательной деятельности конкретного индивида, включенного в определенную социально-правовую общность, по поводу получения, уяснения и трансляции специфического вида информации. Сущность общественного мнения состоит в том, что это своего рода информация, полученная, творчески осмысленная и переданная другим лицам, образующим социальную группу – носитель общественного мнения. Сведения, обращаемые в процессе формирования и выражения общественного мнения, носят специфический социально-правовой характер, и поэтому предъявляются особые требования к их режиму, объему и достоверности.

Учитывая наличие сложных компонентов сознания, процесс его выражения в виде общественного мнения представляет собой строго ин-

дивидуализированную сложную интеллектуальную процедуру, направленную на: а) формирование определенных суждений в качестве общественного мнения, что осуществляется специальными субъектами – генераторами общественного мнения; б) выражение определенных суждений в качестве общественного мнения в конкретном поведении, что сознательно осуществляется специальными субъектами – носителями общественного мнения.

Одно физическое лицо может сочетать эти два вида деятельности, и каждое из названных направлений способна выполнять группа лиц, объединенных с соответствующей целью (например политические партии).

Заключение

В предложенном понимании анализ общественного мнения предполагает соблюдение следующих принципов.

I. Носителем общественного мнения, несмотря на этимологию, не может быть все общество. Общественное мнение формируется как отношение отдельной (иногда даже малочисленной, но в то же время влиятельной) социальной группы, в процессе функционирования которой в правотворчестве и (или) реализации права существуют два процесса сознания и правового сознания, основанные на двух типах опыта: кумулятивно накапливаемого, повседневного, интересубъективного и экстраординарного, пограничного, личного опыта творческого индивида [7, с. 22].

Эти два опыта в специфической интеграции (с преобладанием творческой составляющей) объединяют конкретную социальную группу, которая становится носителем и (или) генератором общественного мнения, получая и распространяя соответствующую информацию.

II. Общественное мнение представляет собой сложный сознательный процесс получения, осмысления и передачи определенной социально-правовой информации, который имеет место не в результате механического отражения внешней социальной действительности, а происходит на основе осмысления сведений о такой реальности, творческого внесения в нее смысла и создания идеальных моделей (образцов), позволяющих направлять дальнейшую деятельность и общение. Общественное мнение отражается не механически зеркально, оно богаче самого объекта в силу проникновения в его сущность, а также включает в себя возможности преобразования социально-правовой действительности. Будучи преимущественно объективным по своей сути, общественное мнение содержит и субъективные элементы, привносимые его носителями на основе их индивидуальных потребностей и интересов.

III. Спорной представляется оценка общественного мнения как истинного или ложного, прогрессивного или регрессивного, отражающего или не отражающего идеалы [3, с. 167–171]. Общественное мнение заключается в объективном отражении состояния информационной действительности в обществе и выявляет все ее недостатки.

IV. Общественное мнение передается от одних эпистемических сообществ к другим, транслируя им свои идеальные социально-правовые образы окружающей действительности. Эта трансляция имеет непрерывный характер и предопределяет преемственность, традиционность и различную идентичность содержания общественного мнения.

На основании указанного важным признаком общественного мнения является наличие каналов правовой коммуникации. Более того, пред-

ставляется, что появление и трансляция общественного мнения как социального явления стали возможными только тогда, когда появились первые средства коммуникации (книгопечатание, мореплавание), впоследствии развиваемые и усложняемые вплоть до создания сложных систем (телевизионных, компьютерных и др.).

В данной статье приведены лишь наиболее общие теоретические основы анализа и изучения общественного мнения. Существует объективная потребность более подробного теоретико-правового, социолого-правового и отраслевого правового исследования данного феномена как юридического института, а также процесса внутреннего осмысления и внешнего выражения социально-правовой информации в окружающей социально-правовой действительности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Социология: учеб. / под ред. В.Н. Лавриенко. – М., 1998.
2. Нерсесянц, В.С. Общая теория права и государства / В.С. Нерсесянц. – М.: НОРМА, 2002. – 552 с.
3. Касьянов, В.В. Социология права / В.В. Касьянов, В.Н. Нечипуренко. – Ростов н/Д: Феникс, 2001. – 480 с.
4. Лапаева, В.В. Социология права / В.В. Лапаева. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Норма, 2008. – 336 с.
5. Лапаева, В.В. Общественное мнение и право / В.В. Лапаева // Проблемы общей теории права и государства: учеб. для вузов / под общ. ред. В.С. Нерсесянца. – М.: НОРМА, 2002. – 832 с.
6. Сафаров, Р.А. Политический статус общественного мнения / Р.А. Сафаров // Социолог. исслед. – 1979. – № 4. – С. 11–17.
7. Касавин, И.Т. Традиции и интерпретации: фрагменты исторической эпистемологии / И.Т. Касавин. – М.–СПб.: РХГИ, 2000. – 320 с.
8. Сырых, В.М. История и методология юридической науки: учеб. / В.М. Сырых. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2012. – 464 с.
9. Социология: учеб. / под ред. А.Г. Эфендиева. – М., 1993.

Дата поступления статьи в редакцию 28.09.2012

ФОРМЫ АДВАКАЦКАЙ ДЗЕЙНАСЦІ НА ТЭРЫТОРЫІ БЕЛАРУСІ Ў XVI СТАГОДДЗІ

ГУР'ЕВА А.А.,

аспірант Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта

*Разглядаюцца пытанні развіцця інстытута адвакатуры на тэрыторыі Беларусі ў да-
статутны і статутны перыяды. Даюцца характарыстыка і аналіз асноўных формаў адва-
кацкай дзейнасці ў разглядаемы час.*

*In the article are considered the problems of the Bar in the territory of Belarus in the early feudal
period till the moment of acceptance of the Statute of the Grand duchy of Lithuania and during the
period of the Statutes of the Grand Duchy of Lithuania 1529, 1566, 1588. The characteristic and the
analysis of the basic forms of lawyer activity during the considered period of time are given.*

Гісторыя зараджэння аказання юрыдычнай дапамогі ў судзе на тэрыторыі Беларусі прыкладна адпавядала асноўным тэндэнцыям іншых еўрапейскіх народаў. Як справядліва адзначае Е.У.Васькоўскі, адвакатура, падобна ўсім сацыяльным інстытутам, не ўзнікае адразу ў цалкам арганізаваным выглядзе, а з'яўляецца спачатку як малаважны зародак, які можа пры спрыяльных умовах сфарміравацца і дасягнуць вызначанага росквіту [1, с. 20].

Праблему развіцця інстытута адвакатуры закралі ў сваіх працах айчынным навукоўцы. Напрыклад, М.В.Доўнар-Запольскі [2] адзначае, што развіццё прававой навукі Беларусі добра прасочваецца праз адвакацкія прамовы. Ю.П.Доўнар [3; 4] разглядала дзейнасць адвакатаў менавіта ў перыяд дзеяння статутаў Вялікага Княства Літоўскага (далей – ВКЛ). Аднак гэтыя даследаванні носяць у асноўным гістарычна-апісальны характар і не даюць грунтоўнага аналізу сістэмы развіцця адвакатуры.

Расійскія вучоныя актыўна даследуюць гісторыю судовага прадстаўніцтва ўсходніх славян з самага ранняга перыяду яго зараджэння (У.І.Бажэнава [5], Е.У.Васькоўскі [1]), але слаба закранаюць гісторыю адвакатуры ў ВКЛ. Апошняя тычыцца і польскіх даследчыкаў, працы якіх тым не менш унеслі значны ўклад у вывучэнне статутаў ВКЛ [6; 7].

Сярод украінскіх даследчыкаў вылучаецца С.Барысёнак [8], які ў сваёй працы «Утварэння професійнай адвакатуры в Литовсько-Руській державі» шмат увагі надаў развіццю інстытута адвакатуры ў пачатку XVI стагоддзя, у перыяд

распрацоўкі Статута ВКЛ 1529 года. Аднак ён практычна не закранаў факты развіцця адвакатуры з другой паловы XVI стагоддзя, пасля прыняцця Статута ВКЛ 1566 года.

Каштоўнымі крыніцамі з'яўляюцца літоўскія метрыкі і судовыя кнігі, якія даюць уяўленне аб працы адвакатаў на прыкладах іх удзелу ў судовых працэсах.

Мэтай даследавання з'яўляецца вывучэнне прававога рэгулявання адвакацкай дзейнасці на тэрыторыі Беларусі ў дастатутны перыяд і ў перыяд дзеяння статутаў Вялікага Княства Літоўскага 1529, 1566, 1588 гадоў, а таксама выяўленне і аналіз формаў адвакацкай дзейнасці гэтага перыяду на аснове літоўскіх метрык і судовых актаў.

Першапачатковае панаванне звычайнага права абумовіла зараджэнне і развіццё такой прымітыўнай формы юрыдычнай дапамогі, як натуральнае прадстаўніцтва, якое было шырока вядома на еўрапейскім кантыненте. Яго сутнасць у тым, што найбольш блізкія для чалавека асобы (родзічы, сябры, сельская грамада) у працэсе прававой спрэчкі дапамагалі яму парадамі, а калі ён не меў магчымасці з якой-небудзь прычыны самастойна прамаўляць на судзе, то і выступалі ад яго імя. Апошняя тычылася ў першую чаргу непаўналетніх, жанчын, асоб з такімі захворваннямі, што не дазвалялі чалавеку самастойна адстойваць свае правы (напрыклад, псіхічныя хваробы, немата, агульная слабасць і г.д.). Адметная рыса такой судовай замены заключалася ў наступным: адна асоба (прад-

стаўнік) удзельнічала ў працэсе замест другой асобы (прадстаўляемага) і судовае рашэнне выносілася і прыводзілася ў дзеянне на карысць або супраць той асобы, якую прадстаўнік замяніў у судзе.

Паколькі ў старажытнай беларускай сям'і найбольшымі прававымі паўнамоцтвамі і аўтарытэтам валодаў мужчына, то і ў судзе найчасцей менавіта ён прадстаўляў сваю сям'ю ці яе асобных удзельнікаў. Так, бацька «сына своего кь намъ прислалъ за себе мовити» [9, с. 109]. Па справе ад 28 мая 1529 г. пані Мікалаевай «панъ Янъ, воеводичъ, отъ п(а)нее матъки и отъ брати свое мовиль» [10, с. 114]. У межах вёскі альбо рода прадстаўнікамі маглі быць найбольш сталыя і дасведчаныя старэйшыны, бо яны не толькі ўмелі прыгожа і змястоўна выкладаць сутнасць праблемы, але і былі носьбітамі старадаўніх традыцый і звычайў пэўнай мясцовасці, а ў тых умовах, калі прававыя звычаі яшчэ не запісваліся, найчасцей менавіта старэйшыны з'яўляліся знаўцамі права і перадавалі свае веды з пакалення ў пакаленне.

Ад імя сваіх падапечных выступалі і апекуны. Прыкладам таму служыць справа цівуна Троцкага Мацка з пані Барташавай Табаровіч і з панам Юрыем Ільнічам аб маентку і аб двары ў месцы Віленскім: «І пан Юрын Ивановичъ Ильинича мовиль: ижъ панъ Барътошъ взялъ его за сына место, и именье свое Збляны ему отписалъ, а казалъ ему опекатися душою своею и панею своею... я близкий за нее отмовляти» [11, с. 835–837]. Натуральнае прадстаўніцтва, з'яўляючыся найбольш старажытнай формай юрыдычнай дапамогі і ў некаторым сэнсе формай адвакацкай дзейнасці, не знікла нават з развіццём пісанага права. Больш таго, натуральнае прадстаўніцтва і выпадкі яго выкарыстання былі замацаваныя ў статутным праве. Так, у Статуце ВКЛ 1566 года ў раздзеле IV «Аб судах і суддзях» у артыкуле 31 «О заступованью въ суду одному за другого» гаворыцца: «Тежъ уставуемъ, хотечы мѣти абы такъ было на вси потомные часы, ижъ коли бы хто кого другого о которую колвекъ речъ въ суду заступилъ; тогда тотъ вжо будетъ повиненъ самъ безъ жадныхъ позвовъ, на тотъ часъ за тою жъ жалобою зъ суда не сходечы, за него отказовати и усправедливигися. А заступованье инакшое не маеть быти только очевидное, у права ставшы заступити, не черезъ листы и прокураторы» [12, с. 115–116]. Гэта азначае, што згодна са Статутам прадстаўніцтва было не толькі правам, але і абавязкам у выпадку, калі асоба пагадзілася быць прадстаўніком, прычым ад гэтай функцыі нельга было адмовіцца нават шляхам перадаверу. Як вынікае з указанага артыкула, была ўсталявана асабістая яўка прадстаўніка на судовае пасяджэнне.

Статут ВКЛ 1588 года ў раздзеле IV «Аб суддзях і судах» у артыкуле 56 «Аб даручэнні справы і аб дачы паўнамоцтваў іншым у судзе за сябе гаварыць» у якасці адной з падстаў для ўдзелу прадстаўніка ў судовым пасяджэнні называе хваробу: «Устанаўліваем таксама, дзе б хто па пазвах або на якой сесіі, што засядае, не мог у судзе быць як за хваробы, так і па іншых як-небудзь прычынах і патрэбах сваіх, тады... прадстаўніка свайго можа замест сябе ў судзе мець» [13, с. 90]. Хоць, вядома, акрамя захворвання маглі быць і іншыя падставы для прадстаўлення асобы ў судзе, калі яна асабіста не магла ўдзельнічаць у пасяджэнні.

Існуе натуральнае прадстаўніцтва і ў наш час, хоць з магчымага кола прадстаўнікоў, у параўнанні са старажытнасцю, выключаныя сябры, але па-ранейшаму захаваліся блізкія родзічы і інш.

Са з'яўленнем на тэрыторыі Беларусі першых княстваў-дзяржаў пачынаюць стварацца органы кіравання і бюракратыі. Князь, які таксама выступаў стараной у судовых справах, меў патрэбу ў судовым прадстаўніцтве сваёй асобы, і гэтую функцыю выконвалі яго служэбнікі. Па меры таго, як адбываецца станаўленне прафесійнага суда і судовага працэсу, паслугамі служэбнікаў пачынаюць карыстацца паны і зможныя гаспадары, з'яўляюцца гэтак званыя панскія служэбнікі. Так, па справе пана Грамыкі яго інтарэсы прадстаўляў яго слуга: «Ино въ тотъ часъ панъ Громыка передъ нами самъ не былъ, нижли слуга его Васка Елоза былъ передъ нами и мовиль тым обычаемъ» [11, с. 836]. Гістарычныя крыніцы таксама ў якасці прадстаўнікоў згадваюць акрамя служэбнікаў яшчэ дзякаў і пісараў. Такім чынам, з'яўляюцца прадстаўнікі, для якіх выкананне юрыдычнай дапамогі і замяшчэнне асобы ў судзе з'яўляюцца службовай альбо прафесійнай дзейнасцю. Адбываецца афармленне інстытуту прафесійнага прадстаўніцтва, але казаць пра тое, што сярэднявечныя служэбнікі адпавядалі класічнаму ўяўленню аб адвакатах, не даводзіцца. Прафесійнае, як і натуральнае, прадстаўніцтва таго часу, было толькі адной формай адвакацкай дзейнасці.

У больш позні перыяд прафесійнае прадстаўніцтва, таксама як і натуральнае, атрымала заканадаўчае замацаванне ў статутах ВКЛ. Быў акрэслены пералік асоб, якія не маглі прадстаўляць стораны ў судзе: «...а судья подсудокъ и писаръ такъ тежъ и тые, которые только духовные имѣнья держать, прокураторовать не мают...» (артыкул 34 Статута 1566 года, артыкул 58 Статута 1588 года). Відавочна, што гэта было зроблена з мэтай зменшыць іх уплыў праз

свой статус на вынікі справы. Такім чынам, калі ў дастатутны перыяд дзякі і пісары выконвалі функцыі прадстаўнікоў, то Статутам 1566 года была ўведзена забарона на іх удзел у судовым працэсе ў якасці адвакатаў і, адпаведна, створана манаполія пракуратараў на судовое прадстаўніцтва. Пазней гэтае ж правіла было прадуліравана ў артыкуле 58 Статута 1588 года, што пацвярджала стабільнасць гэтай нормы.

Вышэйшымі прыведзеныя прыклады з судовай практыкі дастатутнага і статутнага перыядаў апісваюць у асноўным удзел так званых натуральных і наёмных прадстаўнікоў пры разглядзе справы. Такі від прадстаўніцтва дапамагаў судзіжнікам аблегчыць судовую абарону. Побач з гэтай патрэбай з цягам часу ўзнікае і іншая, не менш значная, – веданне права і юрыдычных асаблівасцей вядзення справы. Для абароны правоў у судзе ўжо было не дастаткова быць знаёмым з фактамі справы, трэба разумець юрыдычнае значэнне гэтых фактаў, умець дакладаць іх перад судом вусна альбо пісьмова, раскрыць юрыдычны бок справы і, акрамя таго, ведаць розныя формы працэсу, устаноўленыя законам. Чым больш развіваўся побыт народа, тым больш складанай становілася сістэма яго права і працэсу, а разам з тым узрасталі патрэбнасць у спецыяльным вывучэнні гэтай сістэмы. Асобы, якія яе не вывучалі і займаліся якой-небудзь іншай справай – земляробствам, гандлем, рамяством, – пры ўсіх сваіх ведах і жыццёвым вопыце звычайна не ў стане авалодаць юрыспрудэнцыяй і шэрагам юрыдычных асаблівасцей і звестак, неабходных для правільнага вядзення справы ў судзе. Людзям сталі патрэбнымі падтрымка і дапамога асобы, якая б ведала тэхніку вядзення справы ў судзе, неаднаразова выступала ў судзе або добра ведала законы, правапрымяняльную практыку і навуку права. У сувязі з гэтым узнікла неабходнасць у спецыялістах, якія б займаліся вывучэннем законаў і маглі аказаць людзям, што маюць у гэтым патрэбу, юрыдычную падтрымку або правазаступніцтва (гэта і складала змест паняцця, якое цяпер прынята называць адвакацкай дзейнасцю ва ўласным сэнсе слова).

Судовы працэс быў вусны, публічны і спаборны, што прывяло да самага шырокага выкарыстання паслуг правазаступнікаў, паколькі яны былі больш дасведчанымі ў галіне права і маглі зрабіць істотны ўплыў на вынік справы. Нават Гаспадарскі суд ВКЛ не адзін раз прапаноўваў старанам даручаць справу каму-небудзь пры немагчымасці асабіста з'явіцца ў суд. Пацверджаннем гэтаму з'яўляецца справа ад 31 мая 1511 г. пана Філіпоўскага да гетмана князя Кан-

станціна Астрожскага: «А пан Миколай Филиповский такъже маеть привилей и листы свои, которые жъ на то маеть, передъ нами положить, а естли бы тежъ не поспешонъ былъ, и онъ маеть съ тыми листы прокуратора своего прислати на тотъ же рокъ» [11, с. 660].

Тая ці іншая з'ява, правазаступніцтва і прадстаўніцтва ў працэсе, адпавядае асобым юрыдычным запатрабаванням і можа існаваць адна пасля другой са сваімі асаблівымі характарамі і наступствамі. Нават адна і тая ж старана па справе ў адным і тым жа працэсе можа мець прадстаўніка і ўзяць яму ў дапамогу асаблівага заступніка (адваката). Або, напрыклад, апякун як прадстаўнік непаўналетняга можа весці справу сам, але для сваёй падтрымкі, для вымаўлення судовых прамоў выбіраць асаблівага знаўцу законаў.

Калі заступнік або пракуратар можа аказаць юрыдычную падтрымку суцяжнай старане, калі ён валодае для гэтага дастатковымі тэхнічнымі звесткамі і вопытам па судовых справах, калі старана па справе мае права выбіраць сабе заступніка або прадстаўніка па свайму жаданню і ў інтарэсах лепшай абароны сваёй справы, то верагодна, што няма неабходнасці выстаўляць у сваю абарону менавіта дзвюх асоб – прадстаўніка, які не ведае права, і асабістага адваката для яго падтрымкі. Наадварот, у інтарэсах стараны па справе – аб'яднаць гэтыя ролі ў адной асобе, выбраўшы адваката, што ведае законы.

Падводзячы вынікі, адзначым, што першапачатковыя формы адвакатуры ў выглядзе прадстаўніцтва, спачатку натуральнага (родзічы, сябры, старэйшыны), а потым службовага альбо наёмна-прафесійнага (служэбнікі, дзякі, пісары), узніклі і функцыянавалі на тэрыторыі Беларусі на падставе звычайнага права, але захаваліся і з развіццём пісанага, а потым і статутнага права, атрымаўшы нарматыўнае замацаванне. Існуюць такія формы прадстаўніцтва і ў наш час, аб чым сведчаць нормы заканадаўства, аднак кола магчымых прадстаўнікоў і іх паўнамоцтвы ў параўнанні са старажытнасцю змяніліся. Тым не менш некаторыя дастатутныя і статутныя традыцыі судовага прадстаўніцтва пераемна ўспрынятыя ў дзеючым заканадаўстве і ўжываюцца ў правапрымяняльнай практыцы.

Найбольшае развіццё аказання юрыдычнай дапамогі ў феадальны перыяд на тэрыторыі Беларусі адбылося ў сувязі з пашырэннем дзейнасці судовых правазаступнікаў, якія былі прафесіяналамі-правазнаўцамі. Існаванне пракуратараў (адвакатаў) у ВКЛ стала магчымым дзякуючы ўвядзенню спаборнага судовага працэсу і адноснага дэмакратызму сярэднявеч-

нага права, як матэрыяльнага, так і працэсуальнага, асабліва падчас дзеяння статутаў ВКЛ 1529, 1566, 1588 гадоў. Хоць сучасная адвакатура Рэспублікі Беларусь паходзіць пераважна з савецкай прававой традыцыі, нельга адмаўляць уплыву на яе адвакатуры часоў ВКЛ, перш за ўсё ў сферы гістарычнай памяці, традыцый і

прынцыпаў дзейнасці па аказанні прававой дапамогі як найважнейшай рысы гуманнага і дэмакратычнага грамадства. Агульны гістарычны ўплыў прававой спадчыны ВКЛ, асабліва магдэбургскага і статутнага права, на фарміраванне беларускага народа ўвогуле і адвакатуры ў прыватнасці нельга недаацэньваць.

ЛІТАРАТУРА

1. Васьковський, Е.В. Организация адвокатуры: в 2 ч. / Е.В. Васьковський. – СПб., 1893. – Ч. 1: Очерк всеобщей истории адвокатуры. – 387 с.
2. Доўнар-Запольскі, М.В. Асновы дзяржаўнасці Беларусі / М.В. Доўнар-Запольскі. – Гродна, 1919. – 15 с.
3. Доўнар, Ю.П. Зараджэнне інстытута прафесійнай адвакатуры ў Вялікім Княстве Літоўскім / Ю.П. Доўнар // Весн. Беларус. дзярж. ун-та. Сер. 3, Гісторыя, філасофія, псіхалогія, паліталогія, сацыялогія, эканоміка, права. – 2003. – № 1. – С. 90–95.
4. Доўнар, Ю.П. Судовая рэформа XVI стагоддзя ў Вялікім Княстве Літоўскім / Ю.П. Доўнар. – Мінск: Беларус. дзярж. ун-т, 2007. – 175 с.
5. Баженова, У.И. Адвокатура в дореволюционной России (вторая половина XIX – начало XX века): дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / У.И. Баженова. – Н. Новгород, 2002.
6. Kutzeba, S. Dawne polskie prawo sudowe / S. Kutzeba. – Lwow, 1927. – 76 с.
7. Kiszka, A. Historia adwokatury polskiej / A. Kiszka. – Warszawa, 1995. – 195 с.
8. Борисенко, С. Утворення професійнай адвакатуры ў Літовска-Руській дзяржаве / С. Борисенко // Працы камісіі для вывучэння історыі заходне-руско-украінскага права. – Киев, 1927. – С. 83–149.
9. Акты Литовской Метрики (1413–1498 гг.) / собр. проф. Варш. ун-та Ф.И. Леонтовичем. – Варшава: Тип. Варш. учеб. окр., 1897. – 169 с.
10. Литовская метрика (1528–1547). 15-я книга записей / подгот.: И. Валконите [и др.] – Вильнюс, 1995. – 446 с.
11. Гильтебрандт, П.А. Литовская метрика. Т. 1 / П.А. Гильтебрандт. – Петерб.: Сенатор. тип., 1903. – 1556 с.
12. Доўнар, Т.І. Статут Вялікага Княства Літоўскага 1566 года / Т.І. Доўнар, У.М. Сатолін, Я.А. Юхо. – Мінск: Тэсей, 2003. – 352 с.
13. Статут Вялікага Княства Літоўскага 1588 года. – Мінск: Беларусь, 2005. – 207 с.

Дата паступлення артыкула ў рэдакцыю 18.05.2012

ПРАВО ГОСУДАРСТВЕННОЙ СОБСТВЕННОСТИ В ВЕЛИКОМ КНЯЖЕСТВЕ ЛИТОВСКОМ В ПЕРИОД ДО 1569 ГОДА

ЗАБОЙКО В.И.,

аспирант кафедры теории и истории права Белорусского государственного экономического университета, магистр юридических наук

В статье раскрываются вопросы правового положения государственной собственности в Великом Княжестве Литовском в период до 1569 года, в том числе определяется субъект права государственной собственности, изучаются полномочия Великого князя Литовского по управлению и распоряжению государственным имуществом. Обосновывается тезис о том, что Великий князь обладал правом собственности на государственные (княжеские) земли, а в отношении права распоряжения государственной казной его полномочия в рассматриваемый период меняются.

The article questions of a legal status of state ownership in the Grand Duchy of Lithuania during the period till 1569 reveal, including the legal entity of state ownership is defined, powers of the Grand duke Lithuanian on management and the order are studied by the state property, the thesis that the Grand duke possessed the property right to the state lands locates, and concerning the right of the order the state treasury of power of the Grand duke during the considered period change.

Правовой режим государственной собственности в Великом Княжестве Литовском (далее – ВКЛ) в XIII–XVI веках является предметом исследований в области как права, так и истории. Данной проблемой занимались российские, украинские и белорусские ученые В.Б. Антонович, А.Ю. Дворниченко, Т.И. Довнар, В.М. Игнатовский, М.К. Любавский, В.А. Незабитовский, В.И. Пичета, И.А. Юхо и др.

В исследуемый период развития государства и права общественные отношения, в том числе в имущественной сфере, в большинстве своем регулировались обычным правом и отдельными индивидуальными великокняжескими актами (привилегиями и грамотами). Анализ норм дошедших до нас письменных источников права того времени, в том числе статуты ВКЛ 1529 и 1566 годов, лишь косвенно позволяет сделать конкретные выводы об институте права государственной собственности в ВКЛ в период до заключения Люблинской унии 1569 года, в связи с чем ученые так и не пришли к единому мнению по данной проблеме.

На наш взгляд, не совсем верно было бы говорить о праве государственной собственности в рассматриваемый период с точки зрения современного доктринального понимания данного института, так как в ВКЛ не существовало чет-

кого отграничения государства, призванного управлять с целью соблюдения общественных интересов, от интересов частных собственников.

Правовой режим государственной собственности в ВКЛ в период XIII–XVI веков следует рассматривать не как статическое явление, а как постоянно развивающийся динамичный институт, тесно связанный с экономическим и политическим положением великокняжеской власти. В связи с тем, что в конце XV – начале XVI века произошли серьезные изменения в правовом положении Великого князя, в развитии права государственной собственности в период до заключения Люблинской унии можно выделить следующие основные этапы: первый (XIII – первая половина XV века) и второй (конец XV – XVI век).

С созданием в XIII веке ВКЛ и объединением под его властью значительной территории бывшей Киевской Руси идет процесс усиления власти Великого князя. В начале своего существования ВКЛ представляло собой федеративное государство с различными политическими и экономическими связями между его субъектами. Часть земель (собственно Литва) находилась в непосредственном подчинении Великого князя, часть – Жмудь и Русь – местных князей, ко-

торые тем не менее признавали верховную великокняжескую власть.

В первое время существования нового государства политика великих князей по отношению к белорусским землям была консервативно-либеральной. Российский историк М.К.Любавский отмечал: «Разрушая удельный порядок, заменяя удельных князей своими наместниками и воеводами и перенеся на себя наиболее важные права удельных князей, великие князья Литовские во всем другом не трогали старины обычаев... Литовское правительство, государственные средства которого были не очень велики, поневоле должно было в своей политике по отношению к областям держаться старинного принципа договора и соглашения, гарантирующего местным обществам их старинные права, обычаи и устои...» [1, с. 38].

Старинным правом населения ВКЛ со времен существования Киевской Руси было право на коллективное самоуправление путем принятия важнейших решений на общем собрании глав городских семей – вече. В результате изучения дошедших до нас источников права и различных позиций ученых по вопросам функций и социального состава вечевых собраний был сделан вывод, что полномочия собственника в отношении земель Киевской Руси осуществлял как князь, так и вече, на котором принимались решения не только по вопросам войны и мира, но и по управлению и распоряжению государственным имуществом.

В связи с отсутствием письменного законодательства на заре существования ВКЛ вопрос по определению субъекта права собственности в отношении общинных земель не имел однозначного ответа. Украинский ученый В.Б.Антонович в конце XIX века писал: «Общины считали, на основании незапамятного обычая, всю территорию, тянущуюся к данному вечевому центру, неотъемлемой собственностью общины... Князь, напротив того, смотрели на землю как на собственность, принадлежавшую им в силу их верховной власти...» [2, с. 138–139].

По мере становления сословно-представительной монархии общинное руководство все более теряет свою экономическую и политическую самостоятельность. Ученый Академии наук БССР, белорусский историк В.М.Игнатовский пишет, что вече в городах в первое время существования Литовско-Белорусского государства все еще собираются, но решает исключительно вопросы городского значения. И только на юге долгое время держится древний вечевой порядок [3, с. 105].

Существуют различные точки зрения среди ученых по поводу того, что же представлял собой институт государственной собственности на землю в ВКЛ в XIII–XVI веках.

По мнению дореволюционного историка и юриста С.А.Бершадского, Великому князю «по идее» принадлежало право на всю территорию ВКЛ» [4, с. 268].

Украинский юрист В.А.Незабитовский считал, что при пожаловании земли собственником всегда оставался Великий князь: «Как бы безусловно поэтому не жаловалось кому земельное владение, в сущности оно было всегда лишь владением и пользованием до господарской воли, или, другими словами, владением по милости. В ВКЛ – государстве, которое сложилось преимущественно путем завоевания, господарское право на землю нашло удобную почву для своего развития» [5, с. 295].

По мнению белорусского ученого И.А.Юхо, «право собственности крестьян на землю в XIV–XV веках обеспечивалось обычным правом и признавалось как феодалами, так и должностными лицами государственного аппарата» [6, с. 95]. Доктор исторических наук В.П.Илюшечкин в отношении права государственной собственности писал: «Суверенные права государства в отношении его населения, выражающиеся в праве на взимание налогов с последнего, нередко ошибочно принимаются некоторыми авторами за некую «власть-собственность», или «верховную государственную собственность на землю», передача их на местах частным лицам – за расщепление этой «собственности» на «верховную государственную» и на подчиненную, а налоги – за экономическую реализацию «верховой государственной» и подчиненной собственности» [7, с. 310]. Аналогичной позиции придерживается А.Ю.Дворниченко, долгое время изучавший государство и право ВКЛ: «Можем с полной ответственностью заявить: «верховного феодализма» в западнорусских землях в изучаемый период не существовало» [8, с. 142].

Мы придерживаемся иной позиции по данному вопросу. В качестве государственной собственности в ВКЛ можно рассматривать именно великокняжескую собственность в виде великокняжеских земель и замков, государственную казну и незанятые земли, также находившиеся в распоряжении Великого князя.

К выводу о слиянии государственной и княжеской собственности приходит и историк Д.Л.Похилевич: «До конца XVI века все доходы от господарских имений поступали в единую великокняжескую казну. Из нее производились расходы на государственные, дворцовые и личные нужды князя. Никакого отдельного финансово-экономического органа, который ведал бы чисто государственными доходами и такими же расходами, не было. По феодальному правосознанию княжеское (королевское) понималось как государственное, и наоборот» [9, с. 52].

В период до конца XV века Великий князь был собственником государственной казны и обширной земельной территории, за исключением земель, находившихся на вотчинном праве у шляхты. Князь самостоятельно принимал решения об изъятии земель и передаче их в пользование иным лицам под условное или вотчинное владение, по своему усмотрению распоряжался государственной казной.

Господарские староства и экономии состояли из великокняжеских дворов, фольварков и войтовств, к которым принадлежало то или иное число сельских поселений. Кроме того, на той же территории располагались замки, города, местечки и мещанские села. Великокняжеские дворы, находившиеся в той или иной местности, имели разное значение. Одни из них были административно-хозяйственными центрами прилегавшей к двору волости. Такие дворы имели собственную пашню и вели отдельное хозяйство. Другие дворы, расположенные в местности, плохо пригодной к ведению сельского хозяйства, не вели хозяйства и были только административно-хозяйственными центрами для волостей, прилегавших к ним [10, с. 101].

Великокняжеское хозяйство хорошо было развито в Кобринской и Городенской экономиях, сравнительно слабо – в Пинске [10, с. 104].

Великокняжеские земли (дворы, пашни, леса, огороды) призваны были удовлетворять имущественные интересы князя и его двора, в том числе на доходы от пользования ими содержалось великокняжеское войско, выплачивалось жалованье государственной администрации. Академик В.И.Пичета указывает на случаи, когда из великокняжеского хозяйства отправлялось зерно в городские государственные госпитали [10, с. 118]. Таким образом, господарское имущество являлось материальной основой не только существования государственной власти в лице Великого князя и его представителей на местах, но и служило общественным интересам населения.

Земли, находящиеся в пользовании феодалов, призваны были удовлетворять их потребности, а также являлись источником пополнения княжеской казны (с этих земель собиралась дань – «серебщина»). Они могли принадлежать магнатам и шляхте как на вотчинном праве (наследуемом праве собственности), так и на так называемом условном праве пользования (передавались шляхте «в хлебокормление», оставаясь при этом в собственности Великого князя). Известны случаи, когда шляхтич, получивший землю «в хлебокормление», как правило, «до воли» (то есть до тех пор пока князь не примет решение о дальнейшей судьбе данной земли),

впоследствии владел данной землей на праве вотчины на основании решения Великого князя либо за давностью владения. Например, Пинск князь Юрий Семенович получил на правах княжеского наместника «в хлебокормление», а потом – и на праве вотчины «по милости» Великого князя. Великим князем Александром Кричев был отдан князю Семену Можайскому сначала «до воли», а потом «на вечность» [1, с. 281].

В конце XV века правовой режим государственной собственности меняется в связи с изменением объема полномочий Великого князя в части управления и распоряжения ею.

Великий князь, раздавая землю, создавал прослойку мелких и средних землевладельцев, которые вначале не имели большой политической силы в государстве, однако к началу XVI века в связи с усилением политического и экономического влияния крупных землевладельцев (магнатов) и более мелкой земельной аристократии (шляхты) ситуация меняется. По словам белорусского профессора Т.И.Довнар: «В XV–XVI веках в государственно-политической сфере ВКЛ складывается сословно-представительная монархия с ее характерными чертами и политическими атрибутами» [11, с. 16].

Юридически процесс ограничения полномочий Великого князя по осуществлению полномочий собственника начался с издания Привилея 1492 года, который освободил шляхту от обязанности платить налоги в государственную казну («серебщина» из регулярной денежной подати превратилась в чрезвычайный сбор, который шляхта уплачивает только в случае согласия на его уплату). Согласно статьям 15 и 20 Привилея 1492 года все ключевые решения, в том числе по распоряжению государственным имуществом, назначению княжеских наместников, Великий князь должен был принимать только по совету или с согласия панов-рады: «Саноўніцтвы, дзяржавы і ўрады вайсковыя і цывільныя ў больш далёкіх месцах, калі яны будуць вакантнымі, мы з панамі радамі нашымі гэтыя ўрады або дзяржавы ў пэўны тэрмін аддамо» [12, с. 223–225].

Привилея Жигимонта Казимировича 1506 года подтвердил все те права, которые были даны шляхте Привилеем 1492 года, ограничил полномочия Великого князя по единоличному принятию решений в отношении толкования действующих норм права того времени, а также по изданию новых привилеев, в том числе содержащих решения по вопросам распоряжения государственным имуществом: «Мы не інакш будзем тлумачыць і дапасоўваць статуты і зацверджаныя і ўхваленыя да выканання старадаўнія звычаі або ўноў укладзеныя і абвешча-

няя і тыя, якія будуць упарадкаваны для агульнай выгады Рэчы Паспалітай (рэспублікі) нашай, як пасля грунтоўнага разважання і з ведама, нарады і згоды паноў рады нашых Вялікага Княства Літоўскага» [12, с. 228].

В.И.Пичета в отношении прав Великого князя на распоряжение государственным имуществом в XVI веке пишет: «Господарская рада принимала самое деятельное участие в управлении и распоряжении государственными именьями, поскольку привилей Сигизмунда I, выданный в 1506 году, юридически ограничивал власть Великого князя, требуя, чтобы последний принимал решения по вопросам внутренней и внешней политики только по совету и с согласия панов-рады» [10, с. 192].

Ограничение по распоряжению государственным имуществом для Великого князя также было установлено статьей 3 раздела III Статута 1529 года: «Также обязуемся и обещаем, что в наших землях того Великого княжества ни мы, ни наши потомки никому из чужестранцев не будем давать в собственность и в держание земель, замков, городов и каких-либо званий и чинов, но только местным уроженцам тех земель названного выше нашего Великого княжества» [13, с. 140]. Однако сам же В.И.Пичета в своей монографии сообщает, что данная норма часто нарушалась [10, с. 474].

У Великого князя все еще остается право непосредственно или в лице его представителей осуществлять правосудие, в том числе в отношении земельной аристократии. Одной из мер ответственности за ряд преступлений являлась конфискация имущества в пользу государства, то есть Великого князя: «Если бы кто-нибудь из наших подданных убежал из нашего государства в землю наших неприятелей, тот лишается своей чести, а его имение наследственное, выслуженное и купленное не переходит ни к детям, ни к родственникам, а только к нам, Великому князю» [13, с. 134].

В Статуте 1529 года также содержится норма, согласно которой Великий князь своей властью ограничил право шляхты на свободное распоряжение своей собственностью: «Также мы разрешили третью часть имения продать навечно. Однако если бы была необходимость в деньгах для нашей земской службы или хотя бы кто-либо доставал деньги для своей надобности, тогда он может заложить и те две части, но только за ту сумму, сколько бы стоили эти две части» [13, с. 138]. В Статуте 1566 года уже не находим подобной нормы, что говорит о тенденции дальнейшего укрепления влияния шляхты на политическую и экономическую жизнь Княжества [14].

Известны случаи, когда рада запрещала князю самостоятельно распоряжаться землями по своему усмотрению. Например, после смерти князя Киевского Семена Омельковича Великий князь хотел отдать Киевскую землю его сыну Василию. Но в раде против этого решения поднялись голоса, так как шляхта опасалась, что такая обширная и сильная область, переходя в одном княжеском роде от отца к сыну, превратится, наконец, в удельное княжество. В итоге Великий князь Казимир отдал князю Василию и его матери город Пинск «в хлебокормление», обещая в случае его изъятия «дать другое доброе имение», а Киевскую землю взял себе в управление, назначив в Киеве великокняжеского воеводу [1, с. 38].

В связи с отсутствием у шляхты безусловной обязанности платить князю «серебщину» великокняжеская казна в XVI веке в основном пополняется за счет доходов, получаемых от эксплуатации княжеских доменов за счет податей, уплачиваемых великокняжескими крестьянами (после проведения аграрной реформы во второй половине XVI века население было переведено с натуральных повинностей на уплату денежного чинша), а также от платы за пользование княжескими землями, передаваемыми великим князем «в заставу» – то есть в залог. За государственную казну отвечал приказчик – так называемый «поскарбий земский».

На местах государственным имуществом распоряжались представители великокняжеской администрации. Государство делилось на воеводства – Виленское, Троцкое, Киевское, Полоцкое, Витебское и Смоленское, а также на староства – Жмудское и Волынское, возглавляемые соответственно воеводами и старостами. Они от имени Великого князя управляли государственным имуществом княжескими землями, осуществляли правосудие и налагали взыскания, в том числе в виде конфискации земель и иного имущества в пользу государственной казны в случае нарушения княжеских законов, проводили в жизнь фискальную политику государства – собирали налоги и иные подати.

Воеводы и старосты широко пользовались своими полномочиями, в том числе в сфере передачи государственных пустующих земель во владение местной шляхте с последующим обязательным одобрением таких сделок Великим князем, а также княжеских земель «в заставу». Такими полномочиями в части распоряжения государственным имуществом представители Великого князя обладали до XVI века, когда совершение подобных сделок без господарского указания было запрещено в связи с массовым злоупотреблением указанным правом.

СУДЕБНЫЙ ПРЕЦЕДЕНТ (НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ТЕОРИИ)

КУРАК А.И.,

доцент кафедры конституционного и международного права Академии управления при Президенте Республики Беларусь, кандидат юридических наук

В статье проводится исследование вопросов, касающихся судебного прецедента, его места и роли в правовых системах различных государств. Приводятся мнения сторонников и противников признания судебного прецедента в качестве источника права. Автор излагает по обозначенной тематике собственную позицию.

The article reveals the problem relating to judicial precedent, its place and role in the legal systems of different countries. Reflect the views of proponents and opponents of recognition of judicial precedent as a source of law. The author states on the designated topics his own position.

Проблема судебного прецедента не является новой для отечественной юридической науки. Те или иные вопросы, касающиеся данной тематики, рассматривались учеными и в советский период времени, и даже, как отмечается в литературе, в дореволюционной России [1, с. 324]. Однако, как нам представляется, институт судебного прецедента не утратил своей актуальности и в условиях сегодняшнего дня, оставаясь одной из фундаментальных проблем национальной юридической науки и судебной практики. Дело в том, что рассматриваемый институт все же довольно редко становился предметом научных изысканий. При этом касались его лишь отдельные авторы. В силу данных обстоятельств проблема судебного прецедента не получила должной проработки. При этом следует отметить, что рассматриваемая тема, несмотря на свою актуальность и прикладную значимость, остается слабо востребованной и в условиях современной Беларуси, о чем свидетельствует тот факт, что на сегодняшний день сколь-нибудь заметных научных разработок по ней в республике не имеется. Институт судебного прецедента затрагивается лишь в рамках отдельных публикаций в виде научных статей либо тезисов конференций.

Проблема судебного прецедента требует более активной и глубокой проработки, всестороннего ее обсуждения среди ученых, законодателей, работников судебных органов. Пока же данная проблема остается, по сути, неразрешенной, в том числе и в Российской Федерации. Имеются как сторонники, так и противники признания судебного прецедента. Спорным является и во-

прос о самом факте наличия либо отсутствия в национальной правовой системе судебного прецедента как такового. Более того, в юридической литературе встречаются различные точки зрения даже в отношении трактовки понятия «судебный прецедент». Порой он отождествляется с судебной практикой, в том числе и некоторыми учеными других стран, прежде всего в которых функционирует романо-германская правовая система. К примеру, Р.Давид указанные понятия употребляет как синонимы, то есть между ними он не делает никаких различий [2, с. 248]. Некоторые же авторы разграничивают судебный прецедент и судебную практику, считая их самостоятельными формами права [3, с. 80].

Исходя из сказанного, целью настоящей работы является исследование вопросов, касающихся понятия судебного прецедента, его места и роли в судебной практике различных государств, достоинств и недостатков как источника права, а также изложение собственной позиции по данной проблематике. Для ее решения были поставлены следующие задачи:

- 1) провести анализ юридической литературы отечественных и зарубежных авторов по рассматриваемой проблематике;
- 2) исследовать сущностно-содержательные аспекты понятия «судебный прецедент»;
- 3) рассмотреть место и роль судебного прецедента в судебной практике зарубежных государств;
- 4) изложить собственное отношение по проблеме судебного прецедента, его достоинств и недостатков, возможности использования в отечественной судебной практике.

Судебный прецедент имеет довольно древнюю историю. Как источник права он применялся еще в рабовладельческом обществе. Как отмечается в литературе, решения (эдикты) преторов в Древнем Риме являлись обязательными образцами для разрешения аналогичных дел и на их основе сложилась система преторского права. Прецедент применялся и в феодальных сословных судах при разрешении споров, возникающих прежде всего в сфере торговых отношений [4, с. 291].

Место и роль судебного прецедента в различных группах государств неодинаковы. Особенно широко он применяется в Великобритании, США, Индии и ряде других стран, воспринявших англосаксонскую систему права. В этих странах судьями создана целая система норм, которая именуется общим правом в отличие от статутного права, то есть законов, принятых парламентом. Однако применение судебного прецедента не ограничивается лишь англосаксонской правовой системой. Имеются примеры его использования в качестве источника права и в скандинавских государствах. Например, в качестве такового он признается в Швеции, а в Норвегии решениями Верховного Суда был учрежден институт конституционного надзора [5, с. 34].

Нормы прецедентного права не только очень многочисленны, но и разнообразны. Они в значительной мере определяют правовое положение граждан и общественных объединений, а также взаимоотношения между органами государства. К примеру, в Великобритании именно судебный прецедент обосновал неответственность монарха («Король не может быть неправ»), санкционировал институт контрасигнатуры («Король не может действовать один») [6, с. 40].

На наш взгляд, можно согласиться со встречающимся в литературе мнением, что признание судебного прецедента как источника права и его широкое использование в странах англосаксонской правовой системы в значительной мере обуславливаются тем обстоятельством, что в этих государствах в течение десятилетий и даже столетий могут действовать без существенных изменений законодательные акты, конституции. В результате в новых условиях судебные органы вынуждены многие устаревшие нормы трактовать с позиции современных потребностей и понятия справедливости, хотя и с учетом юридической традиции. Так, в США собрание судебных прецедентов только по государственно-правовым вопросам, созданных на протяжении более чем двух веков (главным образом, Верховным Судом и лишь в редких случаях окружными федеральными судами), по своему объему превышает многие современные весьма обширные конституции, не говоря уже о самой Конституции США 1787 года с ее 27 поправками.

В Великобритании использование судебных прецедентов позволяет вообще обходиться без писаной конституции и формально сохранять действие актов, насчитывающих не одну сотню лет. Так, древнейший акт, составляющий часть неписаной конституции Англии, – Великая хартия вольностей – датируется 1215 годом. Значительная часть важнейших актов была принята в XVII–XVIII веках. Судебные прецеденты XX и XXI веков дают им новую жизнь. Высшей апелляционной инстанцией в Англии является Палата лордов (верхняя палата Парламента), от которой исходят судебные прецеденты по наиболее сложным делам и практически все прецеденты государственно-правового характера.

Рассматривая проблему прецедентного права, следует отметить, что создавая прецедент, суды не могут отменить статулы или подзаконные нормативные акты, однако они вправе отказаться от их применения, сославшись на то, что эти акты противоречат фундаментальным принципам права. Вместе с тем возможности судов в этом плане не безграничны. К примеру, британский парламент своим актом может отменить нормы, изложенные в судебных прецедентах.

Судебный прецедент имеет место и на международно-правовом уровне и, в частности, в деятельности Европейского суда по правам человека и Суда Европейского союза (далее – Суд ЕС).

По мнению отдельных авторов, имеются два вида судебных прецедентов – *императивные* и *индикативные*. Первые из них они относят к числу источников права, поскольку подлежат обязательному применению судами. Вторые являются обязательными лишь для спорящих сторон, но не для третьих лиц. Аргументируя данную точку зрения, ее сторонники ссылаются на практику Суда ЕС, чьи решения являются формально обязательными лишь для того государства или государств, в отношении которых они вынесены. Остальные же участники Совета Европы, признающие обязательную юрисдикцию указанного Суда, могут формально не считать соответствующий судебный прецедент источником права. Это, безусловно, так. Однако, как нам представляется, здесь необходимо сделать одну существенную оговорку. Дело в том, что в случае обращения в Суд ЕС и других государств – членов Совета Европы по аналогичным вопросам (спорам) данный Суд при принятии решения будет руководствоваться своей предыдущей практикой. Об этом в общем-то говорят и сами сторонники рассматриваемой позиции, отмечая, что государства, входящие в Совет Европы, дабы не столкнуться с трудностями в будущем, должны учитывать практику Суда ЕС, приводить свое законодательство и национальную практику в соответствие с принятыми им решениями [7, с. 44–45]. В связи с изложенным вряд ли

будет правомерным полагать, что решения Суда ЕС не могут считаться источником права для всех государств – членом Совета Европы. Эти страны признали юрисдикцию данного Суда, и его решения являются для них обязательными.

В странах континентальной (романо-германской) правовой системы (во Франции, ФРГ, Италии, Швейцарии) доминирующей является концепция признания первостепенной роли за законом, то есть писанным правом. Правоприменители в этих странах обращаются прежде всего к законам и иным писанным юридическим актам, принятым органами законодательной либо исполнительной власти. Судебные прецеденты играют здесь незначительную роль в системе источников. К примеру, во Франции Гражданский кодекс даже запрещает судам формулировать нормы права. Однако на практике суды не всегда соблюдают данный запрет, особенно в области административного права [8, с. 18]. Таким образом, и в странах континентальной правовой системы суды определенным образом принимают участие в формировании правовых норм. Это происходит путем толкования норм, содержащихся в законодательных актах. Время от времени в этих странах судебные органы в специальных актах подводят итоги судебной практики в той или иной отрасли, дают разъяснения по применению норм, рассматривают нюансы в толковании используемых норм права. Например, такими актами в ряде стран являются резолюции соответствующих судебных органов, имеющих своей целью толкование правовых норм для выявления смысла, который вкладывал в них законодатель. Таким образом, в актах толкования (интерпретации) даются лишь разъяснения содержания юридических норм. Иными словами, акты толкования не могут изменить само содержание соответствующей юридической нормы.

Юридический прецедент как источник права оценивается учеными и практиками неоднозначно, то есть среди них есть как сторонники его признания в качестве такового, так и противники. Первые, обосновывая свою позицию, отмечают, что применение судебных прецедентов в качестве источников права придает определенную гибкость правовой системе, позволяет оперативно реагировать на появление новых потребностей в правовом регулировании меняющихся общественных отношений, своевременно устранять пробелы и коллизии в действующем законодательстве. Реагирование же на все эти явления с помощью использования нормативных правовых актов, принимаемых (издаваемых) соответствующими субъектами правотворчества, занимает значительно больший период времени, что может повлечь за собой наступление тех или иных негативных последствий как

для отдельных граждан, так и для общества в целом, устранение которых потребует приложения немалых усилий, а то и материальных и финансовых ресурсов.

С неменьшей убедительностью отстаивают свою позицию и критики судебного прецедента. Они отмечают, что господство судебного прецедента (правоприменительной практики) порождает большую казуистичность правовой системы, требует значительно более высокого уровня профессионализма судебной корпус при работе с правовым материалом. Суды оказываются в этом случае связанными судебными прецедентами, появившимися не один десяток, а то и сотни лет тому назад. Правда, на практике суды нередко обходят архаичные прецеденты, обосновывая отказ от их применения несходством дел, и создают новые прецеденты. Однако если в Великобритании это сделать довольно сложно, то в США Верховный Суд достаточно свободно может изменить созданный им самим прецедент или отменить его вообще, заменив новым.

Прецеденты, собирающиеся в течение длительного периода времени, в ряде случаев противоречат друг другу, что, несомненно, также усложняет правовую систему, намного затрудняет задачу разобраться в содержании правовых норм. Использование прецедента затрудняет и систематизацию правовых норм. Но в современных условиях положение облегчается тем, что работа с прецедентами осуществляется с помощью компьютеров, позволяющих ускорить поиск необходимой информации, касающейся дела.

Критики судебного прецедента отмечают также, что установление самими судами правил, которые они применяют, не исключают произвола и даже злоупотребления со стороны соответствующих должностных лиц.

Как справедливо отмечают Г.А.Василевич и С.М.Сивец, одним из противников признания судебного прецедента в качестве источника права является известный российский ученый В.С.Нерсисянц, который считает, что «судебная практика, не будучи правотворчеством, является одним из важных источников для правотворчества. Но последнее относится к правомочиям других властей» [9, с. 127].

В литературе последних лет отмечается, что в настоящее время наблюдается тенденция сближения двух основных правовых систем – англосаксонской и романо-германской. Для первой становится все более характерным активное законодательное регулирование процессуальных форм работы судов, расширение базы материального права. В свою очередь страны континентальной системы стали применять решения судей для восполнения законодательства. Более того, в этих государствах судебная практика отдельных инстанций официально признается в

качестве источника права. Так, во Франции к таковым отнесены решения Кассационного суда. В законодательстве Испании предусмотрена правотворческая роль судебной практики Верховного Суда, в Германии – решений Федерального конституционного суда. Аналогичные подходы закреплены по отношению к некоторым судебным инстанциям в Нидерландах и Италии [9, с. 129]. Таким образом, отношение к судебному прецеденту в странах континентальной правовой системы претерпевает определенное изменение в сторону все более широкого его признания как источника права. В свою очередь в англосаксонской системе права все большее количество дел рассматривается судьями на основе права.

Что касается Республики Беларусь, то здесь отношение к судебному прецеденту в значительной мере предопределено традициями советской юридической доктрины, которая не признавала в качестве источников права решения судов, даже высших инстанций. В связи с этим советская наука и юридическая практика не знали прецедентов как способов формирования норм права, что в условиях отсутствия принципа разделения властей воспринималось как само собой разумеющееся и не подвергалось сомнению. В отечественной теории права господствовала точка зрения, согласно которой суды могли осуществлять лишь официальное толкование закона, не создавая новых норм, поскольку они не наделялись действовавшим законодательством нормотворческой функцией и являлись по своей природе правоприменительными органами. Создание же норм считалось прерогативой Советов депутатов всех уровней и их исполнительно-распорядительных органов (исполкомов).

Отрицание судебного прецедента как источника права является господствующей точкой зрения и в современной белорусской юридической науке и практике. Исходя из анализа соответствующей юридической литературы, издаваемой в Российской Федерации, и учитывая значительное сходство наших национальных правовых систем, можно сделать вывод, что аналогичный подход к оценке судебного прецедента пока характерен и для российской правовой системы. Противники признания судебной практики как источника права, обосновывая свою позицию, высказывают три основных аргумента:

1) признание судебного прецедента противоречит принципу разделения властей;

2) принадлежность правовой системы Республики Беларусь к романо-германской правовой семье, где судебная практика не признается источником права;

3) идея признания судебной практики как источника права противоречит правотворческой деятельности парламента.

Как нам представляется, лишь первый и третий аргументы могут рассматриваться как имеющие под собой некое основание, где говорится, по сути, об одном и том же – о роли Парламента и его предназначении в условиях функционирования принципа разделения властей. Что же касается мнения о непризнании судебного прецедента как источника права в странах, относящихся к романо-германской правовой семье, то такой довод в современных условиях является не совсем верным. Как отмечалось выше, в последнее время наблюдается усиление процесса конвергенции англосаксонской и континентальной правовых систем, то есть идет процесс их взаимопроникновения. Иными словами, отношение к судебному прецеденту и к статутному праву претерпевает определенную эволюцию.

В настоящее время встречаются высказывания отдельных российских и белорусских ученых о целесообразности ограниченного признания судебной практики (судебных прецедентов) в качестве источника национального права. В данном случае речь идет прежде всего об актах, издаваемых высшими судебными инстанциями. Применительно к Республике Беларусь – это постановления пленумов Верховного Суда и Высшего Хозяйственного Суда, руководящие разъяснения которых являются обязательными для исполнения нижестоящими судами. Следует отметить, что обязательный характер постановлений Верховного Суда носили и в советский период времени (функции нынешних хозяйственных судов в период СССР выполняли органы арбитража, которые к судебной системе не относились).

Один из сторонников признания постановлений пленумов высших судебных инстанций (Верховного Суда и Высшего Арбитражного Суда) в качестве источников права – российский автор С.А.Иванов, аргументируя свою позицию, одновременно обращает внимание на два специфических момента, касающихся данных постановлений. Во-первых, судебное постановление не обладает приоритетом по отношению к закону, а во-вторых – оно остается источником права, пока законодатель либо подтвердит его посредством принятия соответствующей нормы, либо примет иное решение [10, с. 117–118]. В отношении первого положения, выдвинутого указанным автором, каких-либо вопросов не возникает. А вот что касается второго, то оно вызывает сомнения в возможности его практической реализации, поскольку для этого необходимо будет каждое постановление высших судебных инстанций представлять на рассмотрение Парламента. Подобная же функция, как известно, является несвойственной для последнего. При этом для этого необходимо было бы вносить дополнения в Конституцию, что вряд ли можно

признать целесообразным и возможным. И если даже допустить, что Парламент станет рассматривать подобные акты пленумов судебных органов, то (как отмечает и сам автор) не исключено принятие законодателями иного решения, то есть не совпадающего с судебным. Таким образом, обоснование автора в пользу судебного прецедента выглядит неубедительным, поскольку в нем усматривается и слабая сторона данного прецедента, то есть один из его недостатков.

В завершение рассмотрения проблемы признания–непризнания судебного прецедента как источника права отметим, что в отечественном законодательстве – Конституции Республики Беларусь и Законе Республики Беларусь от 10 января 2000 года «О нормативных правовых актах Республики Беларусь» судебная практика официально признана государством. Постановления пленумов Верховного Суда и Высшего Хозяйственного Суда отнесены к разряду нормативных правовых актов. Однако можно ли, исходя из данного обстоятельства, утверждать, что данные постановления пленумов указанных судов являются прецедентами? На наш взгляд, исходя из определяющих черт, сущности и предназначения судебного прецедента как такового, – нет. И вот почему. Во-первых, как известно, судебный прецедент призван прежде всего создавать правовые положения, отсутствующие в нормативном правовом акте, и тем самым восполнять пробелы в действующем законодательстве. Постановления же пленумов высших судебных инстанций каких-либо новых норм права не создают. Речь в данном случае идет лишь о толковании действующих правовых норм, имеющем официальное (нормативное) значение, с целью их единообразного понимания и применения всеми нижестоящими судами, о чем недвусмысленно говорится в ст. 51 Кодекса Республики Беларусь о судостроительстве и статусе судей (далее – Кодекс). Так, в соответствии с абзацем вторым данной статьи Пленум Верховного Суда Республики Беларусь рассматривает материалы обобщения судебной практики, судебной статистики и дает в порядке судебного толкования общим судам разъяснения по вопросам применения законодательства. Применительно к хозяйственным судам аналогичной компетенцией наделен Пленум Высшего Хозяйственного Суда Республики Беларусь (ст. 74 Кодекса) [11]. Во-вторых, судебным прецедентом может признаваться лишь конкретное решение судебного органа по конкретному делу. Постановления же пленумов вышеуказанных судов не относятся к разряду таковых, то есть в них, как известно, не выносятся конкретные решения по конкретным делам. В-третьих, вести речь о фактическом наличии и признании в стране судебного прецедента можно лишь в том случае, если это имеет соответствующую зако-

дательную основу. В противном случае использование термина «судебный прецедент» применительно к постановлениям пленумов Верховного Суда и Высшего Хозяйственного Суда будет неправомерным. Что касается законодательства Республики Беларусь, то в нем речи о судебном прецеденте не идет.

Обобщая вышеизложенное, можно сделать следующие выводы:

1. Судебным прецедентом признается решение суда по конкретному делу, которое является обязательным при рассмотрении в последующем аналогичных дел. Формально судебный прецедент может создаваться судом любой инстанции, но он не имеет обязательной силы, поэтому в современных условиях лишь решение высшей апелляционной инстанции, которое является обязательным для всех судов данного государства, приобретает силу прецедента. Кроме того, низовым судам, как правило, практически невозможно принять окончательное решение по сложному делу, так как сторона, недовольная решением суда первой инстанции, подает апелляцию, особенно в том случае, когда дело требует толкования закона или обычая и не имеет аналогов в прошлом, то есть влечет за собой создание прецедента.

2. Место и роль судебного прецедента обуславливаются видом правовой системы, функционирующей в том или ином государстве. Однозначное признание правотворческой роли суда и судебного прецедента как источника права характерно для стран с англосаксонской моделью права. В романо-германской же правовой семье судебный прецедент играет крайне незначительную, второстепенную роль и, как правило, он не признается в качестве источника права. Доминирующей здесь является концепция признания первостепенной роли закона и иных нормативных правовых актов. Вместе с тем следует отметить, что в условиях современного развития государств наблюдается некоторое сближение двух основных моделей правовых систем, функционирующих на европейском континенте.

3. Восприятие государством той или иной правовой системы обуславливается сложившимися в нем историческими, социальными, национальными и иными традициями, которые, как показывает жизнь, обладают довольно высокой степенью устойчивости. Что же касается вопроса определения предпочтительности признания либо не признания судебного прецедента, то на него вряд ли возможно однозначно ответить, поскольку, как отмечалось, в обоих случаях имеются как достоинства, так и недостатки. Мы же придерживаемся позиции ограниченного признания судебного прецедента в качестве источника права. Суть данного подхода, который был бы приемлем и для Республики Беларусь,

сводится к следующему. Во-первых, в качестве судебных прецедентов могли бы признаваться лишь решения высших судебных органов по конкретным делам, которые будут признаваться обязательными при возможном рассмотрении в последующем аналогичных дел данными либо нижестоящими судами. Во-вторых, судебный прецедент может иметь место исключительно в случае наличия в действующем законодательстве пробелов, то есть отсутствия соответствующей правовой нормы, регулирующей данный вид общественных отношений. В-третьих, в целях исключения возможных ущемлений прав и свобод граждан, наиболее полного обеспечения их законных интересов решение высшего судебного органа, принятое в виде прецедента, должно вступать в законную силу лишь после его рассмотрения органом конституционного контроля на предмет соответствия данного прецедента нормам и принципам Конституции и текущего законодательства. Одновременно соответствующий суд (принявший прецедент либо Конституционный Суд) обращается в Парламент с инициативой о целесообразности внесения в действующее законодательство необходимых дополнений либо изменений.

4. Признание правотворческой роли судебных органов и судебного прецедента должно иметь законодательную основу. В противном случае вести речь об этом будет неправи-

льным. Что же касается постановлений высших судебных органов Республики Беларусь, то они не содержат всех черт, присущих судебным прецедентам. В частности, постановления Верховного Суда и Высшего Хозяйственного Суда не выступают в качестве решений по конкретным делам. Данные суды не могут отказаться от применения соответствующей правовой нормы, что характерно для государств, признающих наличие судебного прецедента. Их постановления, касающиеся обобщения судебной практики по конкретным категориям дел, основываются исключительно на писаном праве. Исходя из сказанного, относить постановления Верховного Суда и Высшего Хозяйственного Суда к разряду прецедентов будет неправильным.

5. Касаясь трактовки понятий «судебный прецедент» и «судебная практика», в отношении которых среди авторов нет единства, полагаем логичным высказать следующую позицию. Указанные понятия представляют собой различные феномены, и их было бы не совсем правильно рассматривать как синонимы, причем не только применительно к романо-германской правовой системе, как считают некоторые авторы, но и к англосаксонской правовой семье. Судебная практика выступает в качестве особого источника, порождающего судебный прецедент и писанные нормы права, но сама она нормой права в общепринятом понимании не является.

ЛИТЕРАТУРА

1. Юридический энциклопедический словарь / под общ. ред. В.Е. Крутских. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: ИНФРА – М, 2000. – С. 324.
2. Давид, Р. Основные правовые системы современности / Р. Давид, К. Жоффре-Спиноза; пер. с фр. В.А. Туманова. – М.: Междунар. отношения, 1998. – С. 248.
3. Ножкина, А.Н. Судебная практика / А.Н. Ножкина // Уголовный процесс. – 2002. – № 3. – С. 80.
4. Вишневский, А.Ф. Общая теория государства и права: учеб. / А.Ф. Вишневский, Н.А. Горбатов, В.А. Кучинский; под общ. ред. В.А. Кучинского. – Минск: Интегралполиграф, 2009. – С. 291.
5. Автономов, А.С. Конституционное (государственное) право зарубежных стран: учеб. / А.С. Автономов. – М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2005. – С. 34.
6. Конституционное (государственное) право зарубежных стран. Общая часть: учеб. для вузов / отв. ред. Б.А. Страшун. – 4-е изд., обновл. и дораб. – М.: Норма, 2005. – С. 40.
7. Конституционное право зарубежных стран: учеб. / под общ. ред. М.В. Баглая, Ю.И. Лейбо, Л.М. Энтина. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Норма Инфра, 2010. – С. 44–45.
8. Чиркин, В.Е. Конституционное право зарубежных стран / В.Е. Чиркин. – М.: Юристъ, 1997. – С. 18.
9. Василевич, Г.А. Правотворческий процесс: учеб. пособие / Г.А. Василевич, С.М. Сивец. – Минск: ГИУСТ БГУ, 2008. – 303 с.
10. Иванов, С.А. Еще раз по поводу судебных постановлений как источника трудового права. Судебная практика как источник права / С.А. Иванов. – М., 2000. – С. 117–118.
11. Кодекс Республики Беларусь о судостроительстве и статусе судей: Кодекс Респ. Беларусь, 29 июня 2006 г., № 139-З // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. – 2006. – № 107. – 2/1236.

Дата поступления статьи в редакцию 21.09.2012

О НЕКОТОРЫХ ВОПРОСАХ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ЯЗЫКА НОРМАТИВНЫХ ПРАВОВЫХ АКТОВ

СИДОРЧУК И.П.,

заместитель директора Научно-исследовательского института теории и практики государственного управления Академии управления при Президенте Республики Беларусь, кандидат юридических наук, доцент

Рассматриваются вопросы обеспечения доступности содержания нормативных правовых актов на основе совершенствования их языка. С учетом отечественного и зарубежного опыта обосновывается предложение о создании правовых и организационных основ лингвистической экспертизы как обязательного этапа подготовки проектов правовых актов.

Issues of linguistic improvement of normative legal acts content accessibility are examined. The suggestion of creation of a legal and institutional framework of linguistic expertise as the sine qua non phase of legal drafting process, based on domestic and foreign experience, is substantiated.

Правовая материя создает условия для функционирования всех современных социально-экономических, политических и иных процессов, определяет их темп, очерчивает направления дальнейших трансформаций. Поэтому ее качество должно быть высоким, а содержание, в частности законодательства как одной из важнейших форм выражения права, – ясным, четким, непротиворечивым. Вспомним слова Ш.Монтескье о том, что законы «предназначены для людей посредственных и содержат в себе не искусство логики, а здоровые понятия простого отца семейства» [1]. Если закон сложен, противоречив, в нем трудно разобраться. А ведь практически каждому хорошо известно, что незнание закона никого не освобождает от ответственности. Средством разрешения данной дилеммы является комплекс мер по достижению понятности нормативных правовых актов всеми гражданами, а не только юристами.

Язык является основой правового регулирования, посредством которого материализуется государственная воля. Правильный выбор языкового стиля, соответствующих конструкций, умелое использование символов и знаков позволяют обеспечить точность и четкость правовых актов, избежать их последующих толкований и разъяснений. По справедливому замечанию Д.А.Керимова, «вряд ли можно назвать какую-либо иную область общественной практики, где алогично построенная фраза, разрыв между мыслью и ее текстуальным выражением, невер-

но или неуместно использованное слово способны повлечь за собой тяжелые, иногда даже трагические последствия» [2, с. 55].

Ряд ценных положений для исследования проблем языка и его влияния на понятность правовых актов содержится в работах С.С.Алексеева, А.С.Пиголкина, Д.А.Керимова, А.А.Ушакова, Н.И.Хабибулиной и др. Рассматриваются особенности языка законодательства и в работах белорусских авторов М.Г.Гриневиц, Д.В.Кузурова, П.В.Рагойши, М.Н.Сатолиной, которые вполне обоснованно предлагают разработать комплекс мер по становлению и развитию лингвистической и терминологической экспертиз, а также использовать достижения в сфере правовой информатизации для изучения законодательства [3].

Разрастание правового массива, усложнение правовых конструкций, внедрение информационно-коммуникационных технологий в нормотворческую деятельность требуют дальнейшего осмысления роли языка, взаимосвязи юриспруденции и лингвистики в обеспечении компактности отраслей законодательства и устранении противоречий, обусловленных в том числе некорректным употреблением юридических терминов и понятий. Немаловажное значение в этой связи имеет и использование опыта зарубежных стран, которые разрешили на основе его обязательной лингвистической экспертизы языковые проблемы законодательства.

Поэтому исследование обозначенного круга проблем направлено на выработку дополнительных предложений по устранению неясностей, противоречий и пробелов в текстах правовых актов, достижение простоты, краткости и точности правовых формулировок.

Язык как определяющий фактор содержания правовых актов

Язык правовых актов основан на особом строе речи, языковых формах и специфической обработке. Существуют различные функциональные стили языка. Наиболее распространенной является классификация Д.Э.Розенталя, который выделяет разговорный, научный и официально-деловой, публицистический и литературно-художественный стили [4, с. 37–38]. Некоторые авторы, придавая особую важность языку законодательства, предлагают рассматривать его как один из функциональных стилей речи [5, с. 125].

Согласно Закону Республики Беларусь от 10 января 2000 г. № 361-З «О нормативных правовых актах Республики Беларусь» (в редакции Закона Республики Беларусь от 2 июля 2009 г. № 31-З (далее – Закон об НПА) текст нормативного правового акта должен излагаться лаконично, простым и ясным языком, исключая различное толкование норм, с соблюдением официально-делового стиля литературного языка и юридической терминологии [6]. Соответственно для языка законодательства в республике определен официально-деловой стиль.

Большинство ученых не считают язык законодательства специальным языком, однако не отрицают специфику его стиля [7]. Она определяется как особым назначением права, которое призвано регулировать общественные отношения, так и конечной целью этого процесса – созданием соответствующего общественным отношениям правопорядка.

С языком связано «рождение» правового акта. От качества языка зависит в целом степень понимания, ясности, адекватности восприятия правовых норм субъектами правоотношений. Правовые предписания становятся частью правового массива только в том случае, если с помощью языка воля законодателя на основе особых приемов и способов их изложения формализуется в реальной жизни. Язык фактически является первоначальным и определяющим фактором содержания правового решения, без него нет самого законодательства. Поэтому очень важно, чтобы теоретические разработки ученых – специалистов в области правовой лингвистики нашли отражение в нормотворческой деятельности, были закреплены в законодательстве. Неслучайно разобщенность между юрис-

пруденцией и лингвистикой А.А.Ушаков отнес к одной из причин слабой изученности языка законов [8, с. 18].

В чем же специфика языка права, каковы его особенности? Практически все авторы (Л.М.Бойко, А.С.Пиголкин, В.М.Савицкий, Н.И.Хабибулина и другие) единодушны во мнении, что к особенностям языка законодательства относятся официальность и документальность, ясность и простота, точность изложения правовых норм, их лаконизм, логическая связанность содержания, четкая структурная организация текста, его нейтральность.

Если официальность и документальность языка права достигаются стандартностью фраз, их стереотипностью и сухостью, что выражается в повторении одних и тех же выражений и слов, использованием клише, то ясность и простота – посредством лаконичности, конкретности, предельной понятности сути и простоты изложения правовой нормы.

Точность обеспечивается за счет единства языка и мысли. Слова и выражения должны использоваться в тексте нормативного акта в прямом, буквальном смысле, следует придерживаться единства терминологии, а сами термины должны иметь однозначный и строго очерченный смысл. В целях обеспечения точности уместно добиваться и единства способов изложения однотипных формулировок, смысловой завершенности и стройности изложения. Кроме того, для языка законодательства характерно использование слов и выражений в более узком, ограниченном значении, чем то, которое они имеют в общераспространенном виде [9, с. 31–34].

Употребление четких и точных терминов позволяет избежать многословия, запутанности, громоздкости правового акта. Избыток слов затрудняет восприятие, делает содержание акта расплывчатым, двусмысленным. Справедливы слова Ю.В.Кудрявцева в отношении того, что чем меньше сигналов затрачено на передачу некоторого данного смысла, тем сообщение более полезно, легче понимается [10, с. 117–118].

Законодательный текст, как отмечено выше, имеет и другие особенности. К ним относятся однородность, ровность, спокойность стиля изложения материала, нейтральность его лексики. Торжественность и нервная взволнованность, пафос, риторические вопросы – все это не свойственно и чуждо языку законодательства.

Законодатель обращается в первую очередь к логическому восприятию субъектов, которым адресует правовые нормы, а не к их чувствам. Поэтому неотъемлемой чертой языка является логическая связанность и последовательность изложения. К структуре акта предъявляются четкие требования. Он должен иметь название, преамбулу, его содержание делится на разделы,

главы, статьи и более мелкие структурные элементы. Таким образом, стилистическая однородность, нейтральность текста, наличие необходимых реквизитов, соблюдение основных требований структурной организации текста дополняют общую картину языка права.

В научной литературе нет серьезных расхождений по поводу специфических особенностей языка закона. Научная полемика в основном затрагивает содержательную наполняемость данных понятий, степень доступности законодательства в зависимости от того, кому оно адресовано, а также вопросы трактовки терминов в правовых актах.

Нельзя поддержать тех авторов, которые разделяют законодательство на две с точки зрения доступности группы: 1) законы, рассчитанные на широкие слои трудящихся; 2) законы, рассчитанные на специалистов [8, с. 152–154].

Понятным должно быть все законодательство, в противном случае сводится на нет смысл правового регулирования. И в этом контексте нельзя не привести изречение Гегеля: «Сословие юристов, обладающее особым знанием законов, считает часто это знание своей монополией и полагает, что тому, кто не из их среды, не следует вмешиваться в их дела... Однако так же, как не надо быть сапожником, чтобы знать, годятся ли башмаки, не надо быть специалистом, чтобы обладать знанием о предметах, представляющих общий интерес. Право касается свободы, самого достойного и священного в человеке, и он сам, поскольку оно для него обязательно, должен знать его» [11, с. 253].

«Как язык поименовал, да так будет право» (*Uti lingua nuncupasset, ita jus esto*) – гласит один из основополагающих принципов римского права, восходящий к Законам XII таблиц [12, с. 673]. Язык опосредует государственно-властное начало, без языка не может быть права [13, с. 3]. Право всегда стремится быть графически, текстуально оформленным, это всегда звук, слово, система общения. Неоднозначность понимания содержащихся в законе смыслов (знаков) законодателем и правоприменителем или же некоторая неточность, некорректность техники выражения этих смыслов порождают расхождение между первоначальными целями правового регулирования и направлениями реализации их на практике. Язык призван объективно отображать волю законодателя, в противном случае снижается доступность смысла словесной конструкции и возникает необходимость толкования права, разъяснения его отдельных положений.

В Республике Беларусь языку законов придается большое значение. Следует обратить внимание на два основных правовых акта, в которых определяются требования к языку законодательства. Речь идет о Законе об НПА и Правилах подготовки проектов нормативных право-

вых актов, утвержденных Указом Президента Республики Беларусь от 11 августа 2003 г. № 359 «О мерах по совершенствованию нормотворческой деятельности» (в редакции Указа Президента Республики Беларусь от 24 февраля 2012 г. № 106) (далее – Правила об НПА) [14].

Какие же требования к языку законодательства, его доступности предъявляют Правила об НПА? Этот документ четко определяет каждый этап, связанный с подготовкой проектов правовых актов. И эти стандарты к языку проекта акта предъявляются неоднократно. Речь о языке идет уже на первоначальном этапе подготовки проекта. Разработчики проектов согласно главе 5 «Общие вопросы нормотворческой техники» Правил об НПА должны соблюдать следующие требования:

- 1) обеспечить логическое построение проекта акта;
- 2) добиться краткости и точности изложения норм проекта акта;
- 3) реализовать полноту правового регулирования в соответствующей сфере общественных отношений;
- 4) достигнуть ясности, простоты и доступности языка изложения проекта акта, исключаящего различное толкование его норм;
- 5) оформить проект акта в соответствии с установленными правилами делопроизводства, если они не противоречат Закону об НПА и Правилам об НПА.

Помимо того, закрепляется правило о том, что проекты актов излагаются на белорусском и (или) русском языках, а предложения строятся согласно общепринятым грамматическим и орфографическим правилам белорусского и (или) русского языков.

Особые подходы предъявляются к формулированию содержания текста проекта. Законодатель требует использовать преимущественно констатирующие, повествовательные, утвердительные предложения в настоящем времени. Рекомендует избегать длинных и сложных предложений, перегрузки простых предложений однородными членами. Запрещается использование вопросительных и побудительных предложений; просторечий и экспрессивных форм разговорной речи; иноязычных заимствований при наличии равнозначных слов и терминов в белорусском или русском языке; нечетких словосочетаний, обобщенных рассуждений, восклицаний и призывов, образных сравнений, эпитетов, метафор; аббревиатур, кроме общеизвестных; ненормативной лексики.

Решен в Правилах об НПА и вопрос в отношении использования терминологии и ее определения. Терминология проекта акта должна быть единообразной. Определение термина указывается в нормативном положении проекта акта, где данный термин употребляется впер-

вые. Определения наиболее важных терминов, используемых в проекте акта и являющихся общими для всех его нормативных предписаний, указываются в одной статье (пункте), обычно помещаемой в начале текста проекта акта.

Далее каждый проект нормативного акта подвергается юридической экспертизе, одним из основных направлений которой является проверка акта на соблюдение нормотворческой техники. То есть анализируется язык проекта, устраняются неточности, шероховатости, двусмысленные формулировки и т.д. Однако сразу отметим, что все это осуществляется в рамках юридической экспертизы, лингвистическая экспертиза проектов не предусмотрена.

Еще одним шагом в работе с языком являются те действия, которые направлены на толкование, комментирование, разъяснение правовых актов, вступивших в законную силу, а также издание практических пособий, позволяющих лучше уяснить их содержание. Необходимость осуществления такой работы также предусмотрена законодательством. Так, согласно статье 73 Закона об НПА все перечисленные меры относятся к условиям реализации нормативных правовых актов и должны надлежащим образом организовываться.

Таким образом, существует комплекс мер, позволяющих обеспечить совершенство языка законодательства. Кроме того, сравнительный анализ предложений, высказываемых учеными — специалистами в области языка законодательства, и правовых норм, регламентирующих требования к языку нормативных актов, показывает, что большинство из них реализовано в Правилах об НПА. Однако соблюдение требований к языку закона, закрепленных в названных актах, проверяется только в процессе обязательной юридической экспертизы, лингвистическая экспертиза законодательством республики не предусмотрена. И только при работе над проектами законов наряду с юридической проводится их лингвистическая экспертиза [15]. Интересен в этой связи опыт зарубежных стран, в ряде которых имеются серьезные наработки в части совершенствования языка законов на основе лингвистической экспертизы проектов правовых решений.

Лингвистическое обеспечение нормотворческого процесса за рубежом

В англосаксонской системе права лингвистическое обеспечение работы, как и разработка проектов нормативных правовых актов в целом, поручается, как правило, специализированному органу. Вопросами подготовки проектов нормативных правовых актов занимаются юри-

сты-лингвисты, то есть специалисты, обладающие необходимыми знаниями не только в области юриспруденции, но и юридической лингвистики.

В Великобритании составлением и лингвистическим сопровождением проектов нормативных правовых актов занимается Офис парламентского адвоката, являющийся с 1980 года частью Кабинета министров [16, с. 25]. В Ирландии с 2000 года действует правительственная программа «Разработка законопроектов: упрощенный официальный язык и право». В рамках этой программы Правительство Ирландии учредило Объединение проверок статутного права, при участии которого разработан Закон Ирландии «О статутном праве» 2002 года. Он наделяет офис Генерального прокурора полномочиями толковать официальный текст Закона на упрощенном и понятном для населения языке. Данные тексты публикуются в печатном и электронном виде, они не проходят процедуры утверждения Парламентом, однако на них можно ссылаться в суде [16, с. 25].

В континентальной системе права лингвистическим обеспечением процесса разработки проектов нормативных правовых актов, как правило, занимается ведомство, которому поручена подготовка законопроекта по соответствующей тематике. Кроме того, предусматривается проверка всех разрабатываемых проектов нормативных актов Министерством юстиции или аналогичным органом, в рамках которого также проводится проверка проектов на их соответствие правилам языка. Зачастую результаты такой проверки и сформулированные в ее ходе предложения по изменению текста проекта носят рекомендательный характер. Специалисты в сфере лингвистики участвуют в работе над проектами совместно или параллельно с юристами, формулируя свои предложения по их улучшению, которые затем обсуждаются с разработчиками проектов.

В Федеративной Республике Германия с 2009 года при Федеральном министерстве юстиции была создана консультативная служба по языковым вопросам, состоящая из бюро Министерства по вопросам языка и редакционной коллегии юридического языка Общества немецкого языка [16, с. 25–27]. Редакционная коллегия юридического языка действует на основании договора, заключенного между Федеральным министерством юстиции и Обществом немецкого языка. Проверка законопроектов на их соответствие языковым нормам возложена на редакционную коллегию юридического языка, на рассмотрение которой должны направляться разрабатываемые федеральными министерствами проекты законов и постановлений. Данная проверка является составной частью оценки проекта на его соответствие системе и форме

права. Предложения редакционной коллегии юридического языка носят рекомендательный характер. Бюро по вопросам языка Министерства юстиции дает заключения и предложения на проекты законов и постановлений, разрабатываемые самим Федеральным министерством юстиции.

Ордонанс Правительства Швеции 1982 года закрепил за Министерством юстиции задачи по обеспечению максимальной степени прозрачности и ясности в языке, используемом при написании нормативных правовых актов всех уровней: государственного, регионального и местного. В структуре Министерства юстиции Швеции в 1993 году создана Комиссия упрощенного шведского языка, которая состоит из экспертов-лингвистов, юристов, научных сотрудников и секретарей [16, с. 30–32]. Основной целью Комиссии является проведение мероприятий по упрощению юридического языка в официальных документах органов власти всех уровней. В рамках указанной Комиссии функционирует Отделение юридической и лингвистической проверки проектов нормативных правовых актов (далее – Отделение). Оно играет ключевую роль в правотворческом процессе Швеции. Ни один правительственный акт, ордонанс или любой иной ведомственный акт не может быть принят без официального заключения Отделения. В нем работает команда лингвистов и юристов (как правило, работники суда), которая в итоге выносит заключение по каждому поступающему на проверку правовому акту. Юристы занимаются вопросами конструктивного и формального качества текста, а лингвисты – тем, чтобы итоговый текст был максимально понятен и ясен. Ежегодно на проверку в Отделение поступает более чем 4000 проектов нормативных правовых актов. Большое значение в Швеции уделяется разработке соответствующих методических рекомендаций по упрощению юридического языка в актах законодательства. Первое руководство по работе с текстами нормативных правовых актов в Швеции появилось в 1967 году – буклет «Язык в законах и других актах». В 1979 году Правительством приняты «Руководящие принципы языка законодательства», которыми должны были руководствоваться все государственные органы при составлении официальных документов. Кроме того, в 1980-х годах составлен так называемый «черный список» слов, фраз и оборотов, которых следует избегать при создании текста проекта правового акта.

В странах ближнего зарубежья работа лингвистов над проектами правовых актов все чаще приобретает обязательный характер. Например, обязательное проведение научной лингвистической экспертизы введено постановлением Правительства Республики Казахстан от 27 мая 2011 г. № 590. Научная лингвистическая экспер-

тиза законопроекта осуществляется Лингвистическим центром при Институте законодательства Министерства юстиции Республики Казахстан. При этом государственные органы – разработчики после согласования законопроекта с Администрацией Президента должны представлять последнюю версию законопроекта в государственное учреждение «Институт законодательства Республики Казахстан» для проведения повторной научной лингвистической экспертизы [16, с. 23].

В Кыргызской Республике согласно статье 1 Регламента Жогорку Кенеша Кыргызской Республики от 14 октября 2011 г. под лингвистической экспертизой проекта закона понимается оценка соответствия текста проекта закона нормам современного кыргызского и русского языков с учетом особенностей правил юридической техники и дача рекомендаций по устранению грамматических, синтаксических, стилистических, логических, редакционно-технических ошибок и ошибок в использовании терминов [16, с. 23–24].

В Российской Федерации Правовое управление Аппарата Государственной Думы по поручению Совета Государственной Думы или ответственного комитета в установленный ими срок осуществляет лингвистическую экспертизу законопроектов. Она заключается в оценке соответствия представленного текста нормам современного русского литературного языка с учетом особенностей языка нормативных правовых актов и даче рекомендаций по устранению грамматических, синтаксических, стилистических, логических, редакционно-технических ошибок и ошибок в использовании терминов. По ее результатам в текст проекта вносятся необходимые редакционные изменения, которые не являются поправками к законопроекту [16, с. 13].

Таким образом, анализ опыта зарубежных стран показывает, что вопросам качества языка нормативных актов придается первостепенное значение, в том числе созданы специальные структуры, разрабатываются соответствующие рекомендации, активно используются возможности лингвистической, терминологической экспертизы, для проведения которых привлекаются специалисты в области юридической лингвистики.

В Беларуси, как отмечалось выше, язык правовых решений оценивается в процессе проведения обязательной юридической экспертизы. Активно ведется работа над созданием юридических справочников, словарей и т.д. Например, в сфере гражданско-правовых отношений есть Юридический справочник современного гражданского права (от «А» до «Я»). Аналогичные справочники могли бы быть созданы и в других отраслях права. Интерес представляет и *введенная в действие база данных «Словарь юридиче-*

ских терминов на белорусском, русском и английском языках» (многоязычный словарь). Проект реализован Национальным центром правовой информации Республики Беларусь (далее – НЦПИ) совместно с Минским государственным лингвистическим университетом и Институтом языка и литературы им. Я.Коласа и Я.Купалы Национальной академии наук Беларуси в рамках проведения работ по унификации переводов юридической терминологии, применяемой в юриспруденции. Если придать официальный характер информации, закрепленной в словарях (справочниках), то правовые акты были бы освобождены от норм, разъясняющих понятия и термины, что способствовало бы также эффективному предотвращению разночтений в юридической терминологии.

В перспективе речь может идти о перемещении всех правовых норм общего характера, например принципов правового регулирования, вопросов компетенции государственных органов, определений основных терминов и понятий, в единые правовые акты, составляющие ядро той или иной отрасли законодательства. Это могут быть Основы законодательства или Основные начала законодательства. Но для этого нужны единые методологические подходы к языку нормативных правовых актов. Кроме того, объемность законодательства, сложность его юридических конструкций заставляют думать и о большей лаконичности, четкости, ясности и понятности правовых предписаний. Решить указанные задачи без помощи лингвистики достаточно сложно.

Поэтому обоснованно вести речь как о подготовке юридических лингвистов, которые будут обладать знаниями в области белорусского законодательства и лингвистики, так и о введении обязательной лингвистической экспертизы проектов нормативных актов. Следует отметить, что отечественные ученые уже высказывались о необходимости проведения лингвистической экспертизы [3; 16, с. 39]. На наш взгляд, такая оценка могла бы осуществляться в рамках юри-

дических служб государственных органов и иных государственных организаций, на которые в соответствии с законодательством возложено проведение обязательной юридической экспертизы, при условии увеличения их штатной численности и привлечения к этой работе лингвистов.

Важно иметь структуру, которая бы с учетом мониторинга содержания нормативных актов в части их простоты, ясности, понятности, доступности изложения вырабатывала методические рекомендации, правила, научно обоснованные предложения по улучшению юридического языка, унификации юридической терминологии. В настоящее время в НЦПИ в рамках ведения Национального реестра правовых актов Республики Беларусь осуществляется анализ текстов правовых актов различных нормотворческих органов. В связи с чем накоплен значительный опыт в сфере правовой лингвистики, с которым можно ознакомиться как в процессе проводимых НЦПИ мероприятий по повышению квалификации работников государственных органов в части совершенствования языка законов, так и при изучении специальных изданий по актуальным вопросам повышения качества текстов правовых актов [17]. Учитывая роль НЦПИ в решении важнейшей государственной задачи, целесообразно возложить на него функции координационного и методологического центра по вопросам оптимизации языка нормативных правовых актов.

Подводя итог вышесказанному, следует также отметить, что значимость языка законодательства на современном этапе неуклонно возрастает, это объясняется теми реальными и достаточно ключевыми функциями, которые он выполняет. Поэтому от прочности организационных, правовых, иных основ, обеспечивающих его высокое качество, зависят не только результаты совершенствования нормотворческой и правоприменительной деятельности, но и перспективы всех социальных трансформаций.

ЛИТЕРАТУРА

1. Изложение: Шарль Секонда Монтескье. О духе законов [Электронный ресурс]. – 2012. – Режим доступа: <http://www.bestreferat.ru/referat-96039.html>. – Дата доступа: 17.09.2012.
2. Керимов, Д.А. Законодательная техника: науч.-метод. и учеб. пособие / Д.А. Керимов. – М.: Норма, 2000. – 127 с.
3. Сатолина, М.Н. К вопросу о языке законодательства / М.Н. Сатолина, М.Г. Гриневич // Нормотворчество в Республике Беларусь: состояние и перспективы: материалы Респ. науч.-практ. конф., г. Минск, 2005 г. / Нац. центр законопроектной деятельности при Президенте Респ. Бела-

рუსь; редкол.: В.В. Мицкевич (глав. ред.) [и др.] – Минск, 2005. – С. 51; Рагойша, П.В. Лингвистическая экспертиза законопроектов: теоретические и прикладные аспекты анализа языка закона / П.В. Рагойша // КонсультантПлюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр». – Минск, 2012; Кузуров, Д.В. Актуальные вопросы нормотворческой деятельности в Республике Беларусь / Д.В. Кузуров // КонсультантПлюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр». – Минск, 2012.

4. Розенталь, Д.Э. Практическая стилистика русского языка / Д.Э. Розенталь. – 4-е изд., испр. – М.: Высш. шк., 1977. – 316 с.

5. Сальников, В.П. Государственная идеология и язык закона / В.П. Сальников, С.В. Степашин, Н.И. Хабибулина; под ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2001. – 208 с.

6. О нормативных правовых актах Республики Беларусь: Закон Респ. Беларусь, 10 янв. 2000 г., № 361-З: в ред. Закона Респ. Беларусь от 2 июля 2009 г. // Эталон-Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь – Минск, 2012.

7. Язык закона / под ред. А.С. Пиголкина. – М.: Юрид. лит., 1990. – 192 с.; Алексеев, С.С. Теория права / С.С. Алексеев. – изд. 2-е, перераб. и доп. – М.: Бек, 1995. – 312 с.; Борисова, Л.А. Основные требования к тексту закона и их соблюдение при переводе / Л.А. Борисова // Вестн. ВГУ. Сер. Лингвистика и межкультурные коммуникации. 2008. – № 1. – С. 66–70.

8. Ушаков, А.А. Очерки законодательной стилистики. Ч. 1. Содержание и формы в праве и проблемы законодательной статистики (учеб. пособие) / А.А. Ушаков. – Пермь, 1967. – 206 с.

9. Керимов, Д.А. Кодификация и законодательная техника / Д.А. Керимов. – М., 1962. – 104 с.; Сергеева, И. Нет слов! Остались только выражения / И. Сергеева // Рос. Федерация. – 1994. – № 1. – С. 31–34.

10. Кудрявцев, Ю.В. Нормы права как социальная информация / Ю.В. Кудрявцев. – М.: Юрид. лит., 1981. – 144 с.

11. Гегель. Философия права / Гегель. – М., 1990. – С. 253.

12. Бабичев, Н.Т. Словарь латинских крылатых слов / Н.Т. Бабичев, Я.М. Боровский. – М.: Рус. яз., 2001. – 784 с.

13. Савицкий, В.М. Язык процессуального закона (вопросы терминологии) / В.М. Савицкий. – М.: Наука, 1987. – 288 с.

14. О мерах по совершенствованию нормотворческой деятельности: Указ Президента Респ. Беларусь, 11 авг. 2003 г., № 359: в ред. Указа Президента Респ. Беларусь от 24 февр. 2012 г. // Эталон-Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2012.

15. О Регламенте Палаты представителей Национального собрания Республики Беларусь: постановление Палаты представителей Нац. собрания Респ. Беларусь, 9 окт. 2008 г., № 1033-ПЗ/IX // Эталон-Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь – Минск, 2012.

16. Шаршун, В.А. Лингвистическая экспертиза проектов правовых актов: понятие, правовое регулирование, зарубежный опыт: аналит. обзор / В.А. Шаршун, З.А. Охрименко. – Минск: Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь, 2012. – 48 с.

17. Актуальные вопросы повышения качества подготовки текстов проектов правовых актов в государственных органах: анализ и обобщение практики // Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Вып. 1. – Минск, 2010. – 23 с.; Кириллова, Д.В. Актуальные вопросы повышения качества подготовки текстов проектов правовых актов в государственных органах: анализ и обобщение практики / Д.В. Кириллова, О.В. Сазончик, Н.С. Дроздович // Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Вып. 10. – Минск, 2011. – 29 с.

Дата поступления статьи в редакцию 08.11.2012

ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ ЗАКОНОМЕРНОСТИ ВЛАСТИ И ИХ МЕХАНИЗМ

РОМАНЧУК И.С.,

доцент кафедры теории и истории государства и права Института государства и права Тюменского государственного университета, кандидат юридических наук

В изыскании раскрываются понятие и природа государственно-правовых закономерностей генезиса и функционирования власти, а также проводится их соотношение с категорией «закон». Исследуются вопросы обусловленности закономерностей осуществления власти различными детерминантами, и выявляется их механизм действия.

In the research the idea and character of state-law patterns of genesis and functioning of authority are revealed as well as their relation with the category of «law» is carried out. Furthermore, the issues of patterns conditionality of power realization by various determinants are investigated and their mechanism of action is discovered.

Актуальность данного изыскания более чем очевидна, так как рассматривает одновременно две проблемные области. Во-первых, практический вопрос функционирования государственной власти и властеотношений, что во все времена и у всех народов вызывает неподдельный интерес, а во-вторых, в сфере внимания автора оказывается и сугубо научный вопрос о содержании понятия закономерностей государственно-властной деятельности и детерминантах, их обуславливающих.

Познание самого явления – это прежде всего вопрос познания законов (закономерностей), в соответствии с которыми данное явление возникает, развивается и функционирует. Не без основания С.С.Алексеев, рассматривая закономерности права, говорит, что знание закономерностей права – высший итог познания правовой действительности [2, с. 132], а Г.Гегель писал, что закономерности права есть источник познания того, что есть право [12, с. 74]. Это позволяет нам с логической точки зрения говорить о том, что знания закономерностей генезиса и функционирования власти – высший итог познания власти и властеотношений.

Начать следует с вопроса понимания закономерностей функционирования государственной власти.

Одна из распространенных позиций заключается в том, что «государственно-правовая закономерность представляет собой объективную, систематическую повторяемость взаи-

мосвязанных фактов и явлений в сфере государства и права» [8, с. 7]. Но при этом государственно-правовая закономерность «не тождественна социальному закону. Закон – наиболее жесткая, императивная форма закономерности, не терпящая исключений, действующая с немалой силой. Иначе говоря, закон влечет неизбежное следование одного факта за другим, **закономерность же может носить более гибкий, вариативный характер и допускать более сложный и менее линейный ход событий**» [8, с. 7]. «Закон однозначно выражает какую-то определенную связь, в то время как закономерность выражает многие связи и отношения, к тому же она характеризует меньшую в сравнении с законом степень прочности связи, повторяемости явлений» [11, с. 21]. Иначе говоря, «понятие закономерности несколько более широкое по объему и менее жесткое по смыслу» [14, с. 172].

Соглашаясь с данными представлениями о государственно-правовой закономерности, мы тем не менее не готовы согласиться с тем, что закономерности более гибки, чем законы, и могут иметь различные отклонения. С нашей точки зрения, государственно-правовые закономерности абсолютно фатальны, объективны, не зависят от нашей воли и сознания и действуют всегда одинаково, так же, как и другие законы материального мира. Закономерность – это «действие закона во всем многообразии его форм» [15, с. 91], она отличается признаками импера-

тивности, всеобщности, необходимости, устойчивости, бескомпромиссности. Даже авторы, придерживающиеся первой позиции, вынуждены признать, что «закономерности имеют собственное, автономное бытие, не подчиняются велениям человека, а напротив, сами в значительной мере управляют его поведением» [8, с. 24]. А потому их нельзя нарушить, проигнорировать или каким-то образом обойти. Именно поэтому, если «требования общественной системы отражены в правовых нормах, поведение людей, зачастую независимо от знания ими содержания правовых норм, будет соответствовать правовым установлениям» [23, с. 50].

Государство и право, а вместе с тем и власть имеют свои императивные законы генезиса и функционирования, изменить которые еще никому не удавалось. Поэтому на давно поднимающийся в научной литературе вопрос о том, действительно ли существуют закономерности и наука только открывает их или эти закономерности лишь порождение могучего научного разума, который и вносит сформулированные им закономерности в социальное и иное бытие [7, с. 7], автор готов ответить с уверенностью: мы можем только выявлять и познавать закономерности, так как «человек – слуга и истолкователь природы...» [5, с. 12]. А уже потом на основе знаний о них заниматься государственно-правовым строительством и управлением общества, то есть использованием государственно-правовых закономерностей – и это не является изменением закономерностей или их намеренным приспособлением к той или иной ситуации, а «их сознательное, планомерное практическое применение» [31, с. 57]. Субъективной стороной планомерной организованной деятельности как раз является знание самих закономерностей, умение их использовать [32, с. 9]. Наоборот, полное или частичное пренебрежение закономерностями ведет к ничтожности результата, тщетности наших усилий. Не следует в связи с этим забывать, что закономерности не носят характер предписаний или пожеланий, а отражают объективную действительность [10, с. 184–208]. Не зря в литературе они определяются как «отношение между сущностями» [20, с. 160], «наличие определенного порядка и последовательности в явлениях объективного мира» [14, с. 171] и т.д.

Ш.Монтескье писал: «Законы в самом широком значении этого слова суть необходимые отношения, вытекающие из природы вещей; в этом смысле все, что существует, имеет свои законы...» [27, с. 163].

Некоторые авторы идут еще дальше и утверждают, что могут возникать новые государственно-правовые закономерности одновременно с новыми явлениями правовой жизни и, наоборот, отдельные закономерности могут исчезать [9, с. 10] или существующие закономерности посто-

янно изменяются и на различных этапах своего развития проявляются по-разному [21, с. 105]. Автор категорически не согласен с данным утверждением, поскольку, как было сказано выше, государственно-правовые закономерности мы отождествляем с любыми объективными законами развития материального мира, а соответственно, закон (государственно-правовая закономерность) не может появиться, исчезнуть или измениться [19, с. 71]. Определеннее говоря, исчезают не закономерности, а причины, в связи с которыми и проявлялась данная закономерность, и если они повторятся вновь, закономерность немедленно себя проявит. Поэтому когда позитивное право перестанет обеспечиваться государственным принуждением, прекратит существование не закономерность, а само позитивное право. Например, трудно себе представить, чтобы когда-то не было закона всемирного тяготения или, наоборот, он однажды прекратил свое действие. Ведь если яблоко лежит на земле, это не значит, что закон всемирного тяготения перестал существовать.

Точно так же трудно себе представить, чтобы власть выражала только интересы большинства или, напротив, только интересы господствующего класса. Эти два элемента, но, разумеется, в разных пропорциях всегда содержатся во властеотношениях. И тот, кто говорит о том, что власть выражает или может выражать только интересы, например, народа, либо претендует на построение «Царства Божьего» на земле, либо утверждает, что оно уже построено. Законы объективны и не зависят от нашей воли и сознания. Существовали раньше и будут существовать в дальнейшем. Единственно верно только то, что, возможно, ранее никогда не соединялись воедино определенные детерминанты, на основе которых и проявляется закономерность, или просто та или иная закономерность по каким-либо причинам оставалась незамеченной (как, к примеру, когда-то никто не знал о законах механики и т.д.).

Ю.Ю.Ветютнев также утверждает, что «существование множества закономерностей приводит к тому, что они пересекаются и мешают прямолинейному действию друг друга, вследствие чего правовое развитие приобретает вариативный характер. В каждой точке имеется несколько вариантов выбора, каждый из которых по-своему закономерен» [9, с. 10]. Нам же представляется, что закономерности, являясь разновидностями законов развития и функционирования материального мира, ни в коем случае не пересекаются – и потому никогда не появляется несколько вариантов выбора. Определенное сочетание тех или иных закономерностей приводит только к одному неизбежному варианту поведения. Но это не означает отсутствия свободы выбора. Поэтому все возможные вари-

анты появляются только потому, что в разные моменты времени сочетаются различные причины, их обуславливающие. И даже тогда, когда кажется, что все обстоятельства абсолютно одинаковы, а варианты развития явлений разнообразны, это лишь говорит об отсутствии знаний всех причин, определяющих эти явления. Например, если вернуться все к тому же закону всемирного тяготения, то легко заметить, что его действие не означает, будто человек не может оторваться от земли. Точно так же наличие такой закономерности, как объективная обусловленность правовой формы общественных отношений содержанием регулируемых отношений [37, с. 30], не означает невозможность наличия норм позитивного права, не соответствующих или даже противоречащих существующей объективной реальности; другое дело, что данные нормы во многом не будут работать и эффективно регулировать общественные отношения, так как «если правовая норма предписывает одно, а социально-экономические условия жизни – другое, решающую роль для выбора линии поведения в конечном счете сыграют именно социально-экономические факторы» [24, с. 143, 273]. Поэтому именно неучет закономерностей или незнание их осложняет нам жизнь. А.И.Герцен по этому поводу образно, но точно заметил: «Личность, противодействующая всеобщему, попадает на глупое положение человека, бегущего с лестницы в то самое время, как густая колонна солдат поднимается на нее; таковы личности... дураков и преступников» [13]. Но существуют и абсолютно императивные закономерности, нарушить которые даже формально невозможно. Так, например, сочетание систематического злоупотребления властью на фоне низкого социального положения народа с неизбежностью ведет только к одному результату – крупным социальным потрясениям с ротацией правящего истеблишмента, ибо в данном случае срабатывает «право народа на революцию» [3, с. 116–117], входящее в группу непосредственно-социальных прав, которые «являются прямым и ближайшим выражением объективных социальных закономерностей, условий жизни людей... действуют как таковые, вне форм нормативного опосредования... действуют как объективно императивные социальные требования, притязания народа, наций, групп, индивидов» [4, с. 62].

Профессор В.М.Сырых совершенно справедливо, как нам представляется, по данному поводу заметил, что «...категория «закон» является единственным мерилем, которое позволяет не только отличать закономерные связи права, иных явлений от незакономерных, случайных, но и признавать конкретные правовые закономерности в качестве разновидности всеобщей закономерной связи явлений природы и общества» [33, с. 49].

Сделанные выводы с неизбежностью сразу порождают другой вопрос. Какие конкретно причины детерминируют появление той или иной закономерности? По нашему мнению, данный вопрос практически является риторическим, так как понятно, что на любое явление действуют одновременно несколько причин, причем из разных областей. Советские ученые уже давно заметили, что «правовые установления, правовые отношения, правопорядок и уровень правового регулирования в целом», а также государственно-властные отношения «соответствуют экономическому строю и обусловленному им культурному развитию общества» [6, с. 122]. Мы бы добавили к этим основным причинам и множество других. Оттого подобный каузальный плюрализм и затрудняет процесс выявления и познания государственно-правовых закономерностей.

Все это говорит о том, что та или иная экономическая, политическая, социальная, нормативная или другая причина (а чаще всего совокупность данных причин) с неизбежностью влечет проявление какой-либо государственно-правовой закономерности и, наоборот, «...любая закономерность имеет собственную причину, так как иное означало бы, что закономерности исключены из всеобщей системы причинно-следственных связей» [9, с. 27]. Поэтому «истинное знание есть знание причин» [5, с. 80].

В связи с этим государственно-правовые закономерности обусловлены различными причинами, поэтому мы полагаем, что данный факт можно именовать принципом **императивного каузального детерминизма**, который и обуславливает **действие государственно-правовой закономерности**, а в конечном счете и **изменения объективной действительности**. Поэтому изучение государственно-правовых закономерностей невозможно без изучения причин их появления [31, с. 52–53; 9; 28]. Чем больше знаний о причинах того или иного события мы соберем, тем вероятнее спрогнозируем изменение какого-либо процесса в государственно-правовой сфере. Более того, управляя причинами, конструируя или, наоборот, устраняя те или иные из них, можно воздействовать и на саму закономерность, «облегчая или затрудняя ее реализацию» [29, с. 73]. Весь этот процесс, начиная с появления каких-либо каузальных детерминантов, затем времени действия государственно-правовой закономерности (или их совокупности) и заканчивая изменениями объективной действительности, можно именовать **механизмом действия государственно-правовой закономерности**. Вследствие этого случайность в государственно-правовой сфере мы рассматриваем как отсутствие знаний о государственно-правовых закономерностях в той сфере, где произошло то или иное случайное

событие, так как познание абсолютно всех закономерностей является, как мы уже сказали, трансцендентным для человека. Многие закономерности остаются просто неуловимыми для человека [1, с. 209, 448]. Известный исследователь Дж. Уолд писал о том, что когда наступает время принять решение, в этот момент «никто не предскажет результат, ни посторонний наблюдатель, ни лицо, принимающее решение, потому что никто не имеет необходимой информации» [35, с. 75].

Закономерным является любой факт, за случайностями в области исторических явлений и в социальных процессах следует искать определенные скрытые закономерности, поскольку в мире не обнаружено пока так называемых чистых случайностей [26, с. 68], «событие является необходимым относительно данных условий, если событие такого рода происходит всегда, когда имеются эти условия» [19, с. 59–60]. Все «случайности имеют свою детерминацию, и есть особые причины, которые вызывают их к жизни» [18, с. 34]. В связи с этим автор считает абсолютно необоснованной позицию, что в обществе «нет места для закономерности, ибо закономерность есть лишь в необходимом, общество же опирается на свободу и неопределенную волю людей» [36, с. 240], любое явление, в том числе и общество, имеет свои законы, суть которых «необходимые отношения, вытекающие из природы вещей; в этом смысле все, что существует, имеет свои законы...» [27, с. 163]. Именно поэтому представители исторической школы права поддерживали объективный и необходимый характер правового развития, а Фридрих Карл фон Савиньи отрицал роль случайностей в истории права [28, с. 226].

Совершенно справедливо по этому поводу замечает С.С.Алексеев: «Закономерности окружающей нас действительности носят объективный характер. Нельзя ни отменить, ни навязать закономерности права вопреки его внутренней логике. Как и во всех иных случаях, когда речь идет об объективных закономерностях, главное, что характеризует субъективное отношение к ним людей, – это их познание, учет, активное использование в правотворческой и в правоприменительной деятельности. Пренебрежение законодателя и правоприменителей к объективным закономерностям, деятельность, осуществляемая вопреки им, могут приводить к социальным издержкам и потерям» [2, с. 123]. Более того, С.С.Алексеев утверждает, что «...закономерности права характеризуются весьма значительной четкостью, подчас математически точным выражением» [2, с. 123]. Д.А.Керимов также пронизательно улавливает эту особенность закономерностей, отмечая, что «явления, события и процессы в природе и обществе при соот-

ветствующих условиях развиваются в главном именно так, а не иначе» [22].

Сказанное о закономерностях функционирования власти позволяет нам прийти к выводу о том, что данные закономерности являются разновидностью законов вообще и поэтому отличаются жесткостью и неизбежностью наступления последствий, вызванных их действием. Их проявление основано на разнообразных причинах, возникающих в мире. Предвидим возражения такого рода: если мы отождествляем закономерности с любыми другими законами материального мира, то почему в науке существуют терминологические различия между законом и закономерностью? По мнению автора, такие несоответствия в понятийно-категориальном аппарате различных наук вполне оправданы и вызваны тем, что, несмотря на объективный и императивный характер действия государственно-правовых закономерностей (впрочем как и законов, что и говорит об их однородной природе), они имеют другие, иначе понимаемые механизмы действия, реализации и в конечном счете изменения материального мира. Кроме того, выявление государственно-правовых закономерностей началось позже, чем других законов, – тем более уже существовал термин «закон», имевший к тому времени устойчивое плюралистическое значение (законом принято именовать и требования к человеческому поведению, и определенные требования к человеческому мышлению (логические законы), и выраженные воли окружающего мира и т.д.). Так, в юридической литературе под законом принято понимать разновидность нормативного правового акта [30, с. 128], а соответственно обременять его другой смысловой нагрузкой, которая не была до этого принята в обществе, нет смысла. Кроме того, подтверждением наших выводов служит тот факт, что многие авторы как раз и не проводят различия между закономерностями и законами. Например, Л.А.Друянов пишет, что закономерность – это пойманная наукой тенденция в развитии действительности, представляющая собой проявление закона [17, с. 10]; Т.Г.Грушевицкая и А.П.Садохин говорят о том, что мы познаем законы, которые отражают объективные закономерности в нашем сознании [16, с. 34]. Помимо отдельных ученых, даже словари фактически отождествляют закономерность с законом. Так, например, в Толковом словаре Д.Н.Ушакова закономерность – это «соответствие с законом, последовательное проявление действия какого-нибудь закона» [34]; Малый академический словарь говорит, что закономерность – это «обусловленность объективными законами; существование и развитие соответственно законам» [25].

Вышесказанное дает нам возможность сделать вывод, что государственно-правовые закономерности развития и функционирования власти как объективные процессы ее генезиса и действия на общество с неизбежностью продуцируются во властеотношениях, сущности и природе власти. В связи с этим изучение специфических, присущих только власти государственно-правовых закономерностей развития и функционирования – это изучение непосредственно самой власти и властеотношений.

ЛИТЕРАТУРА

1. Адамович, Г.В. Одиночество и свобода: сб. / Г.В. Адамович; сост. В. Крейд. – М.: Республика, 1996. – 448 с.
2. Алексеев, С.С. Общая теория права: в 2 т. / С.С. Алексеев. – М.: Юрид. лит., 1981. – Т. I. – 360 с.
3. Алексеев, С.С. Право: методологические подходы к исследованию / С.С. Алексеев // Вопросы философии. – 1983. – № 3. – С. 116–119.
4. Алексеев, С.С. Теория права / С.С. Алексеев. – М.: Изд-во БЕК, 1994. – 224 с.
5. Бэкон, Ф. Новый Органон / Ф. Бэкон // Сочинения в двух томах. Т. 2. – М.: Мысль (Философское наследие), 1978. – 575 с.
6. Васильев, А.М. Правовые категории (Методологические аспекты разработки системы категорий теории права) / А.М. Васильев. – М.: Юрид. лит., 1976. – 264 с.
7. Венгерова, А.Б. Теория права / А.Б. Венгерова. – М.: Юрист, 1996. – Т. 1. – 166 с.
8. Ветютнев, Ю.Ю. Государственно-правовые закономерности: вопросы теории и методологии: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Ю.Ю. Ветютнев. – Волгоград, 2004. – 28 с.
9. Ветютнев, Ю.Ю. Государственно-правовые закономерности: вопросы теории и методологии: дис. ... канд. юрид. наук / Ю.Ю. Ветютнев. – Волгоград, 2004. – 204 с.
10. Виндельбанд, В. Нормы и законы природы / В. Виндельбанд // Дух и история: Избранное. – М.: Юрист, 1995. – 687 с.
11. Вопленко, Н.Н. Законность в условиях формирования социалистического правового государства / Н.Н. Вопленко // Сов. правовая система в период перестройки: сб. науч. тр. – Волгоград: ВолГУ, 1990. – С. 19–25.
12. Гегель, Г.В.Ф. Философия права / Г.В.Ф. Гегель. – М.: Мысль, 1990. – 524 с.
13. Герцен, А.И. Статьи и фельетоны / А.И. Герцен // Lib.ru: «Классика» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://az.lib.ru/g/gercen_a_i/text_0390.shtml. – Дата доступа: 06.12.2011.
14. Гончарук, С.И. Объективные законы и их отражение в философии и конкретных науках / С.И. Гончарук // Философия и о-во. – 1999. – № 3. – С. 170–173.
15. Гончарук, С.И. Принцип закономерности и его роль в социальном познании / С.И. Гончарук // Тем же. – 1997. – № 6. – С. 89–106.
16. Грушевицкая, Т.Г. Концепции современного естествознания / Т.Г. Грушевицкая, А.П. Садохин. – М.: Высш. шк., 1998. – 381 с.
17. Друянов, Л.А. Место закона в системе категорий материалистической диалектики / Л.А. Друянов. – М.: Высш. шк., 1981. – 144 с.
18. Закономерности развития социалистического государства / В. Кнапп [и др.]. – М.: Юрид. лит., 1983. – 367 с.
19. Зиновьев, А.А. Методологический очерк / А.А. Зиновьев // На пути к сверхобществу. – М.: Центрполиграф, 2000. – 637 с.
20. Керимов, Д.А. Методология права (предмет, функции, проблемы философии права) / Д.А. Керимов. – М.: Изд-во СГА, 2000. – 560 с.
21. Керимов, Д.А. Общая теория государства и права: предмет, структура, функции / Д.А. Керимов. – М.: Юрид. лит., 1977. – 133 с.
22. Керимов, Д.А. Философские проблемы права / Д.А. Керимов. – М.: Юрид. лит., 1972. – 126 с.
23. Козлов, В.А. Проблемы предмета и методологии общей теории права / В.А. Козлов. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1989. – 116 с.
24. Кудрявцев, В.Н. Преступность и нравы переходного общества / В.Н. Кудрявцев. – М.: Гардарики, 2002. – 237 с.

25. Малый академический словарь // Словари и энциклопедии на Академике [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://dic.academic.ru/contents.nsf/mas/>. – Дата доступа: 06.12.2011.
26. Методологические проблемы правоведения / под ред. М.Н. Марченко. – М.: Изд-во МГУ, 1994 (1995). – 169 с.
27. Монтескье, Ш. О духе законов / Ш. Монтескье // Избранные произведения. – М.: Госполитиздат, 1955. – 800 с.
28. Новгородцев, П.И. Историческая школа юристов, ее происхождение и судьба: Опыт характеристики основ школы Савиньи в их последовательном развитии / П.И. Новгородцев. – М.: Унив. тип., 1896. – 226 с.
29. Овчинников, С.Н. О специфических закономерностях права / С.Н. Овчинников // Правоведение. – 1979. – № 2. – С. 70–73.
30. Панибратов, В.Н. Категория «закон»: пробл. истории и объектив.-диалект. содерж. / В.Н. Панибратов; под ред. В.Г. Иванова. – Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1980. – 128 с.
31. Рабинович, П.М. Упрочение законности – закономерность социализма / П.М. Рабинович. – Львов: Вища шк. Изд-во при Львов. ун-те, 1975. – 260 с.
32. Рачков, П.А. Главная задача научного исследования / П.А. Рачков // Проблема закона в общественных науках: сб. ст. / под ред. П.А. Рачкова, В.С. Манешина. – М.: Изд-во МГУ, 1989. – 170 с.
33. Сырых, В.М. Логические основания общей теории права. Т. 1. Элементный состав / В.М. Сырых. – 2-е изд., стер. – М.: ЗАО Юстицинформ, 2004. – 528 с.
34. Толковый словарь русского языка: в 4 т. / под ред. Д.Н. Ушакова // Яндекс. Словари [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://slovari.yandex.ru/dict/ushakov>. – Дата доступа: 06.12.2011.
35. Уолд, Дж. Детерминизм, индивидуальность и проблема свободной воли / Дж. Уолд // Наука и жизнь. – 1967. – № 2. – С. 71–77.
36. Франк, С.Л. Духовные основы общества / С.Л. Франк. – Париж: YMCA-PRESS, 1930. – 313 с.
37. Халфина, Р.О. О закономерностях права / Р.О. Халфина // Право и правотворчество: вопросы теории: сб. ст. / АН СССР, Ин-т гос-ва и права. – М., 1982. – С. 28–36.

Дата поступления статьи в редакцию 06.12.2011

ПЕРСОНАЛЬНЫЕ ДАННЫЕ: ПОНЯТИЕ И СУЩНОСТЬ

ШУГАЙ А.А.,
магистр юридических наук

Рассматривается этимология термина «персональные данные», анализируется действующее законодательство Республики Беларусь на предмет его определения. Изучаются сущность персональных данных и законодательная дефиниция термина «персональные данные» в некоторых зарубежных странах. Предлагается авторское определение данного понятия.

Etymology of the term «personal data» is considered, current legislation of the Republic of Belarus is analyzed for the object of the term «personal data». Essence of personal data and the legislative definition of the term «personal data» (in some foreign countries) are considered. Author's definition of the term is suggested.

В связи с бурным развитием различного рода общественных отношений и информационных технологий особо актуальными становятся вопросы защиты персональных данных в современном обществе. В наиболее развитых странах законодатель давно осознал данную проблему, что нашло свое отражение в создании специализированных законов, регулирующих персональные данные.

В Республике Беларусь комплексный закон, регулирующий защиту персональных данных, отсутствует. В той или иной степени отношения по защите персональных данных урегулированы в различных законодательных актах.

В соответствии со статьей 28 Конституции Республики Беларусь каждый имеет право на защиту от незаконного вмешательства в его личную жизнь, в том числе от посягательства на тайну корреспонденции, телефонных и иных сообщений, на его честь и достоинство. Часть третья статьи 34 Конституции Республики Беларусь гласит: «Пользование информацией может быть ограничено законодательством в целях защиты чести, достоинства, личной и семейной жизни граждан и полного осуществления ими своих прав» [1].

Чтобы более детально уяснить сущность и понятие персональных данных, рассмотрим этимологию термина.

Персональный (от лат. personalis) – личный, свойственный, присущий каждому отдельному индивидууму.

Толковый словарь Ожегова определяет термин «персональный(-ые)» как относящийся только к одному лицу, касающийся только одного лица [2].

Согласно толковому словарю Ефремовой персональный – касающийся только определенного лица, принадлежащий персоне, личный [3].

Толковый словарь Ушакова определяет термин «персональный» как касающийся лично данного человека [4].

Данные (от англ. data) – сведения, данные, информация.

Толковый словарь Ожегова определяет данные как сведения, необходимые для какого-нибудь вывода, решения, свойства, способности, качества как условия или основания для чего-нибудь [2].

Толковый словарь Ефремовой рассматривает данные как сведения, факты, характеризующие кого-либо, что-либо, необходимые для каких-либо выводов, решений. Свойства, способности, качества как условия или основания, необходимые для чего-либо [3].

Толковый словарь Ушакова определяет данные как сведения, обстоятельства, служащие для какого-нибудь вывода, решения [4].

Таким образом, в самом общем виде определяем, что персональные данные – это личные сведения о конкретном лице, персоне.

Проводя анализ действующего законодательства Республики Беларусь, замечаем, что применительно к персональным данным четкий порядок их сбора, обработки, распространения и предоставления не определен. При этом отсутствует единое определение термина «персональные данные». Так, например, для целей Закона Республики Беларусь от 21 июля 2008 года «О регистре населения» (вступает в силу в 2013 году) персональные данные определены

как совокупность основных и дополнительных персональных данных, а также данных о реквизитах документов, подтверждающих основные и дополнительные персональные данные конкретных физических лиц [5].

Закон Республики Беларусь от 13 июля 2006 года «О переписи населения» определяет персональные данные как первичные статистические данные о конкретном респонденте, сбор которых осуществляется при проведении переписи населения [6].

Закон Республики Беларусь от 10 ноября 2008 года «Об информации, информатизации и защите информации» (далее – Закон) – базовый нормативный правовой акт в сфере защиты информации – не раскрывает значение термина «персональные данные». Вместе с тем в нем закреплены основы правового регулирования отношений, связанных с защитой персональных данных [7].

Согласно ст. 17 Закона к информации, распространение и (или) предоставление которой ограничено, относятся информация о частной жизни физического лица и персональные данные. В ст. 18 Закона указывается, что никто не вправе требовать от физического лица предоставления информации о его частной жизни и персональных данных, включая сведения, составляющие личную и семейную тайну, тайну телефонных переговоров, почтовых и иных сообщений, касающиеся состояния его здоровья, либо получать такую информацию иным образом помимо воли данного физического лица, кроме случаев, установленных законодательными актами Республики Беларусь [7].

Сбор, обработка, хранение информации о частной жизни физического лица и персональных данных, а также пользование ими осуществляются с согласия данного физического лица, если иное не установлено законодательными актами Республики Беларусь.

Порядок получения, передачи, сбора, обработки, накопления, хранения и предоставления информации о частной жизни физического лица и персональных данных, а также пользования ими устанавливается законодательными актами Республики Беларусь.

Согласно ст. 32 Закона меры по защите персональных данных от разглашения должны быть приняты с момента, когда персональные данные были предоставлены физическим лицом, к которому они относятся, другому лицу либо когда предоставление персональных данных осуществляется в соответствии с законодательными актами Республики Беларусь [7].

Последующая передача персональных данных разрешается только с согласия физического лица, к которому они относятся, либо в соответствии с законодательными актами Республики Беларусь.

Указанные меры должны приниматься до уничтожения персональных данных, либо до их

обезличивания, либо до получения согласия физического лица, к которому эти данные относятся, на их разглашение.

Субъекты информационных отношений, получившие персональные данные в нарушение требований Закона и иных законодательных актов Республики Беларусь, не вправе пользоваться ими.

Ст. 34 Закона закреплено право пользователя информации знакомиться со своими персональными данными [7].

Некоторые вопросы хранения и защиты персональных данных регулируются также отдельными законодательными актами, такими как Налоговый кодекс Республики Беларусь, Таможенный кодекс Таможенного союза, Указ Президента Республики Беларусь от 1 февраля 2010 г. № 60 «О мерах по совершенствованию использования национального сегмента сети Интернет», Закон Республики Беларусь от 19 июля 2010 года «О государственных секретах» и др.

Анализ положений вышеуказанных и иных нормативных актов позволяет сделать вывод о том, что законодательство Республики Беларусь определяет лишь общие вопросы защиты персональных данных, не регламентируя четкого механизма их реализации.

Персональные данные весьма разнородны и могут содержаться в различных источниках. При этом с учетом отсутствия единого определения термина «персональные данные» ряд данных о физическом лице может выпадать из сферы регулирования действующего законодательства без обеспечения государством их надлежащей защиты (например, сведения, раскрывающие расовое или этническое происхождение физического лица, его политические взгляды, религиозные или философские убеждения, а также сведения, касающиеся его сексуальных наклонностей, судимости и т.д.) [8, с. 3].

Изучение практики применения законодательства в области персональных данных показывает наличие пробелов в правовом регулировании отдельных вопросов. Так, например, на сегодняшний день не определен механизм доступа государственных органов и иных организаций к персональным данным, содержащимся в различных информационных ресурсах (перечень субъектов, которым согласно их компетенции необходима соответствующая информация, условия ее получения (по запросам либо посредством предоставления удаленного доступа, иным способом), сроки предоставления, перечень информации, технические аспекты ее передачи и т.д.) [8, с. 4].

Изучение зарубежного опыта показывает, что иностранные государства уделяют большое внимание вопросам защиты персональных данных. Во многих странах созданы отдельные государственные органы, осуществляющие функ-

ции защиты такой информации, действуют специализированные нормативные акты по защите персональных данных.

Значительного развития достигло законодательство о защите персональных данных в странах Европейского союза. Конвенция Совета Европы «О защите физических лиц в отношении автоматизированной обработки персональных данных», принятая 28 января 1981 года в г. Страсбурге, определяет, что персональные данные, выявляющие расовую принадлежность, политические взгляды, религиозные и иные убеждения, а также касающиеся здоровья или половой жизни, не могут обрабатываться автоматически (что включает хранение, проведение логических и арифметических операций с такими данными, их изменение, стирание, восстановление или распространение с использованием автоматизированных систем), если только национальное право не предусматривает надлежащие гарантии. Аналогичное правило применяется и к персональным данным, касающимся приговоров по уголовным делам [9].

Директива № 95/46/ЕС Европейского парламента и Совета Европейского союза от 24 октября 1995 г. «О защите физических лиц в отношении обработки персональных данных и свободном движении таких данных» уже значительно расширяет и детализирует понятие «персональные данные», включая в него указание на номер или один и более факторов, присутщих физической, физиологической, умственной, экономической, культурной или социальной идентичности [10].

В основу законов о защите персональных данных большинства зарубежных стран легли положения Конвенции от 28 января 1981 года «О защите физических лиц в отношении автоматизированной обработки персональных данных».

Модельный закон «О персональных данных», принятый на четырнадцатом пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств – участников СНГ (постановление от 16 октября 1999 г. № 14-19), определяет персональные данные как информацию (закрепленную на материальном носителе) о конкретном человеке, которая отождествлена или может быть отождествлена с ним. К персональным данным относятся биографические и опознавательные данные, личные характеристики, сведения о семейном, социальном положении, образовании, профессии, служебном и финансовом положении, состоянии здоровья и прочее. Так же в названном законе отражены

принципы правового регулирования и правовой режим персональных данных, вопросы передачи персональных данных, права и обязанности обладателей персональных данных, ответственность за разглашение персональных данных и иные вопросы правового регулирования [11].

Закон Российской Федерации «О персональных данных» от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ определяет персональные данные как любую информацию, относящуюся к прямо или косвенно определенному или определяемому физическому лицу (субъекту персональных данных) [12].

Закон Украины «О защите персональных данных» от 1 июня 2010 г. № 2297-VI рассматривает персональные данные как сведения или совокупность сведений о физическом лице, которое идентифицировано или может быть конкретно идентифицировано [13].

Закон Азербайджанской Республики «О персональных данных» от 11 мая 2010 г. № 998-IIIQ указывает, что персональные данные – это любая информация, позволяющая прямо или косвенно определить лицо [14].

Закон Латвийской Республики от 6 апреля 2000 года «О защите персональных данных» определяет, что персональные данные – это любая информация, имеющая отношение к идентифицированному или идентифицируемому физическому лицу [15].

Таким образом, отмечаем, что во многих странах – ближайших соседях Республики Беларусь существуют специализированные нормативные акты, регламентирующие вопросы правового регулирования и защиты персональных данных, а также содержащие определение термина «персональные данные».

На основании анализа национального и зарубежного законодательства предлагаем следующее определение персональных данных для законодательного закрепления в Республике Беларусь: «Персональные данные – это сведения или совокупность сведений, относящихся прямо или косвенно к конкретному физическому лицу».

По нашему мнению, персональные данные включают в себя личную и семейную тайну, тайну телефонных переговоров, почтовых и иных сообщений, информацию, касающуюся состояния здоровья лица, сведения о служебном, социальном и финансовом положении лица и др.

Таким образом, в настоящее время весьма актуальными являются исследования, направленные на более детальное изучение персональных данных в Республике Беларусь.

ЛИТЕРАТУРА

1. Конституция Республики Беларусь 1994 года: с изм. и доп.: текст по состоянию на 1 авг. 2011 г. – Минск: Амалфея, 2011. – 48 с.

2. Ожегов, С.И. Толковый словарь русского языка / С.И. Ожегов. – 4-е изд. – М.: Азбуковник, 1999. – 944 с.
3. Ефремова, Т.Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный / Т.Ф. Ефремова. – М.: Рус. яз., 2000. – 378 с.
4. Ушаков, Д.Н. Орфографический словарь русского языка / Д.Н. Ушаков – М.: Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1997. – 162 с.
5. О регистре населения: Закон Респ. Беларусь от 21 июля 2008 г. № 418-З: текст по состоянию на 12 окт. 2011 г. – Минск: Право и экономика, 2011. – 12 с.
6. О переписи населения: Закон Респ. Беларусь от 13 июля 2006 г. № 455-З: текст по состоянию на 23 апр. 2012 г. – Минск: Амалфея, 2012. – 7 с.
7. Об информации, информатизации и защите информации: Закон Респ. Беларусь от 10 нояб. 2008 г. № 455-З: текст по состоянию на 20 янв. 2012 г. – Минск: Амалфея, 2012. – 14 с.
8. Солдатенко, В.А. Правовое регулирование вопросов защиты персональных данных в Республике Беларусь и иностранных государствах / В.А. Солдатенко // КонсультантПлюс: Беларусь [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр». – Минск, 2012.
9. О защите физических лиц в отношении автоматизированной обработки персональных данных: Конвенция Совета Европы от 28 янв. 1981 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.rsoc.ru/docs/200809051630215I.rtf>. – Дата доступа: 20.07.2012.
10. О защите физических лиц в отношении обработки персональных данных и свободном движении таких данных: Директива Европейского парламента и Совета Европейского союза № 95/46/ЕС от 24 окт. 1995 г. // Информзащита [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://zki.infosec.ru/law/personal/136>. – Дата доступа: 20.07.2012.
11. О модельном законе «О персональных данных»: постановление Межпарламент. Ассамбл. государств – участников СНГ, 16 окт. 1999 г., № 14-19 // Эталон-Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2012.
12. О персональных данных: Закон Рос. Федерации, 27 июля 2006 г., № 152-ФЗ / КонсультантПлюс: Беларусь [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр». – Минск, 2012.
13. О защите персональных данных: Закон Украины, 1 июня 2010 г., № 2297-VI // Налоги. Бухг. учет [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.nibu.factor.ua/info>. – Дата доступа: 11.08.2012.
14. О персональных данных: Закон Азербайдж. Респ., 11 мая 2010 г., № 998-IIIQ / Зак-во стран СНГ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://base.spinform.ru>. – Дата доступа: 11.08.2012.
15. О защите персональных данных: Закон Латвийской Респ., 6 апр. 2000 г. / ЭОС [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.eos.ru/eos_delopr/eos_law. – Дата доступа: 12.08.2012.

Дата поступления статьи в редакцию 15.08.2012

БАЗОВЫЕ КОНТРОЛЬНЫЕ ПОЛНОМОЧИЯ ЧЛЕНОВ ПАРЛАМЕНТОВ БЕЛАРУСИ И ПОЛЬШИ: СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ

ЧМЫГА О.В.,

доцент Брестского государственного университета им. А.С.Пушкина, кандидат юридических наук

В статье исследуются базовые контрольные полномочия членов парламентов Беларуси и Польши. Основные категории, формирующие контрольные полномочия данных лиц, проанализированы в сравнительно-правовом аспекте в их взаимосвязи и взаимозависимости.

The basic control powers of members of Parliaments of Belarus and Poland are being researched in the article. The main terms forming the control powers of these persons are analyzed in their interrelations and connections in the comparative-legal aspect.

Введение

Эффективность работы членов Парламента в любом развитом государстве, как правило, во многом обеспечивается предоставлением им контрольных полномочий. Это связано с тем, что «парламентский контроль необходим, прежде всего, для того, чтобы не позволить исполнительной власти фактически «узурпировать» власть в государстве, нивелировать деятельность демократических институтов. Это, естественно, возможно лишь при условии, что контроль является действенным. Вместе с тем он не должен быть неоправданно жестким, излишне обременительным для правительства. Иначе последнее не сможет эффективно функционировать» [1, с. 51].

Основная часть

Одним из базовых контрольных правомочий членов Парламента является право на вопросы. Данное право в современном правовом и демократическом государстве, по нашему мнению, является достаточно эффективным политико-правовым инструментом парламентского контроля. Члены как польского, так и белорусского парламентов обладают таким существенным правом.

Согласно национальному законодательству белорусские парламентарии имеют право обратиться с вопросом в устной (на заседании пала-

ты) или письменной форме к Правительству и получить официальный ответ на заданный вопрос. Для этих целей в соответствии с частью второй статьи 103 Конституции Республики Беларусь во время сессий Палаты представителей, Совета Республики резервируется одно заседание в месяц.

Порядок реализации парламентарием данного права белорусский законодатель предусмотрел следующий. Для разъяснения спорных моментов названное выборное лицо вопрос в письменной форме заблаговременно передает в секретариат соответствующей палаты Национального собрания не позднее чем за семь дней до дня проведения заседания палаты. Окончательное решение о проведении заседания для вопросов депутатов Палаты представителей и членов Совета Республики и ответов Правительства Республики Беларусь принимается в порядке, установленном регламентами палат Национального собрания. После чего Председатель палаты или его заместитель не позднее чем за пять дней до дня проведения заседания обязан направить приглашения членам Правительства с перечнем поступивших вопросов.

Помимо того, в назначенный день заседания палаты, посвященного ответам на вопросы членов Парламента, в пределах времени, установленного регламентами палат Национального собрания, депутаты Палаты представителей, члены Совета Республики могут задавать участвующим в заседании членам Правительства

Республики Беларусь и другие вопросы в письменной или устной форме, если палатами Национального собрания не будет принято иное решение. В случае же, если член Правительства Республики Беларусь не имеет возможности прибыть на заседание, он вправе дать письменный ответ на заданные вопросы, который доводится до сведения депутатов Палаты представителей, членов Совета Республики уполномоченным им должностным лицом.

Характеризуя названное право белорусских парламентариев, хотелось бы отметить, что белорусский законодатель предусмотрел также и вариант решения достаточно сложной проблемы, которая может возникнуть на практике, при условии если в рассматриваемый период от депутатов Палаты представителей и членов Совета Республики письменные вопросы к членам Правительства Республики Беларусь в силу каких-либо причин не поступят. В этом случае палаты Национального собрания в соответствии с нормами законодательства имеют право принять решение не проводить в этом месяце заседание для вопросов членов Парламента и ответов Правительства Республики Беларусь. Полагаем, названная мера вполне обоснована и направлена на экономию рабочего времени выборных политиков в данной сфере и, следовательно, на высвобождение временных ресурсов для достижения максимально эффективных результатов в иной сфере их профессиональной деятельности, а значит, и всего Национального собрания в целом.

Что же касается контрольных полномочий депутатов нижней палаты польского Парламента – Сейма, то они в наиболее общем виде закреплены в статье 115 Основного Закона данного государства [2], а также непосредственно в Регламенте Сейма [3]. Содержание контрольных полномочий указанных выборных лиц составляют вопросы по текущим делам, информация по текущим вопросам, а также интерpellация и депутатский запрос.

Процедура реализации польским парламентарием прав на вопросы по текущим делам и на информацию по текущим вопросам достаточно сложная и поэтому, на наш взгляд, требует в силу их значимости достаточно детального рассмотрения.

Начало процедуры, связанной с реализацией права на вопросы по текущим делам, определяется правилом, которое предусматривает, что депутат, имеющий намерение задать вопрос Премьер-министру и/или членам Правительства по интересующей его тематике, обязан сообщить в письменной форме главе Сейма содержание вопроса и указать лицо, которому он направляется, до 21 часа дня, предшествующего дню начала заседания Сейма.

В день заседания прениями в Сейме руководит его глава – Маршал или замещающий его

вице-маршал при помощи двух секретарей Сейма. В связи с тем что для каждого заседания Президиум Сейма, предварительно испросив мнение Совета старейшин, устанавливает порядок представления вопросов, Маршал Сейма предоставляет слово по вопросам, включенным в повестку дня заседания в порядке записи. Вместе с тем Президиум Сейма может, выслушав мнение Совета старейшин, установить иную очередность ораторов.

Непосредственное же рассмотрение Сеймом вопроса по текущим делам включает изложение сущности вопроса, а также устный ответ, данный лицом, которому вопрос был направлен, или лицом, им уполномоченным. При этом вопрос не может продолжаться более 2 минут, ответ – более 6 минут.

Заслушав вопрос и ответ на него, парламентарии не имеют права их обсуждать. В качестве исключения из данного правила законодатель предоставляет парламентарии – инициатору основного вопроса право задать дополнительный вопрос. При этом время дополнительного вопроса легально ограничено 1 минутой, а дополнительного ответа – 3 минутами. Маршал Сейма может выразить согласие на продление времени ответа на дополнительный вопрос.

Порядок же реализации следующего, весьма схожего с предыдущим контрольного правомочия члена польского Парламента – права на получение информации по текущим вопросам определяет статья 194 Регламента Сейма. Следует отметить, что в отличие от контрольного права на вопросы по текущим делам, осуществляемого в единоличном порядке, данное правомочие реализуется парламентариями исключительно в коллегиальном порядке. В частности, в соответствии с названной выше правовой нормой любой депутатский клуб или группа в количестве не менее 15 депутатов нижней палаты Национального собрания Польши имеет право внести предложение о представлении на заседании Сейма членом Совета Министров информации, касающейся текущих государственных вопросов. Подобное предложение вместе с соответствующим обоснованием должно представляться Президиуму Сейма до 21 часа в день, предшествующий дню начала заседания Сейма. После чего Президиум Сейма, предварительно испросив мнение Совета старейшин, определяет, какие из внесенных предложений будут рассмотрены на ближайшем заседании нижней палаты польского Парламента.

Президиум палаты польского Парламента при принятии решения обязан руководствоваться значимостью и актуальностью такой информации, а также принимать во внимание численность депутатского клуба или группы, внесших предложение. При этом рассмотрение информации по текущим вопросам включается в повест-

ку дня заседания Сейма, а информация, изложенная представителем Совета Министров, в отличие от предыдущего правомочия подвергается всемерному обсуждению депутатов.

Процедуру реализации как единоличного права на вопросы по текущим делам, так и коллегиального права членов Парламента на информацию по текущим вопросам польский законодатель завершает требованием об обязательном ведении на заседании Сейма протокола, а также о составлении стенографического отчета. Данные документы являются единственным официальным удостоверением хода заседания палаты и необходимы для непосредственного засвидетельствования конечных результатов реализации названных прав депутатами. Следовательно, в польском обществе и государстве они играют роль важнейших индикаторов, отражающих степень эффективности деятельности парламентариев как профессиональных политиков.

Чтобы названные документы отвечали возложенным на них существенным функциям, они должны соответствовать ряду четких требований. Так, согласно национальному законодательству протокол заседания Сейма должен включать в себя краткую запись о ходе прений, а также содержать в приложениях полные тексты принятых законов, постановлений, представленных отчетов и предложений, равно как и других материалов, рассматриваемых Сеймом.

Что же касается содержания стенографического отчета, то он должен включать отредактированную в стилистическом отношении полную запись хода заседания, а также приложения. Кроме того, в данный отчет включаются также тексты речей, которые были произнесены в Сейме, если Маршал Сейма по предложению депутата выразил согласие на их публикацию в этой форме. При этом тексты произнесенных речей отмечаются специальным образом, представляющим возможность отличить их от текстов произнесенных речей. Важно подчеркнуть, что в целях обеспечения максимально полной реализации рассматриваемых нами выше прав парламентарий имеет право внести редакционные исправления в свое выступление, однако не позднее чем в течение 5 часов с момента произнесения речи. Поправки же, предложенные по истечении этого срока, включаются в очередной стенографический отчет.

Одним из важнейших и достаточно эффективных контрольных правомочий члена как польского, так и белорусского парламентов, связанных с его работой в рамках законодательного органа, является право на запрос. Как обоснованно утверждает Е.В.Охотский, «запросы являются инструментом усиления социальной эффективности государственной власти, а конструктивность реакции на них – важнейшим

критерием ее законопослушности и демократичности» [4, с. 74].

По форме запрос в Республике Беларусь представляет собой вносимое парламентариями на сессиях соответствующих палат письменное предложение дать официальное разъяснение или изложить позицию по интересующим их вопросам, отнесенным к компетенции государственных органов или должностных лиц (Премьер-министру, членам Правительства, руководителям государственных органов, образуемых или избираемых Парламентом), которые обязаны в течение двадцати сессионных дней дать ответ на запрос. При этом Закон Республики Беларусь от 4 ноября 1998 года «О статусе депутата Палаты представителей, члена Совета Республики Национального собрания Республики Беларусь» [5] требует обязательного включения запроса в повестку дня палаты и его обсуждения при необходимости. Палата же принимает решение о направлении запроса соответствующему должностному лицу, к которому он обращен. Отметим при этом, что письменный ответ на запрос оглашается на сессии палаты Национального собрания Республики Беларусь. Депутат Палаты представителей, член Совета Республики вправе дать оценку ответу должностного лица на их запрос. По результатам обсуждения запроса и ответа на него может быть принято постановление палаты.

Что же касается польских парламентариев, то предметом их запроса могут быть дела единичного характера, касающиеся внутренней и внешней политики, проводимой Советом Министров, а также публичных задач, реализуемых правительственной администрацией. Запросы вносятся в письменной форме и могут быть адресованы Председателю Совета Министров, а также иным членам Правительства. Ответ на них должен последовать также не позднее 21-дневного срока с момента получения, причем он не может стать предметом парламентских дебатов.

На основании изложенного закономерным представляется вывод о том, что запрос как в польском, так и белорусском государствах по своей сути является достаточно весомым требованием – средством контроля – современного парламентария, направленным на минимизацию либо ликвидацию наиболее значимых проблем, возникающих в той или иной сфере польского и белорусского общества.

Таким образом, содержание запроса составляют факты, как правило, негативного характера, являющиеся острой и актуальной для общества, государства, а следовательно, и для Парламента проблемой, информацией о которых располагает парламентарий. В их числе нарушения законности, игнорирование обращений парламентария, пренебрежительное отношение к пра-

вам граждан и тому подобное (конкретная тематика запросов нормативно не ограничена, за исключением того, что она не должна выходить за пределы полномочий Парламента и адресата). Поскольку запрос является итогом предшествующей, так и не достигшей цели работы парламентария по преодолению указанных весомых недостатков, основная цель запроса как наиболее действенного средства контроля – устранить их, добиться выполнения принятых решений.

Если такой цели нет – парламентарий обязан использовать иные, отдельно закрепленные в законе права: на вопрос, предложение, замечание, обращение. В процессе их реализации указанный представитель государственной власти также участвует в осуществлении функции контроля, но не в чистом виде, а лишь в некоторой степени. Важно отличать эти права.

От прав на вопрос, предложение, замечание, обращение право парламентария на запрос отличается особым статусом, содержанием и порядком реализации. Это связано с тем, что вопрос в отличие от запроса преследует лишь цель получения информации об обстоятельствах, неизвестных или неясных парламентария, по своему характеру при этом менее значительных, чем те, которые требуют внесения запроса парламентария. Кроме того, вопрос ставится обычно применительно к повестке дня заседания палаты, по вопросу не открываются прения и не принимаются постановления палат Парламента, а запрос может быть внесен вне зависимости от обсуждаемых на заседании вопросов. В отличие от запроса белорусскими парламентариями обращение адресуется вне сессии Парламента. Ответ на него передается непосредственно парламентария, оглашению и обсуждению на сессии Национального собрания Республики Беларусь не подлежит.

От замечаний и предложений парламентария, которые он имеет право высказывать в процессе своих выступлений на заседании палаты, запрос отличается тем, что они лишь учитываются при принятии решения по обсуждаемому вопросу, информация об их исполнении представляется парламентария в установленном актами законодательства порядке (в частности, предложения и замечания как депутата Палаты представителей, члена Совета Республики, так и депутата Сейма, члена Сената, высказанные ими на заседаниях палат, могут быть направлены государственным органам, должностным лицам государства, а также учреждениям и организациям с целью их тщательного рассмотрения. О результатах названные уполномоченные субъекты обязаны сообщить членам Парламента в письменной форме) [5; 6], но постановления палат Парламента по ним не принимаются.

Существенным условием эффективности запроса парламентариев как Беларуси, так и

Польши является его четкое формулирование и последующее тщательное обсуждение на заседании палат соответствующих парламентов. Поэтому каждому парламентария, решившему использовать право запроса, полагаем, полезно перед его внесением проконсультироваться со специалистами, более опытными парламентариями (в том числе и с бывшими парламентариями предыдущих созывов) о целесообразности запроса. Данное обстоятельство объясняется тем, что проблема, которую парламентарий предполагает вынести на рассмотрение палаты Парламента, может оказаться незначительной или быть решена другим способом: в порядке реализации им прав на обращение, вопрос, предложение, замечание и т.п.

Нормативных требований к структуре запроса парламентария как в польском, так и в белорусском законодательстве не существует. Автор настоящей работы полагает, что данный документ должен включать в себя следующие обязательные элементы: а) указание на адресат запроса; б) факты нарушения актов законодательства, невыполнения (ненадлежащего выполнения) обязанностей и т.п.; в) указание на конкретное должностное лицо, орган, допустившие нарушение; г) перечень мер, принятых парламентарием для устранения вышеуказанных нарушений; д) список лиц, ответственных за наведение порядка в поднятой парламентарием проблеме; е) проект решения проблемы (то есть какие меры, по мнению парламентария, должны быть приняты для решения проблемы); ж) фамилия, имя, отчество парламентария, подпись.

В начале каждого заседания необходимо обращаться к парламентариям с предложением использовать свое право запроса, специально резервировать для запросов указанных представителей время. Результаты же выполнения намеченных в постановлении палаты Парламента мер по реализации уже внесенного запроса необходимо регулярно обсуждать на ее заседаниях, а парламентарий, его внесший, обязан участвовать в соответствующих проверках. О внесенных запросах и их результатах парламентария нужно регулярно информировать и свой электоральный корпус (при проведении отчетов перед избирателями, собраний, встреч с трудовыми коллективами, в республиканских и региональных СМИ).

Таким образом, запрос парламентария является действенным средством контроля лишь в том случае, когда: 1) нет препятствий для его внесения; 2) запрос обсужден на заседании палаты Парламента (данное условие представляется нам обязательным: этим обеспечиваются публичность, гласность контроля, исключается возможность подмены запроса обычным вопросом); 3) парламентария предоставлен полный и объективный ответ на запрос; 4) дана объектив-

ная оценка действий (бездействия) адресатов запроса; 5) по запросу палатой Парламента принято постановление, которое содержит решение поставленной в запросе проблемы, предусматривает меры ответственности виновных лиц, а также меры, направленные на обеспечение выполнения этого решения.

В отличие от легального закрепления статуса белорусского парламентария конституционному праву польского государства, впрочем как и законодательству некоторых иных европейских государств, присуща также и интерpellация — одна из разновидностей запроса. Как правило, она «предусматривает постановку какого-либо важного, общественно значимого вопроса на пленарном заседании, за которой следует объяснение главы правительства, обсуждение и принятие решения путем голосования» [7, с. 278]. Отметим, что «в отличие от запросов и вопросов эта форма контроля обставляется рядом сложных формальных требований (количество подписей депутатов под интерpellацией, жесткие сроки ее подачи и другие требования, определенные регламентом)» [8, с. 419].

В соответствии со статьями 192–193 Регламента польского Сейма [3] интерpellация представляет собой обращение депутата к главе Правительства или к иным членам Совета Министров по вопросам, имеющим принципиальный характер и касающимся проблем, связанных с политикой государства.

В отличие от запроса к содержанию интерpellации польский законодатель предъявляет ряд четких и строгих требований, что обусловлено, по нашему мнению, ее особым значением для общества и государства. Так, данный документ должен быть в пределах компетенции интерpellлируемого и включать в себя краткое представление фактического положения вещей, являющегося предметом интерpellляции, а также вытекающие из него вопросы. При этом интерpellляция должна быть представлена Маршалу Сейма в письменной форме. Важно отметить, что в силу важности рассматриваемого документа Президиум Сейма имеет право оставить без движения интерpellляцию, не соответствующую данным требованиям. Кроме того, названный орган может потребовать устранить из интерpellляции выражения, несовместимые с принципами депутатской этики, под угрозой неприятия интерpellляции.

В случае же соответствия интерpellляции всем предъявляемым требованиям глава Сейма — Маршал незамедлительно направляет ее интерpellлируемому и информирует Сейм на заседании о принятых интерpellляциях, а текст документа публикуется в приложении к стенографическому отчету о заседании Сейма.

После получения текста интерpellляции Председатель либо иные члены польского Сове-

та Министров обязаны дать ответ на интерpellляцию не позднее чем в 21-дневный срок с момента ее получения также в письменной форме с обязательным приложением двух копий.

В целях надлежащего разрешения вопроса, являющегося предметом интерpellляции, польский законодатель предоставляет возможность депутату, внесшему данный документ, в случае признания ответа неудовлетворительным обратиться к Маршалу Сейма за истребованием у интерpellлируемого дополнительного объяснения в письменной форме. С таким предложением можно обратиться только один раз, не позднее чем в 30-дневный срок со дня получения неудовлетворительного ответа. Дополнительные объяснения даются интерpellлируемым в 21-дневный срок со дня поступления требования дать дополнительные объяснения (статья 194 Регламента Сейма Польши). Как и сама интерpellляция, ответ на нее публикуется в приложении к стенографическому отчету о заседании Сейма. Отметим, что Регламент Сейма не предусматривает проведения дебатов по ответам на интерpellляции на пленарных заседаниях.

Анализ базовых контрольных правомочий членов польского Парламента, связанных с их деятельностью в рамках законодательного органа, был бы неполным без указания на то обстоятельство, что депутат Сейма имеет также право потребовать предоставить ему слово вне повестки дня заседания палаты для оглашения депутатского заявления продолжительностью не более 5 минут. Здесь важно подчеркнуть, что депутатское заявление необходимо отличать от интерpellляции или депутатского запроса, поскольку предметом подобного заявления не может быть вопрос, сущность которого составляет содержание данных значимых средств парламентского контроля.

Заключение

Таким образом, анализируя сущность, установленный законодателем Польши легальный порядок и практику реализации базовых контрольных полномочий депутатами Сейма, членами Сената и сравнивая их с аналогичными полномочиями депутатов Палаты представителей, членов Совета Республики Беларуси, мы находим в данных правомочиях как общие, так и отличные друг от друга характеристики. Множественность схожих законодательных положений (они преобладают) связана с сущностным (содержательным) их наполнением и, по нашему мнению, обусловлена преимущественно едиными корнями польско-белорусского института парламентаризма, имеющего общие многовековые историю и традиции. Отличные же друг от друга характеристики названных прав проявляются прежде всего в формальном их выражении — в процедуре их реализации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Карасев, А.Т. Депутат в системе представительной власти (конституционно-правовое исследование): дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.02 / А.Т. Карасев. – Екатеринбург., 2009. – 448 с.
2. Konstytucja Rzeczypospolitej Polskiej z dnia 2 kwietnia 1997 r. (Dz. U. Nr 78, poz. 483; zm.: Dz. U. z 2006 r. Nr 200, poz. 1471; z 2009 r. Nr 114, poz. 946).
3. Uchwała Sejmu Rzeczypospolitej Polskiej z dnia 30 lipca 1992. – Regulamin Sejmu Rzeczypospolitej Polskiej (tekst jednolity: М. Р. z 2009 r. Nr 5, poz. 47; zm.: Nr 70, poz. 689).
4. Охотский, Е.В. Государственная служба в парламенте: отечественный и зарубежный опыт / Е.В. Охотский. – М.: Моск. гос. ин-т междунар. отношений (ун-т): Рос. полит. энцикл. (Росспэн), 2002. – 399 с.
5. О статусе депутата Палаты представителей, члена Совета Республики Национального собрания Республики Беларусь: Закон Респ. Беларусь, 4 нояб. 1998 г., № 196-З: в ред. Закона Респ. Беларусь от 21 мая 2012 г. // Эталон-Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2012.
6. Ustawa o wykonywaniu mandata posła i senatora z dnia 9 maja 1996 r. (tekst jednolity: Dz. U. z 2011 r. Nr 7, poz. 29; zm.: Nr 117, poz. 676).
7. Чиркин, В.Е. Конституционное право зарубежных стран / В.Е. Чиркин. – 5-е изд., перераб. и доп. – М.: Юристъ, 2008. – 606 с.
8. Василевич, Г.А. Конституционное право зарубежных стран: учеб. / Г.А. Василевич, Н.М. Кондратович, Л.А. Приходько; под общ. ред. Г.А. Василевича. – Минск: Кн. дом, 2006. – 480 с.

Дата поступления статьи в редакцию 12.07.2012

УДК 339.376:351.824.5:004.773.3](476)

ОСОБЕННОСТИ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА И ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ПРАКТИКИ В СФЕРЕ ЭЛЕКТРОННОЙ ТОРГОВЛИ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

БАТУРА С.П.,старший преподаватель кафедры правоведения Белорусского
торгово-экономического университета потребительской кооперации

В статье анализируется состояние правового регулирования электронной торговли в Республике Беларусь с учетом особенностей правоприменительной практики. Исследуются возможности заключения сделок в сети Интернет, условия применения электронных документов и электронной цифровой подписи, особенности подготовки доказательной базы на основе электронных документов, гарантии защиты интеллектуальной собственности в электронном торговом обороте. Предлагается принять специальный закон Республики Беларусь «Об электронной торговле».

The article analyses the state of legal regulation of e-commerce in the Republic of Belarus with account of the specifics of the law enforcement practice. It explores the possibility of making deals in the Internet, the conditions of application of electronic documents and electronic digital signature, the peculiarities of the preparation of the evidence base on the basis of electronic documents, protection of intellectual property in the electronic trade. In the end, it is proposed to pass a special Law of the Republic of Belarus «On electronic trade».

Введение

Наличие определенного законодательного базиса по регулированию электронной торговли в Республике Беларусь не исключает ряда правовых проблем, связанных с легитимностью заключения и исполнения сделок в сети Интернет, применением электронного документооборота и электронной цифровой подписи (далее – ЭЦП), подготовкой доказательной базы для судопроизводства на основе электронных документов, являющихся предметом исследования специалистов в области права. Среди них выделяются О.Б.Белая [1], С.Задиран [2], С.В.Овсейко [3], Б.Н.Паньшин [4].

Российские правоведы А.В.Зажигалкин [5], И.В.Костюк [6], Н.В.Миненкова [7], В.Ю.Моченов [8], Е.Л.Паперно [9] вплотную занимались исследованием проблем правового регулирования электронной торговли. В настоящее время пока не сложилось целостной системы взглядов и совокупности правовых норм, регулирующих электронную торговлю, а проработке подвергались лишь отдельные аспекты ее правового обеспечения. Отсутствие четкого теоретического пред-

ставления об имеющихся отношениях препятствует формированию взаимосогласованных законодательных положений и неблагоприятно влияет на правоприменительную практику.

Целью настоящей работы является анализ состояния правового регулирования электронной торговли в Республике Беларусь, определение особенностей правоприменительной практики, выяснение направлений совершенствования законодательства и подготовки проектов нормативных правовых актов.

Основная часть

В соответствии с частью первой ст. 11 Закона Республики Беларусь от 28 июля 2003 года «О торговле» одной из форм осуществления торговли является электронная торговля [10]. Статья 13 данного Закона определяет электронную торговлю как оптовую, розничную торговлю, характеризующуюся заказом, покупкой, продажей товаров с использованием информационных систем и сетей. При этом договор купли-продажи заключается путем оформления

электронного документа в соответствии с требованиями Закона Республики Беларусь от 28 декабря 2009 года «Об электронном документе и электронной цифровой подписи» [11].

Основным электронным средством, с помощью которого на сегодняшний день осуществляется электронная торговля, является глобальная сеть Интернет. Возможности Интернета используются как для рекламы товаров, так и для осуществления сделок купли-продажи при помощи интернет-магазинов, через которые покупатель может оформить заказ и оплатить покупку в режиме онлайн или офлайн. Тем не менее если торговая сделка совершается без оформления электронного документа, то согласно постановлению Совета Министров Республики Беларусь от 15 января 2009 г. № 31 «Об утверждении Правил осуществления розничной торговли по образцам» данный способ торговли относится к торговле по образцам через интернет-магазин вне торгового объекта и не считается электронной торговлей [12].

Правовое регулирование сделок с использованием сети Интернет несколько отличается от правового регулирования традиционной оптовой и розничной торговли. Действующее законодательство не устанавливает каких-либо специальных ограничений на возможность заключения таких сделок, ввиду чего к ним применяются общие правила об их совершении в письменной форме. Так, согласно п. 1 ст. 161 Гражданского кодекса Республики Беларусь (далее – ГК) сделка в простой письменной форме должна быть совершена путем составления документа, выражающего ее содержание и подписанного лицом или лицами, совершающими сделку, либо должным образом уполномоченными ими лицами. В соответствии с п. 2 ст. 404 ГК договор в письменной форме может заключаться путем составления одного документа, подписанного сторонами, а также путем обмена документами посредством почтовой, телеграфной, телетайпной, электронной или иной связи, позволяющей достоверно установить, что документ исходит от стороны по договору. На основании п. 2 ст. 161 ГК допускается использование факсимильного воспроизведения подписи с помощью средств механического или иного копирования, ЭЦП либо иного аналога собственноручной подписи в случаях и порядке, предусмотренных законодательством или соглашением сторон [13].

Таким образом, электронная сделка может быть совершена либо путем составления одного документа, либо обмена документами, причем во втором случае необходимо соблюдение требований о том, чтобы документ исходил от стороны по договору. Поскольку электронная торговля осуществляется электронным способом без составления документа на бумажном носителе, до-

говор купли-продажи заключается путем оформления электронного документа. При осуществлении электронной оптовой торговли заключение договоров производится путем обмена электронными документами, позволяющими достоверно установить, что документ исходит от стороны по договору в соответствии с Правилами оптовой торговли, осуществляемой в форме электронной торговли, утвержденными постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 19 июля 2007 г. № 924 «Об оптовой торговле, осуществляемой в форме электронной торговли» (далее – Правила оптовой торговли) [14].

Закон «Об электронном документе и электронной цифровой подписи» определяет электронный документ как документ в электронном виде с реквизитами, позволяющими установить его целостность и подлинность [11]. Обязательным реквизитом электронного документа, позволяющим идентифицировать стороны, является ЭЦП, созданная с помощью средств криптографии. Она предназначена для удостоверения информации, составляющей общую часть электронного документа, и подтверждения целостности и подлинности электронного документа. Удостоверение информации осуществляется путем применения сертифицированных средств ЭЦП с использованием личных ключей лиц, подписывающих электронный документ. Подтверждение целостности и подлинности электронного документа осуществляется путем применения сертифицированных средств ЭЦП с использованием открытых ключей лиц, подписавших электронный документ.

Технология ЭЦП предполагает наличие предварительных договорных отношений между сторонами либо использование услуг удостоверяющих центров на основе инфраструктуры публичных ключей (ИПК). На практике она имеет ограниченную сферу применения, в частности, при проведении межбанковских расчетов. Для нужд открытых сетей, в частности Интернета, а также для случаев использования иных технических средств, например факсимильной или мобильной связи, технология ЭЦП с использованием средств криптографии малоприменима [3, с. 41]. Поэтому в сфере электронной торговли на законном основании могут использоваться и другие средства идентификации отправителей сообщений в качестве аналогов собственноручной подписи.

Примечательным является подход российского законодателя в области использования электронных подписей. В Федеральном законе «Об электронной подписи» от 6 апреля 2011 года «Об электронной подписи» допускается использование различных видов электронных подписей при совершении гражданско-правовых сделок [15]. Выделяются два вида электронной под-

писи: простая и усиленная. Последняя, в свою очередь, может быть квалифицированной или неквалифицированной. Электронные документы, подписанные простой или неквалифицированной подписью, признаются равнозначными подписанным бумажным документам в случаях, установленных законодательством. Информация, подписанная квалифицированной электронной подписью, признается электронным документом, равнозначным документу на бумажном носителе, подписанному собственноручной подписью, кроме случаев, когда законодательством установлена необходимость составления документа исключительно на бумажном носителе.

Действующее законодательство Республики Беларусь содержит отдельные категории договоров, которые не могут заключаться путем обмена электронными документами. Согласно п. 21 Правил оптовой торговли к ним относятся договоры, подлежащие государственной регистрации и (или) нотариальному удостоверению, а также для заключения которых необходима передача имущества. Государственная регистрация сделок согласно ст. 9 Закона Республики Беларусь от 22 июля 2002 года «О государственной регистрации недвижимого имущества, прав на него и сделок с ним» представляет собой юридический акт признания и подтверждения государством факта их совершения. В силу особенностей, обусловленных предметом договора, подлежащего государственной регистрации, а также процедурой его заключения, обмен электронными документами не позволяет государству признать и подтвердить факт его совершения. Законодательство Республики Беларусь предусматривает государственную регистрацию электронного документа, но не совершаемого гражданско-правового договора. Согласно ст. 22 Закона «Об электронном документе и электронной цифровой подписи» государственной регистрации подлежит электронный документ или его копия на бумажном носителе [11]. Высказывается мнение, что в дальнейшем закрепление за должностными лицами государственных органов, уполномоченных осуществлять функции государственной регистрации сделок, квалифицированных электронных подписей сделает возможной государственную регистрацию электронных договоров [16, с. 110].

Нотариальное удостоверение представляет собой квалифицированную письменную форму сделки. Значение нотариального удостоверения документа заключается в том, что оно обеспечивает документу большую достоверность по сравнению с документом, составленным в простой письменной форме. В соответствии со ст. 56 Закона Республики Беларусь от 18 июля 2004 года «О нотариате и нотариальной деятельности» при удостоверении сделки проверяется дееспособность граждан и правоспособность юридических

лиц, участвующих в сделке. При совершении электронных сделок участие нотариуса практически исключается, поэтому договор, заключенный путем обмена электронными документами, приравнивается к простой письменной форме сделки.

Опыт США и стран Евросоюза позволяет утверждать о возможности нотариуса активно участвовать в удостоверении сделок, совершаемых путем обмена электронными документами. В Соединенных Штатах созданы системы нотариализации с использованием электронных средств. Это означает, что при заключении договора, требующего нотариального удостоверения, э-нотариус лично присутствует при подписании электронного документа электронной подписью и заверяет электронный документ своей электронной подписью, причем стороны не обязаны одновременно лично присутствовать при его подписании [17, с. 61]. В Италии цифровые подписи нотариусов можно проверить в режиме онлайн [17, с. 58]. Во Франции установлена система сертификации электронных подписей, используемых французскими нотариусами, учрежденная несколькими ведомствами Правительства страны [17, с. 59]. В Германии для придания нотариально заверенным электронным записям той же степени надежности, какой обладают нотариально заверенные бумажные документы, учрежден орган по оказанию сертификационных услуг. Созданная немецкими нотариусами сертификационная система основана на использовании ИПК и технологии цифровых подписей [17, с. 59].

Таким образом, возможность нотариального удостоверения сделок при помощи ЭЦП нотариуса может способствовать повышению не только уровня правовой регламентации электронных сделок, но и доверия сторон к сделкам в сфере электронного торгового оборота.

Путем обмена электронными документами, по нашему мнению, могут также совершаться реальные сделки, если их предметом являются, например, информация, компьютерные программы, базы данных, электронные книги, интеллектуальная собственность и другая продукция на оцифрованных носителях, допускающая исполнение сделки непосредственно в момент ее заключения.

Общим последствием несоблюдения простой письменной формы сделки является невозможность в случае спора ссылаться в подтверждение сделки и ее условий на свидетельские показания, но это не лишает стороны сделки возможности приводить письменные и другие доказательства, за исключением абсолютно недействительных сделок (статья 163 ГК). Ст. 84 Хозяйственного процессуального кодекса Республики Беларусь устанавливает, что к письменным доказательствам относятся акты, договоры, справ-

ки, товарно-транспортные накладные, деловая корреспонденция, иные документы и материалы, содержащие сведения об обстоятельствах, имеющих значение для дела, в том числе выполненные в форме цифровой, графической записи, полученные посредством факсимильной, электронной или другой связи либо иным способом, позволяющим установить достоверность документа [18]. Ст. 192 Гражданского процессуального кодекса Республики Беларусь к письменным доказательствам относит официальные и частные документы, а также переписку и записи делового или личного характера, содержащие сведения о фактах, имеющих значение для дела. Документы, полученные с помощью электронной, вычислительной и другой техники, являются доказательствами при условии их надлежащего оформления [19].

Подтверждение совершения сделки в сети Интернет возможно только с помощью электронных документов, поскольку другие вещественные доказательства могут отсутствовать. Положения данных статей предусматривают представление любого документа, полученного посредством электронной связи и подписанного ЭЦП, с помощью которой подтверждается его юридическая сила. Тем не менее хотя возможность представления доказательств в электронной форме допускается, но из-за отсутствия механизма подтверждения подлинности документов оно не практикуется.

Анализ судебной практики позволяет установить, что при рассмотрении дел суды оценивают факты существования документа, заключения сделок в электронном виде, отправления и получения документа в электронном виде, подписания документа уполномоченным лицом. Если при рассмотрении спора в суд представляются электронные документы, которые стороны не оспаривают, то в судебных решениях просто констатируется факт их использования в деловой практике. Собрать такого рода сведения достаточно сложно, поскольку факт использования электронных документов во взаимоотношениях сторон не является предметом спора и судебного разбирательства и не подчеркивается в судебных решениях. Если же стороны оспаривают содержание или высказывают сомнения в подлинности представленных в суд электронных документов либо отрицают факт их существования или осуществления с их помощью юридически значимых действий, то суд тщательно изучает не только содержание и реквизиты соответствующих электронных документов, но и оценивает совокупность аргументов спорящих сторон. Достаточно часто, особенно при спорах по документам, подписанным ЭЦП, назначаются специальные технические экспертизы.

Судебная практика показывает, что доказательственная ценность электронных документов

во многом зависит от четкости формулировок договорных обязательств, а также соблюдения установленных правил работы с документами [20, с. 16].

Электронная торговля связана, как правило, с определенными дополнительными организационными действиями, обеспечивающими возможность ее осуществления, в частности наличием оборудования и программного обеспечения, доступа в телекоммуникационную сеть, со средствами индивидуализации товаров и услуг. В этой связи обращается особое внимание на обеспечение гарантий защиты товарных знаков, фирменных наименований и других объектов интеллектуальной собственности в электронном торговом обороте. Несмотря на небольшое количество споров, связанных с нарушением прав на объекты интеллектуальной собственности в сети Интернет, можно констатировать, что наиболее распространенно получило использование известных товарных знаков и фирменных наименований в названиях доменных имен.

Согласно ст. 980 ГК товарный знак и фирменное наименование являются объектами интеллектуальной собственности, а значит, им в равной мере присущ режим правовой охраны, предусмотренный для таких объектов. Доменное имя (домен) согласно Инструкции о порядке регистрации доменных имен в пространстве иерархических имен национального сегмента сети Интернет, утвержденной приказом Оперативно-аналитического центра при Президенте Республики Беларусь от 18 июня 2010 г. № 47, определяется как символьное (буквенно-цифровое) обозначение, сформированное в соответствии с международными правилами адресации сети Интернет, предназначенное для поименованного обращения к информационному ресурсу сети Интернет и соответствующее определенному сетевому адресу [21]. С позиции белорусского законодательства доменное имя прямо не относится к существующим объектам гражданских прав, однако имеет некоторые признаки средства индивидуализации, которые относят его к объектам интеллектуальной собственности. Оно возникает в силу заключения договора оказания услуг, который порождает обязанности лишь для сторон такого договора. В Инструкции заявителю при выборе доменного имени дается рекомендация избегать названий, совпадающих с наименованиями известных торговых марок и организаций, однако регистратор не осуществляет проверку на тождество и сходство доменного имени с товарными знаками и фирменными наименованиями. Поэтому использование в сети Интернет, в том числе в доменном имени, товарного знака или фирменного наименования без разрешения их владельца для оказания услуг, однородных тем, в отношении которых предусмотрена правовая охрана на территории Респуб-

лики Беларусь, является нарушением исключительного права владельца товарного знака и права на фирменное наименование. При этом более ранний момент регистрации доменного имени не имеет значения, так как оно не относится к охраняемым результатам интеллектуальной деятельности и средствам индивидуализации. В связи с этим юристами высказываются предложения включить доменное имя в перечень средств индивидуализации, тем самым определить его статус и правовые последствия незаконного использования доменных имен.

Заключение

1. Электронная торговля представляет собой вид предпринимательской деятельности, осуществляемый электронным способом, при котором совершение сделок происходит посредством телекоммуникационных сетей. Действующее законодательство электронной признает торговлю, при которой договор купли-продажи заключается путем оформления электронного документа, подписанного ЭЦП. Предлагается использование и других средств идентификации отправителей сообщений в качестве аналогов собственноручной подписи в соответствии с принципом технологической нейтральности законодательства.

2. Препятствием развитию электронной торговли служит ограничение сферы применения сделок, заключающихся путем обмена электронными документами. В целях повышения

уровня правовой регламентации и доверия сторон предлагается предусмотреть возможность заключения электронных сделок, требующих нотариального удостоверения и (или) государственной регистрации.

3. В правоприменительной практике допускается возможность представления различных видов электронных документов в качестве доказательств, однако отсутствует механизм подтверждения их подлинности. Возрастает количество споров, связанных с нарушением прав на объекты интеллектуальной собственности в сети Интернет, что вызывает необходимость обеспечения дополнительных гарантий защиты товарных знаков, фирменных наименований и других объектов интеллектуальной собственности в электронном торговом обороте.

4. Повышение уровня правовой определенности электронной торговли возможно посредством принятия специального закона Республики Беларусь «Об электронной торговле», регламентирующего правовые процедуры ее осуществления. 25 ноября 2008 г. Межпарламентская Ассамблея государств – участников Содружества Независимых Государств приняла модельный закон «Об электронной торговле», призванный обеспечить правовые условия электронной торговли на основе взаимного признания электронных сообщений [22]. В Республике Казахстан планируется разработка целенаправленного закона об электронной торговле. В законодательстве Молдовы и Азербайджана уже действуют законы об электронной торговле.

ЛИТЕРАТУРА

1. Белая, О.Б. Международно-правовая основа электронной коммерции / О.Б. Белая // Промышл.-торг. право. – 2010. – № 2. – С. 24–27.
2. Задиран, С. Электронная торговля: опыт зарубежных стран / С. Задиран // Юстиция Беларуси. – 2008. – № 5. – С. 68–72.
3. Овсейко, С.В. Электронная торговля: финансовые и правовые аспекты / С.В. Овсейко. – Минск: Амалфея, 2009. – 296 с.
4. Паньшин, Б.Н. Электронная торговля: теория и практика: курс лекций / Б.Н. Паньшин. – Минск: БГУ, 2009. – 383 с.
5. Зажигалкин, А.В. Международно-правовое регулирование электронной коммерции: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.10; 12.00.03 / А.В. Зажигалкин; С.-Петербург. гос. ун-т. – М., 2005. – 28 с.
6. Костюк, И.В. Гражданско-правовое регулирование электронной торговли: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03 / И.В. Костюк. – Казань, 2007. – 213 л.
7. Миненкова, Н.В. Международно-правовое и национально-правовое регулирование электронной торговли: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03 / Н.В. Миненкова. – М., 2008. – 225 л.
8. Моченов, В.Ю. Правовое регулирование электронной коммерции: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03 / В.Ю. Моченов; Рос. гос. ин-т интеллект. собственности. – М., 2006. – 25 л.

9. Паперно, Е.Л. Правовое регулирование электронной торговли в России, Германии и США: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03 / Е.Л. Паперно; Рос. ун-т дружбы народов. – М., 2006. – 22 л.
10. О торговле: Закон Респ. Беларусь, 28 июля 2003 г., № 231-З // Эталон-Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2012.
11. Об электронном документе и электронной цифровой подписи: Закон Респ. Беларусь, 28 дек. 2009 г., № 113-З // Эталон-Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2012.
12. Правила осуществления розничной торговли по образцам: утв. постановлением Совета Министров Респ. Беларусь, 15 янв. 2009 г., № 31 // Эталон-Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2012.
13. Гражданский кодекс Республики Беларусь: Кодекс Респ. Беларусь, 7 дек. 1998 г., № 218-З // Эталон-Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2012.
14. Правила оптовой торговли, осуществляемой в форме электронной торговли: утв. постановлением Совета Министров Респ. Беларусь, 19 июля 2007 г., № 924 // Эталон-Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2012.
15. Об электронной подписи: Федер. закон Рос. Федерации, 6 апр. 2011 г., № 63-ФЗ // КонсультантПлюс: Версия Проф. Технология Проф [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр». – М., 2012.
16. Ромель, Ю.В. Заключение договоров посредством электронной связи: сравнительный анализ законодательства Республики Беларусь и других государств / Ю.В. Ромель // Вестн. Высш. Хоз. Суда Респ. Беларусь. – 2009. – № 15. – С. 107–118.
17. Содействие укреплению доверия к электронной торговле: правовые вопросы международного использования электронных методов удостоверения подлинности и подписания // Организация Объединенных Наций. – Вена, 2009. – 109 с. [Электронный ресурс]. – 2009. – Режим доступа: <http://www.uncitral.org/>. – Дата доступа: 30.07.2012.
18. Хозяйственный процессуальный кодекс Республики Беларусь: Кодекс Респ. Беларусь, 15 дек. 1998 г., № 219-З // Эталон-Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2012.
19. Гражданский процессуальный кодекс Республики Беларусь: Кодекс Респ. Беларусь, 11 янв. 1999 г., № 238-З // Эталон-Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2012.
20. Электронный документооборот в России: актуальные проблемы и дальнейшее развитие // Рос. союз ИТ-директоров и Ассоциация защиты информации. – М., 2010. – 31 с. [Электронный ресурс]. – 2010. – Режим доступа: <http://www.globalcio.ru/analytics/710/>. – Дата доступа: 20.10.2011.
21. Инструкция о порядке регистрации доменных имен в пространстве иерархических имен национального сегмента сети Интернет: приказ Оперативно-аналит. центра при Президенте Респ. Беларусь, 18 июня 2010 г., № 47 // Эталон-Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2012.
22. О модельном законе «Об электронной торговле»: постановление Межпарламент. Ассамбл. государств – участников СНГ, 25 нояб. 2008 г., № 31-12 // Эталон-Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2012.

Дата поступления статьи в редакцию 08.08.2012

УДК 346.545:347.77

ОСОБЕННОСТИ ЗАЩИТЫ ОТ НЕДОБРОСОВЕСТНОЙ КОНКУРЕНЦИИ В ОБЛАСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ОБЪЕКТОВ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ

КОРОТКЕВИЧ М.П.,доцент кафедры гражданского и хозяйственного права Академии управления
при Президенте Республики Беларусь, кандидат юридических наук

В статье рассматриваются особенности защиты от недобросовестной конкуренции в области использования объектов интеллектуальной собственности.

In the article features of protection against an unfair competition in the field of use of objects of intellectual property are considered.

Введение

Основу законодательства о пресечении недобросовестной конкуренции составляет Закон Республики Беларусь от 10 декабря 1992 года «О противодействии монополистической деятельности и развитии конкуренции» [11] (далее – Закон). Как следует из ст. 1 Закона под недобросовестной конкуренцией понимаются любые направленные на приобретение преимуществ в предпринимательской деятельности действия хозяйствующих субъектов, которые противоречат данному Закону, требованиям добросовестности и разумности и могут причинить или причинили убытки другим хозяйствующим субъектам – конкурентам либо нанести ущерб их деловой репутации. В п. 2 ст. 3 Закона определено, что действие Закона не распространяется на отношения, вытекающие из охраны изобретений, промышленных образцов, топологий интегральных микросхем, нераскрытой информации, товарных знаков и авторских прав, за исключением случаев, когда права, связанные с этими отношениями, используются их обладателями в целях ограничения конкуренции.

Нормы о недобросовестной конкуренции также содержатся в главе 68 Гражданского кодекса Республики Беларусь [1] (далее – ГК) «Недобросовестная конкуренция» раздела V «Исключительные права на результаты интеллектуальной деятельности (интеллектуальная собственность)».

Учитывая, что в отечественной литературе нет единого мнения о порядке защиты от недобросовестной конкуренции в области использования объектов интеллектуальной собственности [4; 5; 7; 17], актуальным видится рассмотрение выбранной для исследования темы.

Основная часть

Отношения, связанные с объектами интеллектуальной собственности, подпадают под действие двух правовых режимов: «исключительного права и запретов и ограничений, установленных в соответствии с законодательством о пресечении недобросовестной конкуренции» [14, с. 36].

В соответствии со ст. 989 ГК защита исключительных прав осуществляется способами, предусмотренными ст. 11 ГК, а также путем:

1) изъятия материальных объектов, с помощью которых нарушены исключительные права, и материальных объектов, созданных в результате такого нарушения;

2) обязательной публикации о допущенном нарушении с включением в нее сведений о том, кому принадлежит нарушенное право.

Если имеет место недобросовестная конкуренция со стороны субъекта-конкурента, то субъект хозяйствования также может прибегнуть к способам защиты, предусмотренным в ст. 11 ГК. Кроме того, в соответствии со ст. 1030 ГК лицо, осуществляющее недобросовестную конкуренцию, обязано прекратить противоправ-

ные действия и опубликовать опровержение распространенных сведений и действий, составляющих содержание недобросовестной конкуренции, а значит, лицо, потерпевшее от недобросовестной конкуренции, вправе этого требовать. Также лицо, потерпевшее от недобросовестной конкуренции, имеет право требовать от недобросовестного конкурента возмещения причиненных убытков.

В первую очередь остановимся на судебном порядке установления факта недобросовестной конкуренции в области использования объектов интеллектуальной собственности.

Для начала следует обратить внимание на разграничение подведомственности дел между хозяйственными и общими судами. Так, Верховному Суду Республики Беларусь подведомственны дела по спорам, вытекающим из применения законодательства, регулирующего имущественные и личные неимущественные отношения, возникающие в связи с созданием, правовой охраной и использованием объектов интеллектуальной собственности, а также дела по жалобам на решения Апелляционного совета патентной экспертизы при патентном органе (п. 3 постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь и Пленума Высшего Хозяйственного Суда Республики Беларусь от 22 июня 2000 г. № 4/3 «О разграничении подведомственности дел между общими и хозяйственными судами» (в редакции постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь и Пленума Высшего Хозяйственного Суда Республики Беларусь от 25 марта 2004 г. № 2/6) [12]. Относительно определения подведомственности дел об установлении факта недобросовестной конкуренции в судебном порядке, если затрагиваются права на объекты интеллектуальной собственности, белорусскими авторами высказываются различные точки зрения.

Многие авторы указывают, что рассмотрение дел по спорам, возникающим в связи с совершением действий, содержащих признаки недобросовестной конкуренции, вытекающих из использования объектов интеллектуальной собственности, входит в компетенцию судебной коллегии по делам интеллектуальной собственности Верховного Суда Республики Беларусь [4; 7; 17]. Это обосновывается, в частности, письмом Высшего Хозяйственного Суда Республики Беларусь от 22 мая 2001 г. № 03-25/788 «О подведомственности споров, вытекающих из использования объектов интеллектуальной собственности», в котором указывается, что, несмотря на то что недобросовестная конкуренция не указана в ст.ст. 980, 998 ГК в качестве объектов промышленной собственности, тем не менее она согласно ст. 1 (2) Парижской конвенции по охране промышленной собственности от 20 марта 1883 г., пересмотренной в Стокгольме 14 июля 1967 г.,

участницей которой является Республика Беларусь, отнесена к объектам промышленной собственности [10]. Следует обратить внимание, что в данном случае допущена неточность – Парижская конвенция по охране промышленной собственности относит пресечение недобросовестной конкуренции не к «объектам промышленной собственности», а к «объектам охраны промышленной собственности». Что буквально может означать: «пресечение недобросовестной конкуренции подлежит охране наряду с объектами промышленной собственности». В подтверждение данной точки зрения приведем мнение ученых, отмечающих, что недобросовестная конкуренция является не результатом интеллектуальной деятельности, а самим действием, поэтому защита против недобросовестной конкуренции не может быть объектом промышленной собственности [2, с. 454; 15]. Кроме того, исходя из смысла ст.ст. 980, 998 ГК, для того чтобы рассматривать недобросовестную конкуренцию как объект промышленной собственности, интеллектуальной собственности, она должна быть прямо названа таковой в законодательстве.

В вышеуказанном письме Высшего Хозяйственного Суда Республики Беларусь от 22 мая 2001 г. к компетенции Верховного Суда Республики Беларусь отнесены вообще все споры по установлению факта недобросовестной конкуренции (споры, возникающие в связи с совершением действий, перечисленных в ст. 1029 ГК (действия, подпадающие под понятие недобросовестной конкуренции) и содержащих признаки недобросовестной конкуренции) [10]. Действительно, недобросовестная конкуренция может быть связана с объектами интеллектуальной собственности непосредственно, например при незаконном использовании хозяйствующим субъектом не принадлежащего ему фирменного наименования, товарного знака (ст. 14² Закона). В то же время действия недобросовестного конкурента могут и не нарушать права на результаты интеллектуальной деятельности, например при распространении хозяйствующим субъектом ложных, недостоверных, искаженных сведений о предпринимательской деятельности конкурента (ст. 14² Закона). Поэтому все требования субъектов хозяйствования об установлении факта недобросовестной конкуренции не могут рассматриваться Верховным Судом Республики Беларусь.

Анализируя нормы постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь, обобщающего судебную практику по гражданским делам, связанным с защитой права на товарный знак и знак обслуживания (постановление от 28 сентября 2005 г. № 9 «О некоторых вопросах применения законодательства при рассмотрении гражданских дел, связанных с защитой

права на товарный знак и знак обслуживания» [9]), нельзя сделать однозначного вывода об отнесении к подведомственности Верховного Суда дел по требованиям о пресечении недобросовестной конкуренции в области использования товарного знака, знака обслуживания. Полагаем, учитывая положения совместного постановления пленумов судов высших инстанций в отношении подведомственности дел по спорам, затрагивающим объекты интеллектуальной собственности, в данном постановлении Пленума Верховного Суда следовало бы четко определить, подведомственны ли Верховному Суду (судебной коллегии по делам интеллектуальной собственности) дела по искам о признании действий владельца товарного знака актом недобросовестной конкуренции, его запрещении и др.

Недобросовестная конкуренция, по мнению Д.А. Матанцева, представляет собой «особый вид конкурентных правонарушений, то есть деяний, запрещенных специальным законодательством» [8, с. 106]. Полагаем, именно исходя из специфики правонарушения при недобросовестной конкуренции другие белорусские ученые, в частности С.С. Лосев, указывают, что дела об установлении факта недобросовестной конкуренции, в том числе в связи с использованием объектов интеллектуальной собственности, в судебном порядке подведомственны хозяйственным судам, поскольку относятся к категории хозяйственных (экономических) споров [6].

Следует согласиться, что если при разрешении спора о наличии факта недобросовестной конкуренции в суде подлежал выяснению вопрос о правомерности, например, регистрации товарного знака, который относится к объектам интеллектуальной собственности, то такие дела должны быть подведомственны Верховному Суду Республики Беларусь. Например, в случае, когда действия владельца товарного знака подпадают под признаки недобросовестной конкуренции, при этом регистрация товарного знака была произведена без учета охраняемых в Республике Беларусь фирменных наименований.

Если при регистрации товарного знака заявитель действовал правомерно, но использование объекта интеллектуальной собственности осуществляется владельцем товарного знака в целях ограничения конкуренции, видится спорным отнесение такой категории споров исключительно к компетенции Верховного Суда Республики Беларусь. То есть если в действиях ответчика нет нарушения законодательства об интеллектуальной собственности, то спор не связан с применением законодательства в области права интеллектуальной собственности, хотя при осуществлении недобросовестной конкуренции и используются объекты интеллектуальной собственности. Так, С.С. Лосев утверждает, что если

предметом иска будет названо не пресечение действий, нарушающих исключительные права истца, и возмещение причиненных этим убытков, а пресечение действий ответчика, составляющих недобросовестную конкуренцию, и возмещение причиненных этим убытков (ст. 1030 ГК), то такие дела могут рассматриваться хозяйственным судом [5]. Сложно не согласиться с такой позицией, так как при рассмотрении требований по спорам, вытекающим из использования объектов интеллектуальной собственности, но направленным на защиту от недобросовестной конкуренции, «предметом правового регулирования являются не исключительные права на результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации участников гражданского оборота, а конкурентные отношения субъектов предпринимательской деятельности» [16].

Еще раз обратимся к положениям постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь и Пленума Высшего Хозяйственного Суда Республики Беларусь «О разграничении подведомственности дел между общими и хозяйственными судами». Так, в п. 8 данного постановления указывается, что при разграничении подведомственности споров общим или хозяйственным судам, если акт законодательства непроцессуального характера не позволяет разграничить компетенцию между общими и хозяйственными судами, должны учитываться субъектный состав спора и характер спорного материального правоотношения. Например, в ст. 28 Закона Республики Беларусь от 5 февраля 1993 года «О товарных знаках и знаках обслуживания» прямо закреплено, что споры, связанные с нарушением законодательства о товарных знаках, рассматриваются Апелляционным советом и Верховным Судом Республики Беларусь в соответствии с их компетенцией [13]. Поэтому исходя из содержания нормы п. 8 указанного постановления следует признать, что если спор не связан с нарушением законодательства о товарных знаках, например использование товарного знака нарушает только законодательство о пресечении недобросовестной конкуренции, то она неприменима. На основании вышеизложенного можно сделать вывод о том, что если требование заявителя основывается на нормах именно законодательства о пресечении недобросовестной конкуренции, то такие дела должны быть подведомственны хозяйственным судам (с учетом субъектного состава).

Законодательством о пресечении недобросовестной конкуренции предусматривается и административный порядок защиты. По общему правилу заявления (обращения) о нарушении антимонопольного законодательства в части осуществления недобросовестной конкуренции рассматриваются департаментом антимоно-

польной политики Министерства экономики Республики Беларусь (управлениями антимонопольной и ценовой политики) (далее – антимонопольный орган) (п. 4 Инструкции о рассмотрении заявлений (обращений) о нарушении антимонопольного законодательства в части осуществления недобросовестной конкуренции, утвержденной постановлением Министерства экономики Республики Беларусь от 17 апреля 2006 г. № 61 [3] (далее – Инструкция). Антимонопольным органом по результатам рассмотрения заявления (обращения) о нарушении антимонопольного законодательства в части осуществления недобросовестной конкуренции может быть принято решение о признании факта нарушения антимонопольного законодательства в части осуществления недобросовестной конкуренции (п. 16 Инструкции). В случае совершения хозяйствующими субъектами действий, признанных недобросовестной конкуренцией, антимонопольный орган вправе вынести предписание о прекращении противоправной деятельности и об устранении вредных последствий, возникших в ее результате, а также принять иные необходимые меры в пределах своей компетенции (п. 1 ст. 16 Закона). Таким образом, согласно нормам Инструкции антимонопольный орган будет рассматривать заявление о признании действий конкурента актом недобросовестной конкуренции независимо от того, имели ли они место в связи с использованием объектов интеллектуальной собственности или нет. В то же время решение антимонопольного органа может быть обжаловано в суд, тогда опять возникает вопрос о подведомственности спора [16].

Заключение

На основании изложенного можно сделать следующие выводы.

1. Хозяйствующий субъект может защищать свои права способами, предусмотренными зако-

нодательством об интеллектуальной собственности и антимонопольным законодательством, если при использовании объекта интеллектуальной собственности имеет место нарушение соответствующих норм.

2. Законодательством Республики Беларусь предусмотрен административный и судебный порядок признания действий субъектов хозяйствования актом недобросовестной конкуренции. Антимонопольное законодательство не закрепляет исключительной компетенции антимонопольных органов по признанию действий хозяйствующих субъектов актом недобросовестной конкуренции, не устанавливает обязательного досудебного порядка урегулирования спора, поэтому заявитель может обратиться с соответствующим требованием как в антимонопольный орган, так и в суд.

Антимонопольный орган при установлении факта недобросовестной конкуренции, в том числе в области использования объектов интеллектуальной собственности, имеет право принимать меры реагирования. Решение антимонопольного органа может быть обжаловано в суд.

3. Законодательством Республики Беларусь определение подведомственности дел хозяйственным судам или Верховному Суду Республики Беларусь должно определяться с учетом характера спорного правоотношения и применимого нормативного правового акта. Кроме того, следует согласовать нормы постановлений пленумов судов высших инстанций по вопросу определения подведомственности дел, связанных с использованием объектов интеллектуальной собственности. Целесообразным видится определение подсудности дел, связанных с использованием объектов интеллектуальной собственности, в зависимости от того, применимы к возникшим правоотношениям нормы законодательства об интеллектуальной собственности или нет.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гражданский кодекс Республики Беларусь: Кодекс Респ. Беларусь, 7 дек. 1998 г., № 218-З: принят Палатой представителей 28 окт. 1998 г.: одобрен Советом Респ. 19 нояб. 1998 г.: текст Кодекса по состоянию на 3 июля 2011 г. // Эталон-Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2012.
2. Гражданское право: учеб.: в 3 т. / Т.В. Авдеева [и др.]; под ред. В.Ф. Чигира. – Минск: Амалфея, 2011. – Т. 3. – 560 с.
3. Инструкция о рассмотрении заявлений (обращений) о нарушении антимонопольного законодательства в части осуществления недобросовестной конкуренции: утв. постановлением М-ва экономики Респ. Беларусь, 17 апр. 2006 г., № 61: в ред. постановления М-ва экономики Респ. Беларусь от 30 июня 2011 г. // Эталон-Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2012.

4. Котел, О.Н. Защита от недобросовестного использования товарного знака / О.Н. Котел // Промышл.-торг. право. – 2011. – № 10. – КонсультантПлюс: Беларусь [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр». – Минск, 2012.

5. Лосев, С. Кто должен рассматривать споры субъектов хозяйствования, связанные с объектами права интеллектуальной собственности? / С. Лосев // КонсультантПлюс: Беларусь [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр». – Минск, 2012.

6. Лосев, С.С. Комментарий к Закону Республики Беларусь от 15 июля 2009 г. № 44-З «О внесении изменений и дополнений в Закон Республики Беларусь «О товарных знаках и знаках обслуживания» / С.С. Лосев // КонсультантПлюс: Беларусь [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр». – Минск, 2012.

7. Манцевич, Т.И. Практика применения законодательства в делах о недобросовестной конкуренции / Т.И. Манцевич // Промышл.-торг. право. – 2010. – № 9. – КонсультантПлюс: Беларусь [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр». – Минск, 2012.

8. Матанцев, Д.А. Конкурентные злоупотребления при осуществлении предпринимательской деятельности в Российской Федерации / Д.А. Матанцев // Цивилист. – 2011. – № 2. – С. 102–106.

9. О некоторых вопросах применения законодательства при рассмотрении гражданских дел, связанных с защитой права на товарный знак и знак обслуживания: постановление Пленума Верховного Суда Республики Беларусь, 28 сент. 2005 г., № 9: в ред. постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 31 марта 2010 г. // Эталон-Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2012.

10. О подведомственности споров, вытекающих из использования объектов интеллектуальной собственности: письмо Высш. Хоз. Суда Республики Беларусь, 22 мая 2001 г., № 03-25/788 // КонсультантПлюс: Беларусь [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр». – Минск, 2012.

11. О противодействии монополистической деятельности и развитии конкуренции: Закон Республики Беларусь, 10 дек. 1992 г., № 2034-ХП: в ред. Закона Республики Беларусь от 22 дек. 2011 г. // Эталон-Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2012.

12. О разграничении подведомственности дел между общими и хозяйственными судами: постановление Пленума Верховного Суда Республики Беларусь и Пленума Высш. Хоз. Суда Республики Беларусь, 22 июня 2000 г., № 4/3: в ред. постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь и Пленума Высш. Хоз. Суда Республики Беларусь от 25 марта 2004 г. // Эталон-Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2012.

13. О товарных знаках и знаках обслуживания: Закон Республики Беларусь, 5 февр. 1993 г., № 2181-ХП: в ред. Закона Республики Беларусь от 22 дек. 2011 г. // Эталон-Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2012.

14. Пустыльников, П.Ю. К вопросу о соотношении права на защиту от недобросовестной конкуренции с правом интеллектуальной собственности / П.Ю. Пустыльников // Рос. юстиция. – 2006. – № 8. – С. 36–38

15. Судариков, С.А. Право интеллектуальной собственности / С.А. Судариков. – М.: Проспект, 2010. // Система ГАРАНТ [Электронный ресурс]. – М., 2011.

16. Филипповский, В.В. Защита от недобросовестной конкуренции / В.В. Филипповский // КонсультантПлюс: Беларусь [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр». – Минск, 2012.

17. Чичурина, О.А. Право интеллектуальной собственности: отраслевые средства защиты и подведомственность споров / О.А. Чичурина. // КонсультантПлюс: Беларусь [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр». – Минск, 2012.

Дата поступления статьи в редакцию 02.05.2012

ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ОРГАНИЗАЦИИ ПЕРЕВОЗОК ПассажиРОВ ТРАНСПОРТОМ ОБЩЕГО ПОЛЬЗОВАНИЯ

ЛЕЩИНСКАЯ Н.И.,
аспирант Минского института управления

В статье исследуется порядок организации перевозок пассажиров всеми видами транспорта общего пользования, а также изучаются проблемы взаимодействия государственных органов и организаций с транспортными компаниями, осуществляющими перевозки пассажиров транспортом общего пользования, выделяются наиболее удачные способы государственно-частного партнерства в сфере транспорта общего пользования.

In the article are studied the order of passenger carriage organization by all means of public transport, as well as the problems of interaction between state authorities and transport companies, engaged in passenger carriage by public transport. There are highlighted the most successful ways (forms) of public-private partnership in the sphere of public transport.

Транспорт общего пользования – это производственно-технологический комплекс, включающий инфраструктуру транспорта, подвижной состав, другое имущество, необходимое для организации и выполнения перевозок, и предназначенный для обеспечения потребностей физических лиц в перевозках различными видами транспорта на условиях публичного договора, а также в выполнении иных работ (услуг), связанных с такими перевозками. Организация перевозок пассажиров транспортом общего пользования – это одна из важнейших задач государства, элемент системы государственных социальных стандартов – государственных гарантий социальной защиты, обеспечивающих удовлетворение основных потребностей человека. Государственные социальные стандарты реализуются в том числе через общедоступные социальные услуги, которые Законом Республики Беларусь от 11 ноября 1999 года «О государственных минимальных социальных стандартах» (далее – Закон о государственных социальных стандартах) [1] определяются как услуги, предоставление которых гарантируется государством за счет финансирования из республиканского и местных бюджетов, а также государственных внебюджетных фондов и которые доступны для всех по возможности приобретения и пользования.

Постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 30 мая 2003 г. № 724 [2] утвержден перечень мер по внедрению системы государственных социальных стандартов, в том числе стандартов обеспечения населения услугами в области транспорта общего пользования. Данный перечень предусматривает минимальные нормативы, необходимые для обеспечения потребностей населения страны в перевозках (охват маршрутами транспорта общего пользования городов и регионов, регулярность и периодичность рейсов различных видов транспорта общего пользования, нормативы деятельности предприятий транспорта общего пользования и др.).

С учетом технических, технологических и иных особенностей каждого из видов транспорта законодательством определен порядок участия государственных органов и/или лиц, специально ими уполномоченных, в реализации государственных социальных стандартов в области транспорта путем организации перевозок пассажиров транспортом общего пользования.

Правовое регулирование организации **автомобильных перевозок** пассажиров транспортом общего пользования осуществляется посредством норм Закона Республики Беларусь от 14 августа 2007 года «Об автомобильном транспорте и автомобильных перевозках» [3] (далее – Закон

об автомобильном транспорте и автомобильных перевозках), Правил автомобильных перевозок пассажиров, утвержденных постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 30 июня 2008 г. № 972 [4].

В соответствии со ст. 4 Закона об автомобильном транспорте и автомобильных перевозках автомобильные перевозки пассажиров в регулярном сообщении – это систематические автомобильные перевозки пассажиров, выполняемые согласно расписаниям либо интервалам движения транспортных средств с установленными началом и окончанием работы по определенным маршрутам с местами посадки и высадки пассажиров, оборудованными в соответствии с требованиями технических нормативных правовых актов.

Заказчиком таких перевозок в соответствии с абзацем шестым части первой ст. 12 Закона об автомобильном транспорте и автомобильных перевозках является орган государственной власти (исполнительный комитет соответствующего уровня для городских, пригородных и междугородных внутриобластных перевозок либо Министерство транспорта и коммуникаций Республики Беларусь – для межобластных и международных).

Согласно ст. 24 Закона об автомобильном транспорте и автомобильных перевозках организация и выполнение автомобильных перевозок пассажиров в регулярном сообщении осуществляются на основании гражданско-правового договора (*договора об организации автомобильных перевозок пассажиров в регулярном сообщении*), заключаемого между заказчиком таких перевозок (или по его поручению оператором автомобильных перевозок пассажиров) и перевозчиком, имеющим специальное разрешение (лицензию) на право выполнения перевозок пассажиров, по результатам конкурса на право выполнения автомобильных перевозок пассажиров в регулярном сообщении. Таким образом, договор об организации автомобильных перевозок пассажиров в регулярном сообщении является *двусторонним*.

Заключению такого договора предшествует процедура получения перевозчиком специального разрешения (лицензии) на право выполнения автомобильных перевозок пассажиров, а также победа в конкурсе на право выполнения автомобильных перевозок пассажиров в регулярном сообщении: в соответствии с частью второй ст. 24 Закона об автомобильном транспорте и автомобильных перевозках данный договор должен быть заключен в течение 20 дней после принятия решения конкурсной комиссией о признании перевозчика победителем в конкурсе на право выполнения автомобильных перевозок пассажиров в регулярном сообщении.

Поскольку законодательством предусмотрена обязанность сторон заключить данный договор и возможность его заключения не зависит от воли сторон, такой договор должен признаваться *обязательным для заключения сторонами*.

Предметом договора является организация автомобильных перевозок пассажиров в регулярном сообщении: в соответствии с приложением 4 к постановлению Министерства транспорта и коммуникаций Республики Беларусь от 12 ноября 2008 г. № 116 «О мерах по реализации постановления Совета Министров Республики Беларусь от 30 июня 2008 г. № 972» (далее – постановление № 116) [5], которым утверждена примерная форма договора об организации автомобильных перевозок пассажиров в регулярном сообщении, Заказчик (Оператор) обязуется организовать, а Перевозчик – выполнять автомобильные перевозки пассажиров в регулярном сообщении по определенному в договоре маршруту (маршрутам) и на условиях, указанных в договоре. Таким образом, правам и обязанностям одной стороны договора (Заказчика или Оператора автомобильных перевозок пассажиров) корреспондируют права и обязанности другой стороны – автомобильного Перевозчика, признанного победителем конкурса на право выполнения автомобильных перевозок пассажиров общественным транспортом, то есть договор об организации автомобильных перевозок пассажиров в регулярном сообщении является *взаимным*.

В соответствии с подпунктом 2.1.10 пункта 2 приложения 4 Перевозчик обязан своевременно производить оплату Заказчику (Оператору) за предоставленные услуги, сопутствующие автомобильной перевозке пассажиров, в размерах и порядке, предусмотренных договором. Подпункт 4.2 пункта 4 данного приложения определяет, что оплата производится за оказанные Заказчиком (Оператором) услуги согласно протоколам согласования цен. Таким образом, данный договор является *возмездным*.

В соответствии с подпунктом 5.2 пункта 5 приложения 4 Перевозчик несет ответственность перед Заказчиком (Оператором) за неподачу или несвоевременную подачу транспортного средства в размере 20 % от стоимости перевозки. Поскольку факт заключения договора автомобильной перевозки пассажира в регулярном сообщении является правообразующим, то есть достаточным основанием для того, чтобы каждая из сторон имела право требовать от другой стороны надлежащего исполнения обязательств по нему, договор об организации автомобильных перевозок пассажиров в регулярном сообщении является *консенсуальным*.

В соответствии с абзацем вторым пункта 35 Правил автомобильных перевозок пассажиров

договор об организации автомобильных перевозок пассажиров в регулярном сообщении может заключаться на срок до 5 лет.

Таким образом, законодательство об автомобильном транспорте и автомобильных перевозках в Республике Беларусь предусматривает, что организация автомобильных перевозок пассажиров общественным транспортом производится административными (лицензирование) и гражданско-правовыми мерами (конкурс на право осуществления перевозок пассажиров; заключение государственным органом или специально уполномоченным им лицом с перевозчиком – победителем конкурса гражданско-правового договора, который можно классифицировать как двусторонний, обязательный для заключения сторонами, взаимный, возмездный, консенсуальный, срочный).

Законодательное отнесение предприятий **городского электрического транспорта** к транспорту общего пользования в Республике Беларусь закреплено только косвенно в актах Министерства транспорта и коммуникаций Республики Беларусь. В частности, из положений Методических рекомендаций по определению потерь доходов от реализации услуг автомобильного и городского электрического транспорта общего пользования пассажирам, имеющим право на льготный проезд, утвержденных постановлением Министерства транспорта и коммуникаций Республики Беларусь от 5 июля 2005 г. № 36 [6], а также положений Методических рекомендаций о порядке распределения выручки от реализации проездных документов (билетов) на проезд в городском транспорте общего пользования в регулярном сообщении между организациями автомобильного и электрического транспорта, утвержденных постановлением Министерства транспорта и коммуникаций Республики Беларусь от 12 октября 2005 г. № 59 (далее – Методические рекомендации от 12 октября 2005 г.) [7], вытекает, что городской электрический транспорт признается транспортом общего пользования.

В отличие от автомобильных перевозок пассажиров транспортом общего пользования процесс организации перевозок пассажиров городским электрическим транспортом общего пользования законодательством не регламентирован, а вся инфраструктура городского электрического транспорта, включая транспортные средства, находятся в государственной (коммунальной) собственности. В соответствии со ст. 215 Гражданского кодекса Республики Беларусь (далее – ГК) [8] коммунальная собственность (собственность административно-территориальной единицы) является одной из форм государственной собственности. В соответствии со ст. 41 Закона

Республики Беларусь от 4 января 2010 года «О местном управлении и самоуправлении в Республике Беларусь» [9] полномочиями по созданию условий для предоставления транспортных услуг населению и организации транспортного обслуживания граждан на соответствующей территории наделены областные и Минский городской исполнительные комитеты и администрации районов в г. Минске. Исполкомы передают объекты инфраструктуры городского электрического транспорта коммунальным юридическим лицам на праве хозяйственного ведения.

Из положений Методических рекомендаций от 12 октября 2005 г. следует, что перевозки пассажиров городским электрическим транспортом общего пользования выполняются на основании государственного заказа, который передает перевозчиком местный орган власти, выступающий заказчиком таких перевозок. Данная позиция подтверждается в том числе решением хозяйственного суда Витебской области от 25 марта 2009 г. по делу № 156-14/2009 [10].

Местный орган власти является заказчиком перевозок пассажиров городским электрическим транспортом общего пользования, которые выполняет подчиненный ему хозяйствующий субъект: отношения между заказчиком перевозок и перевозчиком носят характер власти и подчинения и основываются на актах, издаваемых государственной организацией, которая наделена правом хозяйственного ведения (оперативного управления) имуществом предприятия городского электрического транспорта (для Минска, например, это коммунальное транспортное унитарное предприятие «Минсктранс»), а не на гражданско-правовом договоре, как в случае с автомобильным транспортом общего пользования. При этом нельзя не согласиться с тем, что схема организации перевозок является близкой с той, которая действует при организации автомобильных перевозок пассажиров в регулярном сообщении, когда заказчиком перевозок пассажиров транспортом общего пользования является орган государственной власти и управления.

Основными нормативными актами, регулирующими порядок организации перевозок пассажиров **железнодорожным транспортом** общего пользования, являются Закон Республики Беларусь от 6 января 1999 года «О железнодорожном транспорте» (далее – Закон, Закон о железнодорожном транспорте) [11], Устав железнодорожного транспорта общего пользования, утвержденный постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 2 августа 1999 г. № 1196 (далее – Устав) [12], и Правила перевозок пассажиров и багажа железнодорожным транспортом общего пользования в Республике Беларусь, утвержденные постановлением Ми-

нистерства транспорта и коммуникаций Республики Беларусь от 21 апреля 2008 г. № 57 [13].

Ст. 2 Закона о железнодорожном транспорте определяет железнодорожный транспорт как вид наземного рельсового транспорта, представляющий собой совокупность его коммуникаций и транспортных средств, обеспечивающих управление и эксплуатационную деятельность железнодорожного транспорта. В соответствии со ст. 1 Закона железнодорожный транспорт общего пользования – это железнодорожный транспорт, используемый для осуществления перевозок пассажиров, грузов и багажа и связанных с этим работ (услуг) на основании публичного договора, то есть по обращению любого гражданина или юридического лица.

Ст. 5 Закона закрепляет, что железнодорожный транспорт общего пользования находится в собственности Республики Беларусь. Функции по управлению объектами государственной собственности железнодорожного транспорта общего пользования осуществляются государственным объединением «Белорусская железная дорога» (далее – БЖД).

Несмотря на то что по общему правилу, предусмотренному в ст. 123¹ ГК, государственные объединения являются некоммерческими организациями, ст. 4 Закона о железнодорожном транспорте законодательно закреплено отнесение БЖД к категории коммерческих юридических лиц, то есть лиц, целью деятельности которых является извлечение прибыли. В то же время в соответствии с пунктом 2 Устава БЖД и ее организации призваны обеспечивать потребности экономики и населения в перевозках, а также безопасность движения транспортных средств, охрану окружающей среды, формирование рынка транспортных работ и услуг. Пункт 87 Устава закрепляет качественные показатели работы железнодорожного транспорта по выполнению перевозок пассажиров: своевременность перевозки, сохранность багажа, качественное обслуживание. Таким образом, в целях деятельности БЖД объединены коммерческие интересы государственного объединения и общественные интересы по организации надлежащего транспортного обслуживания населения страны.

Учитывая вышесказанное, можно сделать вывод о том, что основанием для организации железнодорожных перевозок пассажиров транспортом общего пользования, так же как для автомобильного и городского электрического транспорта, является государственный заказ, направленный на обеспечение выполнения государственных социальных стандартов в области транспорта. Сам факт создания БЖД является способом реализации обязанности государства по созданию условий надлежащего транспортного обеспечения населения страны. Государст-

во делегирует специально созданному юридическому лицу часть своих полномочий по надлежащей организации перевозок пассажиров железнодорожным транспортом общего пользования. При этом в качестве целей деятельности юридического лица значится «удовлетворение потребностей населения в перевозках», а минимальные показатели его деятельности закрепляются в виде мер по внедрению системы государственных социальных стандартов, утвержденных постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 30 мая 2003 г. № 724.

Порядок организации перевозок пассажиров **внутренним водным транспортом** общего пользования предусмотрен в Кодексе внутреннего водного транспорта Республики Беларусь (далее – Кодекс ВВТ) [14] и Правилах перевозок пассажиров и багажа внутренним водным транспортом, утвержденных постановлением Министерства транспорта и коммуникаций Республики Беларусь от 29 ноября 2004 г. № 42 [15].

На внутренних водных путях Республики Беларусь функционируют 9 речных портов – Брест, Пинск, Микашевичи, Мозырь, Гомель, Речица, Бобруйск, Могилев и Витебск. Каждый из них имеет свою собственную зону деятельности по участкам рек, движение по которым осуществляется в течение навигационного периода [16, с. 238]. В соответствии с пунктом 7 Правил перевозок пассажиров и багажа внутренним водным транспортом такая перевозка осуществляется пассажирскими судами (далее – судно) и паромными и организуется в регулярном городском, пригородном, междугородном сообщении, паромными на переправах (по установленным маршрутам и в соответствии с расписанием движения судов), а также в нерегулярном сообщении по туристским и экскурсионно-прогулочным маршрутам.

Рейсы, выполняемые по туристским и экскурсионно-прогулочным маршрутам, учитывая их развлекательный и нерегулярный характер, не могут служить целям удовлетворения населения в перевозках и организации надлежащего транспортного сообщения. В связи с чем можно предположить, что к внутреннему водному транспорту *общего пользования* относятся транспортные предприятия, призванные обеспечивать перевозки пассажиров именно в регулярном сообщении.

Заказчиком перевозок пассажиров в соответствии с Кодексом ВВТ признается юридическое лицо или индивидуальный предприниматель, заключивший договор с судовладельцем на использование пассажирского судна для перевозки пассажиров; *перевозчиком* – юридическое лицо или индивидуальный предприниматель, выполняющий на основании договора перевозки или на иных законных основаниях доставку пассажиров, багажа в пункт назначе-

ния. В то же время нельзя говорить о том, что организация перевозок пассажиров внутренним водным транспортом общего пользования производится на исключительно коммерческой основе без участия уполномоченных государственных органов. Ст. 5 Кодекса ВВТ закрепляет, что субъектами отношений в области внутреннего водного транспорта являются в том числе Республика Беларусь в лице уполномоченных государственных органов и административно-территориальные единицы Республики Беларусь. А в соответствии с расписанием движения пассажирских судов внутреннего водного транспорта, размещенным на официальном интернет-сайте Министерства транспорта и коммуникаций Республики Беларусь [17], перевозки пассажиров в регулярном сообщении осуществляют исключительно предприятия государственной формы собственности. Также Министерство транспорта и коммуникаций Республики Беларусь с участием местных органов власти определяет маршруты движения, утверждает расписание и производит тарификацию стоимости транспортных услуг, что позволяет республиканскому отраслевому органу государственного управления участвовать в организации перевозок пассажиров внутренним водным транспортом общего пользования не только путем издания нормативных правовых актов, но и посредством управления деятельностью транспортных компаний в административном порядке.

Несмотря на технические и технологические особенности перевозок пассажиров различными видами транспорта общего пользования, нельзя отрицать наличие одного из основных опреде-

ляющих признаков, общего для них всех: государство в лице специально уполномоченных органов или юридических лиц принимает самое активное участие в организации таких перевозок, являясь их заказчиком, а в некоторых случаях и исполнителем. Организация деятельности автомобильного, городского электрического, железнодорожного и внутреннего водного транспорта общего пользования является основным способом реализации государством социальных стандартов в области транспорта.

Административное управление деятельностью различных видов транспорта общего пользования широко распространено для каждого из видов транспорта, в то же время анализ действующего белорусского транспортного законодательства наглядно демонстрирует практически полное отсутствие нормативно-правового регулирования перевозок пассажиров городским электрическим транспортом общего пользования (трамваев, троллейбусов, метро). Более подробно урегулированы отношения по организации и выполнению перевозок пассажиров железнодорожным и внутренним водным транспортом общего пользования. И наконец, наиболее подробно регламентированы отношения сторон по организации и выполнению автомобильных перевозок пассажиров транспортом общего пользования. В связи с чем для более полной реализации системы государственных социальных стандартов и защиты прав граждан представляется необходимым дальнейшее совершенствование и конкретизация транспортного законодательства Республики Беларусь в сфере перевозок пассажиров транспортом общего пользования.

ЛИТЕРАТУРА

1. О государственных минимальных социальных стандартах: Закон Респ. Беларусь, 11 нояб. 1999 г., № 322-З // Эталон-Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2012.
2. О мерах по внедрению системы государственных социальных стандартов по обслуживанию населения республики: постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 30 мая 2003 г., № 724 // Эталон-Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2012.
3. Об автомобильном транспорте и автомобильных перевозках: Закон Респ. Беларусь, 14 авг. 2007 г., № 278-З // Эталон-Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2012.
4. Правила автомобильных перевозок пассажиров: утв. постановлением Совета Министров Респ. Беларусь, 30 июня 2008 г., № 972 // Эталон-Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2012.
5. О мерах по реализации постановления Совета Министров Республики Беларусь от 30 июня 2008 г. № 972: постановление М-ва транспорта и коммуникаций Респ. Беларусь, 12 нояб. 2008 г., № 116 // Эталон-Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2012.

6. Об утверждении Методических рекомендаций по определению потерь доходов от реализации услуг автомобильного и городского электрического транспорта общего пользования пассажирам, имеющим право на льготный проезд: постановление М-ва транспорта и коммуникаций Респ. Беларусь, 5 июля 2005 г., № 36 // Эталон-Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2012.
7. Об утверждении Методических рекомендаций о порядке распределения выручки от реализации проездных документов (билетов) на проезд в городском транспорте общего пользования в регулярном сообщении между организациями автомобильного и электрического транспорта: постановление М-ва транспорта и коммуникаций Респ. Беларусь, 12 окт. 2005 г., № 59 // Эталон-Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2012.
8. Гражданский кодекс Республики Беларусь: Кодекс Респ. Беларусь, 7 дек. 1998 г., № 218-З // Эталон-Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2012.
9. О местном управлении и самоуправлении в Республике Беларусь: Закон Респ. Беларусь, 4 янв. 2010 г., № 108-З // Эталон-Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2012.
10. Архив хозяйственного суда Витебской области за 2009 г. – Дело № 156-14/2009.
11. О железнодорожном транспорте: Закон Респ. Беларусь, 6 янв. 1999 г., № 237-З // Эталон-Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2012.
12. Устав железнодорожного транспорта общего пользования: утв. постановлением Совета Министров Респ. Беларусь, 2 авг. 1999 г., № 1196 // Эталон-Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2012.
13. Правила перевозки пассажиров и багажа железнодорожным транспортом общего пользования в Республике Беларусь: утв. постановлением М-ва транспорта и коммуникаций Респ. Беларусь, 21 апр. 2008 г., № 57 // Эталон-Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2012.
14. Кодекс внутреннего водного транспорта Республики Беларусь: Кодекс Респ. Беларусь, 24 июня 2002 г., № 118-З // Эталон-Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2012.
15. Правила перевозки пассажиров и багажа внутренним водным транспортом: утв. постановлением М-ва транспорта и коммуникаций Респ. Беларусь, 29 нояб. 2004 г., № 42 // Эталон-Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2012.
16. Савченко, М.И. Международное транспортное право / М.И. Савченко. – Минск: Право и экономика, 2011. – 403 с.
17. Расписание движения водных судов // М-во транспорта и коммуникаций Респ. Беларусь [Электронный ресурс]. – 2012. – Режим доступа: http://www.mintrans.gov.by/rus/activity/aqua/rasspisanie_sudov. – Дата доступа: 07.04.2012.

Дата поступления статьи в редакцию 25.07.2012

ЮРИДИЧЕСКАЯ ПРИРОДА ДЕЕСПОСОБНОСТИ ГРАЖДАН

МОСКАЛЕВИЧ Г.Н.,

доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин Белорусского государственного экономического университета, кандидат юридических наук

В статье раскрывается содержание дееспособности граждан. Анализируются правовые нормы, определяющие юридическую природу дееспособности. Выделяются специфические особенности дееспособности, отличающие ее от правоспособности. Делается вывод, что выявление юридических особенностей дееспособности граждан и их анализ позволяют лучше осознать сущность данной категории. Это необходимо для совершенствования гражданского законодательства Республики Беларусь.

The content of civil active capacity is considered in the article. The legal norms which determine legal nature of active capacity are analysed. The specific peculiarities of active capacity differing it from passive capacity are discovered. The conclusion is made that discovering of legal peculiarities of civil active capacity and their analysis allow understanding the essence of this category better. It is necessary because of perfection of civil legislation of the Republic of Belarus.

Введение

Правовая регламентация дееспособности граждан является одним из важнейших средств, направленных на упорядочение их правового статуса в общественных отношениях. В связи с этим изучение проблем, связанных с дееспособностью, в том числе с раскрытием понятия, правовой сущности и содержания дееспособности граждан, имеет большое социальное значение.

Актуальность темы статьи обусловлена тем значением, которое имеет категория «дееспособность» в гражданском обороте физических лиц. Именно она обеспечивает возможность активного и полноправного участия граждан в данном процессе, поскольку без обладания дееспособностью это исключено. Законодательное регулирование дееспособности осуществляется прежде всего посредством Гражданского кодекса Республики Беларусь (далее – ГК).

Основная часть

В советский период проблемы дееспособности активно разрабатывались не только в общетеоретическом, но и в отраслевых аспектах. В этом плане особый интерес представляют работы известных советских ученых-правоведов М.М.Агаркова, Н.Г.Александрова, С.С.Алексеева, С.Н.Братуся, А.В.Бенедиктова, Я.Р.Веберса, О.А.Красавчикова, Ю.К.Толстого и др.

В современной юридической литературе проблемам дееспособности не уделяется должного внимания. Вместе с тем некоторые российские авторы (А.В.Остапенко, О.Б.Орлова) исследовали вопросы дееспособности граждан на диссертационном уровне.

Специальных монографических исследований по проблемам дееспособности граждан практически нет. Как отмечает в своем диссертационном исследовании О.Б.Орлова, «последним по времени монографическим исследованием дееспособности стал труд русского ученого-цивилиста Н.Н.Дебольского (1903 год)» [1, с. 5]. Кстати, работа О.Б.Орловой явилась первым исследованием дееспособности в свете современного российского законодательства.

Некоторые диссертационные работы (И.Д.Шапанидзе, М.Э.Шодоновой, А.Е.Пилецкого и др.) посвящены исследованию оснований и последствий признания гражданина недееспособным или ограниченно дееспособным; дееспособности отдельных категорий физических лиц.

В Республике Беларусь диссертационные исследования и монографии, посвященные правовой природе дееспособности физических лиц (граждан), отсутствуют.

Предметом статьи являются нормы гражданского законодательства Республики Беларусь, регулирующие общественные отношения в сфере реализации гражданами (физическими лица-

ми) своей дееспособности, а также положения научной доктрины.

Цель статьи заключается в раскрытии содержания правовых норм, определяющих юридическую природу дееспособности граждан, исследовании дееспособности в контексте механизма осуществления субъективных прав граждан в целях выявления возможностей совершенствования гражданского законодательства Республики Беларусь.

Белорусское законодательство содержит специальные правила, касающиеся дееспособности физических лиц, под которой в соответствии с п. 1 ст. 20 ГК понимается способность гражданина своими действиями приобретать и осуществлять гражданские права, создавать для себя гражданские обязанности и исполнять их. Такая способность в нашем законодательстве предусмотрена впервые.

Современное понимание дееспособности по сравнению с трактовкой этого понятия, данного в законодательстве советского периода, где дееспособность гражданина ограничивается действиями «приобрести и осуществлять» свои права, дополняется словами «и исполнять их», что подчеркивает еще один важный признак дееспособности – ее динамику.

Предложение дополнить определение дееспособности словами «и исполнять их» (имеются в виду гражданские обязанности) было обосновано и доказано советскими учеными-цивиристами в их трудах. Они справедливо полагали, что, признавая за гражданином способность приобретать права и создавать для себя обязанности, нельзя не признать за ним также способность своими действиями осуществлять права и исполнять обязанности [2, с. 11]. Законодатель принял во внимание это предложение.

Современное определение позволяет выделить отдельные составляющие дееспособности как категории гражданского права: 1) способность своими действиями приобретать гражданские права; 2) способность самостоятельно осуществлять гражданские права; 3) способность создавать соответствующие гражданские обязанности; 4) способность самостоятельно исполнять созданные обязанности; 5) способность нести имущественную и иную ответственность за свои действия, в том числе за гражданские правонарушения.

Я.Р.Веберс включает сюда еще и возможность защиты данного субъективного права от нарушений способами, предусмотренными законодательством [3, с. 129]. На наш взгляд, такое дополнение является излишним, поскольку оно не может индивидуализировать содержание дееспособности, так как характерно для любого субъективного права.

Таким образом, дееспособность представляет собой юридическую возможность для граждани-

на своими действиями создавать или изменять права и обязанности. Этим она и отличается от правоспособности, которая присуща человеку с рождения и является неотъемлемой частью его статуса. Дееспособность нельзя рассматривать как естественное свойство человека, она предоставлена гражданам законом и является юридической категорией (как и правоспособность). В связи с этим в отношении дееспособности закон устанавливает ее неотчуждаемость и невозможность ограничения по воле гражданина.

Дееспособность, обладая некоторыми общими чертами с правоспособностью, отличается от нее двумя существенными особенностями: 1) дееспособность предполагает понимание гражданином значения своих действий, умение управлять данными действиями и предвидеть их последствия (для правоспособности это не обязательно); 2) дееспособность гражданина состоит в личном осуществлении своей правоспособности.

Исходя из этого, очевидно, что правоспособность – это возможность, предоставленная человеку законодательством, а дееспособность – это действительность, недостаток которой восполняется законным представительством (в то время как правоспособность его не допускает). Можно сказать, что дееспособность служит правовым инструментом претворения права гражданина в жизнь.

Правоспособность и дееспособность являются различными правовыми категориями. Если одна из них очерчивает круг того, что может иметь, то другая прежде всего то, что может создавать для себя своими действиями субъект права. К ним относятся действия, непосредственно указанные в законодательстве (ст. 7 ГК), а также не предусмотренные правовыми актами.

Дееспособность с точки зрения ее правовой природы – это свойство (качество) человека, непосредственно связанное с его умственными способностями и психическим состоянием (в отличие от правоспособности, которая не зависит от умственного состояния индивида).

Обладание дееспособностью предполагает наличие у гражданина способности действовать разумно и сознательно, правильно оценивать и осознавать характер, значение и последствия своих совершаемых поступков, в том числе действий, имеющих правовое значение. Именно поэтому и связывается возникновение дееспособности с достижением определенного возраста – в отличие от правоспособности, которая по общему правилу связана с рождением гражданина (п. 2 ст. 16 ГК).

Наиболее существенными элементами содержания дееспособности граждан большинством авторов (работы С.Н.Братуся, Я.Р.Веберса, А.Г.Потюкова) признаются сделкоспособность

(возможность самостоятельного заключения сделок) и деликтоспособность граждан (возможность нести самостоятельную имущественную ответственность за неправомерные действия). В качестве элемента деликтоспособности ГК установил возможность гражданина без образования юридического лица заниматься предпринимательской деятельностью, для чего гражданин должен пройти государственную регистрацию как индивидуальный предприниматель (ст. 22 ГК).

Сделкоспособность – это не перечень сделок и иных действий гражданско-правового характера, которые вправе совершать гражданин (физическое лицо, в том числе обладающее статусом индивидуального предпринимателя), а его способность к совершению таких действий. Это способность гражданина к формированию, изъятию в воле и реализации собственной воли, включая и выбор конкретных способов реализации.

Некоторые ученые (С.Н.Братусь и др.) трактуют деликтоспособность как способность к совершению правонарушений. Однако, по нашему мнению, это не совсем верно, поскольку правонарушения могут совершаться также лицами, не способными нести самостоятельную ответственность за свои действия. Рассмотрение деликтоспособности как способности к совершению правонарушений дает основания полагать, что при совершении правонарушения воля лица направлена на возникновение ответственности.

На наш взгляд, деликтоспособность – это предусмотренная нормами права способность нести ответственность за совершенное правонарушение, которая в полной мере наступает одновременно с наступлением дееспособности в полном объеме.

Все граждане имеют равную дееспособность, если иное не установлено законодательством (п. 3 ст. 20 ГК). Однако по законодательству не все граждане дееспособны в одинаковой мере.

Согласно законодательству (ст. 27 ГК), которое в отношении дееспособности гражданина предусматривает возрастное деление, несовершеннолетние в возрасте до 14 лет (малолетние) наделяются дееспособностью в ограниченном объеме. Это связано с тем, что малолетний гражданин по своему психическому развитию не может отвечать тому уровню требований, которому соответствует взрослый человек.

В соответствии с п. 2 ст. 27 ГК несовершеннолетние в возрасте до 14 лет вправе самостоятельно совершать:

- 1) мелкие бытовые сделки;
- 2) сделки, направленные на безвозмездное получение выгод, не требующие нотариального удостоверения или оформления либо государственной регистрации;
- 3) сделки по распоряжению средствами, предоставленными законным представителем или с

согласия последнего третьим лицом для определенной цели или свободного распоряжения.

Согласно п. 3 ст. 27 ГК имущественную ответственность по сделкам несовершеннолетнего в возрасте до 14 лет, в том числе по сделкам, совершенным им самостоятельно, несут его родители, усыновители или опекуны.

Начиная с 14 лет, объем дееспособности граждан увеличивается, но все же остается в определенной степени ограниченным. Несовершеннолетние в возрасте от 14 до 18 лет (п. 2 ст. 25 ГК) вправе самостоятельно, без согласия своих законных представителей:

- 1) распоряжаться своими заработком, стипендией и иными собственными доходами;
- 2) осуществлять права автора произведения науки, литературы или искусства, изобретения или иного охраняемого законодательством результата своей интеллектуальной деятельности;
- 3) вносить денежные средства в банки или небанковские кредитно-финансовые организации и распоряжаться ими в соответствии с законодательством;
- 4) совершать мелкие бытовые сделки и иные сделки, предусмотренные п. 2 ст. 27 ГК («Дееспособность несовершеннолетних в возрасте до четырнадцати лет (малолетних)»).

По достижении 16 лет несовершеннолетние также вправе быть членами кооперативов в соответствии с актами законодательства о кооперативах.

Согласно п. 3 ст. 25 ГК имущественную ответственность по сделкам, совершенным в соответствии с законодательством несовершеннолетними в возрасте от 14 до 18 лет, несет несовершеннолетний, а субсидиарную ответственность – лицо, давшее письменное согласие на совершение соответствующей сделки.

Ограничение объема дееспособности гражданина (ст. 30 ГК) или признание его судом недееспособным (ст. 29 ГК) устанавливается законодателем исходя из медицинских критериев, в частности психического состояния человека. При этом учитываются отклонения, вызванные: а) врожденной недостаточностью умственного развития (слабоумием); б) психическим заболеванием (шизофренией и др.); в) болезненным состоянием как результатом употребления алкоголя или наркотиков.

Гражданин, который вследствие злоупотребления спиртными напитками, наркотическими средствами либо психотропными веществами ставит свою семью в тяжелое материальное положение, может быть ограничен в дееспособности судом в порядке, установленном гражданским процессуальным законодательством. Над ним устанавливается попечительство. Такой гражданин вправе самостоятельно совершать мелкие бытовые сделки (п. 1 ст. 30 ГК).

Гражданин, который вследствие психического расстройства (душевной болезни или слабоумия) не может понимать значения своих действий или руководить ими, может быть признан судом недееспособным в порядке, установленном гражданским процессуальным законодательством. Над ним устанавливается опека (ст. 29 ГК).

Гражданская дееспособность возникает в полном объеме с наступлением совершеннолетия, то есть по достижении 18-летнего возраста (п. 1 ст. 20 ГК), поскольку только лицо, достигшее такого возраста, обладает сложившейся психикой и может правильно оценивать свои действия и руководить ими. Следовательно, не всякое правоспособное лицо является дееспособным, а только достигшее указанного возраста.

В ГК Республики Беларусь установлен ряд исключений из этого правила. До достижения 18 лет дееспособность в полном объеме наступает в следующих случаях:

- вступления несовершеннолетнего гражданина в брак (со времени вступления в брак) (п. 2 ст. 20 ГК); приобретенная в результате заключения брака дееспособность сохраняется в полном объеме и в случае расторжения брака. При признании брака недействительным суд может принять решение об утрате несовершеннолетним супругом полной дееспособности с момента, определяемого судом;
- эмансипации (с момента принятия решения об эмансипации по решению органов опеки и попечительства с согласия обоих родителей, усыновителей или попечителя, а при отсутствии такого согласия – по решению суда) (п. 1 ст. 26 ГК).

Необходимость эмансипации возникла в связи с широким развитием предпринимательской деятельности, в том числе и среди лиц, не достигших 18 лет, исходя из интересов несовершеннолетних.

Как правило, именно с момента наступления полной дееспособности гражданские правоотношения в экономическом обороте могут носить достаточно устойчивый характер, складываться из осознанных волевых действий сторон.

Дееспособность юридически обеспечивает активное участие личности в экономическом обороте, хозяйственной жизни, реализации своих имущественных прав, в первую очередь права собственности, а также личных неимущественных прав. Вместе с тем к дееспособному субъекту, нарушившему обязательство или причинившему имущественный вред при отсутствии договорных отношений, будут применены соответствующие меры ответственности, на которые рассчитывают все другие участники экономического оборота. Возможность нести имущественную ответственность за допущенные гражданином правонарушения является существенным элементом его дееспособности.

Достигнув совершеннолетия, гражданин осуществляет права не только в экономической сфере, но и во всех других областях жизни; имеет способность лично (или через представителя) совершать различные юридические действия и несет ответственность за их результаты. К таким действиям можно отнести совершение сделок, заключение договоров, выдачу доверенности и т.п. Дееспособный гражданин также способен отвечать за причиненный имущественный вред, повреждение или уничтожение чужого имущества, повреждение здоровья, неисполнение договорных и иных обязательств.

Дееспособность – это предоставленная гражданину возможность лично осуществлять правоспособность, реализовывать ее собственными действиями; непосредственно участвовать в гражданском обороте, самостоятельно выражать свою волю и нести ответственность за совершаемые действия, прежде всего за те юридические действия, которые направлены к установлению, изменению, прекращению или осуществлению гражданских прав. Посредством дееспособности обеспечивается как участие в гражданском обороте, хозяйственной деятельности, так и защита прав и интересов участников гражданского оборота любыми предусмотренными законом способами.

В отличие от правоспособности, которая характеризуется своего рода пассивностью (иметь права и нести обязанности), дееспособность выражает активную сторону участника гражданских правоотношений (приобретать и осуществлять права, создавать и исполнять обязанности). В этом плане данные категории тесно связаны: невозможно обладать дееспособностью, не имея правоспособности, так же как невозможно быть правоспособным, не будучи субъектом гражданских правоотношений.

Если в объем правоспособности гражданина не входит способность иметь право собственности на недвижимость в данном регионе, то, несмотря ни на какие предпринимаемые им действия, он не сможет стать собственником данной недвижимости. С другой стороны, лица, объявленные в установленном порядке недееспособными, сохраняют правоспособность в полном объеме, поскольку наличие или отсутствие дееспособности не может влиять на объем правоспособности.

Таким образом, значение рассматриваемой гражданско-правовой категории состоит в том, что она юридически обеспечивает активное участие физических лиц в гражданском и коммерческом обороте в сфере имущественных и личных неимущественных отношений, является важным юридическим средством выражения свободы личности. Дееспособность субъекта можно считать гарантией того, что к нему как к участнику гражданского оборота в случае нарушения обязательства либо причинения имуще-

ственного вреда при отсутствии договорных отношений будут применены меры юридической ответственности.

В науке широко распространено мнение (В.П.Грибанов, Е.А.Суханов, Н.Ф.Звенигородская, С.С.Тропская и др.), что по юридической природе дееспособность гражданина, так же как и правоспособность, следует рассматривать как его субъективное право. Оно вполне конкретно и принадлежит конкретному лицу – участнику определенного правоотношения, при этом обеспечено юридическими обязанностями других лиц. Это право отличается от иных субъективных прав своим содержанием, проявляющимся в возможности определенного поведения для гражданина, обладающего дееспособностью, и в то же время в обязанности всех окружающих его лиц не допускать нарушений его прав.

«Дееспособность входит в категорию понятий, ядро которых составляет, опять-таки, способность гражданина. Существование такой способности уже не носит абстрактного характера, оно привязано к возможности действовать» [4].

В науке встречается и другая точка зрения. Так, по мнению А.В.Остапенко [5] и некоторых других авторов, дееспособность нельзя рассматривать как субъективное право. Данные авторы определяют правовую природу дееспособности как особое свойство (качество), присущее субъектам гражданского права. Они трактуют дееспособность как активное свойство гражданина, предполагающее наличие у него естественной способности к совершению актов, руководимых сознанием.

А.В.Остапенко выделяет юридический критерий дееспособности, который представляет собой совокупность двух составляющих: интеллектуальной и волевой [5, с. 18]. Автор полагает, что волевой критерий наряду с возрастным должен являться основным при характеристике дееспособности физических лиц, в отличие от медицинского критерия, который характеризует не дееспособность как таковую, а состояния, служащие предпосылкой для ее умаления [5, с. 8].

Интеллектуальный момент – способность понимать значение своих действий и руководить ими – учитывается при признании гражданина недееспособным (ст. 29 ГК).

Однако не всегда волеизъявление происходит в соответствии с волей. Оно может быть вынужденным и противоречить истинной воле лица. В судебной практике нередко встречаются случаи, когда дееспособный гражданин подписывает невыгодный для него контракт, даже являющийся причиной разорения его бизнеса, потери имущества и т.д. В связи с этим воля имеет

приоритет перед волеизъявлением. Именно вследствие признания такого приоритета являются недействительными сделки, совершенные под влиянием заблуждения, обмана, злоупотребления доверием, насилия или угрозы насилием и так далее, а также, как полагает А.В.Остапенко, при приобретении имущества добросовестным приобретателем от неуправомоченного отчуждателя [5, с. 13].

Активное свойство дееспособности предполагает способность к совершению волевых актов, имеющих юридическое значение, и к деятельному осуществлению прав и обязанностей, в том числе выполнению предпринимательской и иной деятельности, реализации своих имущественных прав, включая право собственности, а также личных неимущественных прав.

Нельзя игнорировать и тот факт, что исходя из юридической природы дееспособности гражданина она фактически является субъектным правом человека. На наш взгляд, не следует противопоставлять рассматриваемые точки зрения. Обе позиции достаточно убедительны и имеют право на существование. Целесообразнее было бы не противопоставлять их, а объединить данные трактовки дееспособности – рассмотрение дееспособности как субъективного права и как качества, присущего субъектам гражданского права.

Правоспособное лицо, которое не владеет дееспособностью, также может получать гражданские права и обязанности, но не своими действиями, а с помощью действий законных представителей – родителей, приемных родителей, опекунов.

Заключение

Вышеизложенное позволяет сделать следующие выводы.

Дееспособность предоставлена гражданам законом и, как и правоспособность, является юридической категорией.

Существенными особенностями дееспособности, отличающими ее от правоспособности, являются:

- способность гражданина понимать значение своих действий;
- умение предвидеть последствия своих действий, управлять ими;
- способность гражданина лично осуществлять свою правоспособность, юридически обеспечивая свое активное участие в гражданских правоотношениях;
- правоспособное лицо может быть и недееспособным, а дееспособное лицо всегда правоспособно.

При характеристике дееспособности физических лиц наряду с возрастным критерием необходимо учитывать и волевой критерий.

При трактовке дееспособности с точки зрения ее правовой природы считаем целесообразным

рассматривать данную категорию не только как субъективное право гражданина, но и как качество, присущее субъекту гражданского права, которое непосредственно связано с его умственными способностями и психическим состоянием.

ЛИТЕРАТУРА

1. Орлова, О.Б. Дееспособность физических лиц в российском гражданском праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03 / О.Б. Орлова; Рос. гос. торг.-эконом. ун-т. – М., 2009. – 26 с.
2. Грибанов, В.П. Основные проблемы осуществления и защиты гражданских прав: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук / В.П. Грибанов. – М.: Изд-во МГУ, 1970. – 47 с.
3. Веберс, Я.Р. Правосубъектность граждан в советском гражданском и семейном праве / Я.Р. Веберс. – Рига: Зинатне, 1976. – 232 с.
4. Нечаева, А.М. О правоспособности и дееспособности физических лиц / А.М. Нечаева // Гос-во и право. – 2001. – № 2. – С. 29–34.
5. Остапенко, А.В. Дееспособность граждан как гражданско-правовая категория: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03 / А.В. Остапенко; Волгоград. гос. ун-т. – Волгоград, 2011. – 23 с.

Дата поступления статьи в редакцию 27.04.2012

ОПЕКА И ПОПЕЧИТЕЛЬСТВО НАД НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИМИ, ОСТАВШИМИСЯ БЕЗ ПОПЕЧЕНИЯ РОДИТЕЛЕЙ: ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ, РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ, РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН

АНДРИЯШКО М.В.,

аспирант Белорусского государственного экономического университета

В статье отражены краткий анализ и характерные особенности положений кодифицированных источников семейного законодательства Республики Беларусь, Российской Федерации, Республики Казахстан по вопросам опеки и попечительства в отношении несовершеннолетних, оставшихся без попечения родителей.

In the article are presented a brief analysis and main features of the norms of codified sources of family legislation of the Republic of Belarus, the Russian Federation, the Republic of Kazakhstan on issues of custody and guardianship for minors deprived of parental care.

Введение

Современные интеграционные процессы, общность советского исторического прошлого, более широкие возможности для свободного конкурирования на рынке труда, заинтересованность в развитии перспективных и прибыльных отраслей экономики, а также другие причины порождают интерес к особенностям правового регулирования тех или иных групп общественных отношений в соответствии с внутренним национальным законодательством союзных государств – Республики Беларусь, Российской Федерации и Республики Казахстан.

Масштабные изменения, происходящие в экономической сфере, предпринимаемые меры, имеющие целью улучшение показателей работы экономики, а также результаты таких действий определенным образом проецируются на социальной сфере, выявляют как новые, так и напоминают о существующих проблемах в социальных отношениях. Индикатором качества таких изменений выступает семья как социальный институт.

Благосостояние семьи, благополучные материнство, отцовство и детство, благоприятная демографическая ситуация, отсутствие либо минимизация сиротства составляют социальный

императив любого государства, провозгласившего себя социальным. Реализация социального императива осуществляется посредством проводимой социальной политики через выработку и выполнение целевых социальных программ, в том числе развивающих возможности устройства детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, на воспитание.

Наибольший интерес в целях исследования представляет сравнение порядка организации и особенностей устройства детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, под опеку и попечительство в Республике Беларусь, Российской Федерации и Республике Казахстан.

Основная часть

В Республике Беларусь опека и попечительство являются самой распространенной возможностью устройства детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, на воспитание.

По данным Главного информационно-аналитического центра Министерства образования Республики Беларусь, по состоянию на 1 января 2011 г. в Республике Беларусь на воспитании в семьях граждан находилось 25 052 ребенка-сироты и ребенка, оставшегося без попечения ро-

дителей. Из них 10 174 ребенка – на воспитании в семьях опекунов или попечителей.

Причин, которые обусловили востребованность опеки и попечительства, много. Во-первых, римским частным правом предусматривалось установление опеки или попечительства в отношении лиц и имущества в случае смерти отца семейства, что свидетельствует о богатой истории развития и становления опеки и попечительства.

Во-вторых, опека и попечительство исполняются безвозмездно в связи с тем, что опекунами и попечителями, как правило, выступают лица, состоящие в родстве с несовершеннолетним.

В-третьих, процедура устройства несовершеннолетних под опеку и попечительство относительно не сложная и не продолжительная – достаточным является решение местного исполнительного и распорядительного органа об установлении опеки или попечительства в отношении несовершеннолетнего, оставшегося без попечения родителей, и опекун или попечитель будет назначен не позднее месячного срока с момента, когда органам опеки и попечительства стало известно о необходимости установления опеки или попечительства.

В-четвертых, относительно несложные требования, предъявляемые к кандидатам в опекуны и попечители: не требуется специального образования, как, например, для родителей-воспитателей в детских домах семейного типа.

Востребованности опеки и попечительства над несовершеннолетними способствуют также иные причины, раскрытию и систематизации которых может быть посвящено отдельное исследование.

Результаты обсуждения проблем детского сиротства в новейшей истории широко отражены в программных документах Республики Беларусь и организаций, в состав которых входит Республика Беларусь.

В рекомендациях Межпарламентской Ассамблеи государств – участников СНГ «О защите детства в государствах – участниках Содружества Независимых Государств», утвержденном постановлением Межпарламентской Ассамблеи государств – участников СНГ от 8 декабря 1998 г. № 12-4 в г. Санкт-Петербурге «О защите детства в государствах Содружества» (далее – постановление № 12-4) [5], обращено внимание на высокую численность в государствах Содружества детей, входящих в группу социального риска, а также на негативные последствия таких явлений.

Модельным законом «О дополнительных гарантиях социальной защиты детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей» (1998 год) «определены общие принципы, содержание и меры государственной поддержки детей-сирот и детей, оставшихся без попечения

родителей, а также лиц из их числа до 23 лет в государстве – участнике Содружества Независимых Государств» [5]. Законом определены ключевые понятия возможностей устройства детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, на воспитание. Установлено, что под опекой и попечительством понимается «форма устройства детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, в целях их содержания, воспитания и образования, а также для защиты их прав и интересов; опека устанавливается над детьми, не достигшими возраста 14 лет; попечительство устанавливается над детьми в возрасте от 14 до 18 лет» [5].

Государствами – участниками СНГ в 1998 году признана необходимость корректировки законодательного обеспечения государственной политики в сфере защиты детства в странах СНГ и определена долгосрочная перспектива совершенствования законодательства в этой сфере, что послужило основаниями к разработке и последующему принятию национального законодательства в области защиты детства каждым из государств – участников СНГ в соответствии с конституциями государств-участников и нормами международного права.

Больших успехов в сфере развития законодательства о защите детства достигли Республика Беларусь, Российская Федерация и Республика Казахстан, в частности в сфере регулирования отношений по опеке и попечительству в отношении несовершеннолетних.

По ключевым аспектам опека и попечительство в Республике Беларусь, Российской Федерации и Республике Казахстан могут быть охарактеризованы следующим образом.

1. Органы опеки и попечительства.

Республика Беларусь. В соответствии со ст. 143 Кодекса Республики Беларусь о браке и семье (далее – КоБС) [2] органами опеки и попечительства являются местные исполнительные и распорядительные органы. Осуществляют функции по опеке и попечительству в отношении несовершеннолетних управления (отделы) исполнительного комитета, в исключительных случаях – комиссии по делам несовершеннолетних. Согласно ст. 146 КоБС устанавливают опеку и попечительство органы опеки и попечительства.

Российская Федерация. В соответствии со ст. 6 Федерального закона Российской Федерации «Об опеке и попечительстве» (далее – Закон об опеке) [4], ст. 34 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) [1] органами опеки и попечительства являются органы исполнительной власти субъекта Российской Федерации.

Республика Казахстан. В соответствии со ст. 120 Кодекса Республики Казахстан о браке (супружестве) и семье (далее – КБС) [3] госу-

дарство осуществляет функции по опеке или попечительству в отношении несовершеннолетних через местные исполнительные органы.

2. Срок, в течение которого устанавливаются опека и попечительство.

Республика Беларусь. Согласно ст. 151 КоБС [2] опекун или попечитель должен быть назначен не позднее месячного срока с момента, когда органам опеки и попечительства стало известно о необходимости установления опеки или попечительства.

Российская Федерация. В соответствии со ст. 11 Закона об опеке [4] опекун или попечитель назначается органом опеки и попечительства в течение месяца с момента, когда стало известно о необходимости установления опеки или попечительства.

Республика Казахстан. Согласно ст. 121 КБС [3] опека или попечительство устанавливается в течение месяца с момента, когда органу опеки и попечительства стало известно о необходимости установления над лицом опеки или попечительства.

3. Место установления опеки и попечительства.

Республика Беларусь. В соответствии со ст. 147 КоБС [2] опека и попечительство устанавливаются по месту жительства лица, подлежащего опеке или попечительству, или по месту жительства опекуна, попечителя, если это отвечает интересам подопечного.

Российская Федерация. Согласно ст. 11 Закона об опеке [4] опекун или попечитель назначается органом опеки и попечительства по месту жительства лица, нуждающегося в установлении опеки или попечительства. При наличии заслуживающих внимания обстоятельств опекун или попечитель может быть назначен по месту жительства опекуна или попечителя.

Республика Казахстан. Согласно ст. 121 КБС [3] опека или попечительство устанавливается по месту жительства лица, нуждающегося в опеке или попечительстве. В отдельных случаях опека или попечительство могут быть установлены по месту жительства опекуна или попечителя.

4. Лица, над которыми устанавливаются опека и попечительство.

Республика Беларусь. Статья 144 КоБС [2] предусматривает, что опека устанавливается над малолетними, а также над лицами, признанными судом недееспособными вследствие душевной болезни или слабоумия. Согласно ст. 145 КоБС попечительство устанавливается над несовершеннолетними в возрасте от 14 до 18 лет, а также над гражданами, ограниченными судом в дееспособности.

Российская Федерация. В соответствии со ст. 145 Семейного кодекса Российской Федера-

ции (далее – СК)[6] опека или попечительство устанавливается над детьми, оставшимися без попечения родителей. Опека устанавливается над детьми, не достигшими 14 лет. Попечительство – над детьми в возрасте от 14 до 18 лет.

Республика Казахстан. В соответствии со ст. 119 КБС [3] опека или попечительство устанавливается над детьми-сиротами, детьми, оставшимися без попечения родителей.

5. Требования, предъявляемые к личности опекуна или попечителя.

Республика Беларусь. В соответствии со ст. 153 КоБС [2] опекунами и попечителями могут быть дееспособные лица обоего пола, за исключением: лиц, больных хроническим алкоголизмом, наркоманией, токсикоманией; лиц, которые по состоянию здоровья не могут осуществлять права и выполнять обязанности опекуна, попечителя; лиц, лишенных судом родительских прав; бывших усыновителей, если усыновление было отменено вследствие ненадлежащего выполнения усыновителем обязанностей; лиц, отстраненных от обязанностей опекуна или попечителя за ненадлежащее выполнение возложенных на них обязанностей; лиц, имеющих судимость за умышленные преступления, а также лиц, осуждавшихся за умышленные тяжкие и особо тяжкие преступления против человека; лиц, дети которых были признаны нуждающимися в государственной защите.

Российская Федерация. В соответствии со ст. 35 ГК РФ [1] и ст. 146 СК [6] опекунами и попечителями могут назначаться только совершеннолетние дееспособные граждане. Согласно ст. 35 ГК РФ не могут быть назначены опекунами и попечителями: лица, лишенные родительских прав; лица, имеющие или имевшие судимость, подвергающиеся или подвергавшиеся уголовному преследованию за преступления против жизни и здоровья, свободы, чести и достоинства личности, половой неприкосновенности и половой свободы личности, против семьи и несовершеннолетних, здоровья населения и общественной нравственности, а также против общественной безопасности; лица, имеющие неснятую или непогашенную судимость за тяжкие или особо тяжкие преступления. Согласно ст. 146 СК не назначаются опекунами и попечителями лица: больные хроническим алкоголизмом или наркоманией; отстраненные от выполнения обязанностей опекунов и попечителей; ограниченные в родительских правах; бывшие усыновители, если усыновление отменено по их вине; лица, которые по состоянию здоровья не могут осуществлять обязанности по воспитанию ребенка.

Республика Казахстан. В соответствии со ст. 122 КБС [3] опекунами или попечителями могут быть только совершеннолетние лица, за

исключением лиц: признанных судом недееспособными или ограниченно дееспособными; лишенных родительских прав или ограниченных в родительских правах; отстраненных от обязанностей опекуна или попечителя за ненадлежащее исполнение возложенных на него обязанностей; бывших усыновителей, если усыновление отменено судом по их вине; лиц, которые по состоянию здоровья не могут осуществлять обязанности опекуна или попечителя.

6. Выбор опекуна и попечителя.

Республика Беларусь. В соответствии со ст. 152 КоБС [2] при выборе опекуна или попечителя должны быть приняты во внимание его личные качества, способность к выполнению обязанностей опекуна или попечителя, отношения, существующие между ним, членами его семьи и лицом, нуждающимся в опеке или попечительстве, а также желание лица, нуждающегося в опеке или попечительстве, достигшего 10 лет. Кроме того, согласно ст. 118 КоБС при устройстве детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, должны учитываться родственные связи, этническое происхождение, принадлежность к определенной религии и культуре, родной язык, возможность обеспечения преемственности в воспитании и образовании. В соответствии со ст. 153 КоБС при наличии нескольких лиц, желающих стать опекунами, попечителями одного и того же подопечного, преимущественное право предоставляется родственникам подопечного при условии обязательного соблюдения всех предъявляемых требований и интересов подопечного.

Российская Федерация. В соответствии с частью пятой ст. 10 Закона об опеке [4] бабушки и дедушки, совершеннолетние братья и сестры несовершеннолетнего имеют преимущественное право быть его опекунами или попечителями. Назначение лица опекуном или попечителем производится с его согласия или по его письменному заявлению. При назначении ребенку опекуна, попечителя учитываются нравственные качества кандидата в опекуны, попечители, способность к выполнению обязанностей опекуна, попечителя, отношения между опекуном, попечителем и ребенком, отношение к ребенку членов семьи опекуна, попечителя, а также, если это возможно, желание самого ребенка [1; 6]. Согласно ст. 145 СК назначение опекуна ребенку, достигшему возраста десяти лет, осуществляется с его согласия [6].

Республика Казахстан. Согласно ст. 122 КБС [3] опекун или попечитель может быть назначен только с его согласия. Если лицо, назначаемое опекуном или попечителем над несовершеннолетним, состоит в браке, требуется обязательное согласие его супруга. Если это не противоречит интересам подопечного, преимущественное пра-

во на назначение опекуном или попечителем имеют супруг, родители, родственники или другие близкие лица. При назначении ребенку опекуна или попечителя учитываются нравственные и иные личные качества опекуна или попечителя, способность к выполнению обязанностей опекуна или попечителя, отношения между опекуном или попечителем и ребенком, отношение к ребенку членов семьи опекуна или попечителя, а также, если это возможно, желание самого ребенка.

7. Количество опекунов, попечителей. Количество подопечных.

Республика Беларусь. В соответствии со ст. 151 КоБС [2] один опекун, попечитель может быть назначен нескольким подопечным, если их интересы не находятся в противоречии. Лица, не состоящие между собой в браке, не могут быть назначены опекунами, попечителями одного подопечного.

Российская Федерация. В соответствии со ст. 10 Закона об опеке [4] лицо может быть опекуном или попечителем только одного гражданина. Передача несовершеннолетних братьев и сестер под опеку или попечительство разным лицам не допускается, за исключением случаев, когда это отвечает интересам детей.

Часть седьмая ст. 10 Закона об опеке допускает назначение нескольких опекунов или попечителей. В этом случае представительство и защита прав и законных интересов подопечного осуществляются одновременно всеми опекунами или попечителями. В случае если ведение дел подопечного поручается опекунами или попечителями одному из них, это лицо должно иметь доверенности от остальных опекунов или попечителей.

Согласно части десятой ст. 10 Закона об опеке [4] орган опеки и попечительства может назначить одно и то же лицо опекуном или попечителем нескольких подопечных. В акте о назначении лица опекуном или попечителем второго и следующих подопечных орган опеки и попечительства указывает причины, по которым опекуном или попечителем не может быть назначено другое лицо.

Республика Казахстан. В соответствии со ст. 119 КБС [3] опека или попечительство родных братьев и сестер, воспитывавшихся в одной семье, разными лицами не допускается. Согласно ст. 122 КБС допускается назначение одного опекуна или попечителя для нескольких лиц, если нет противоречий между интересами подопечных.

8. Установление опеки и попечительства и назначение опекуна и попечителя.

Республика Беларусь. В соответствии со ст. 146 КоБС [2] опека и попечительство устанавливаются по решению органов опеки и попе-

чительства. Согласно ст. 151 КоБС на основании решения о назначении гражданина опекуном или попечителем ему выдается удостоверение на право представления интересов подопечного. При временном отсутствии родителей по уважительным причинам, если ребенок оставлен ими на попечение родственников, установление опеки или попечительства необязательно. При длительном (более 6 месяцев) отсутствии родителей опека или попечительство над их детьми устанавливается, если это необходимо в интересах детей.

Российская Федерация. В соответствии с частью шестой ст. 11 Закона об опеке [4] основанием возникновения отношений между опекуном или попечителем и подопечным является акт органа опеки и попечительства о назначении опекуна или попечителя, в котором может быть указан срок действия полномочий опекуна или попечителя, обозначаемый периодом или указанием на наступление определенного события. В соответствии с пунктами 6 и 7 ст. 145 СК [6] устройство ребенка под опеку или попечительство допускается также по договору об осуществлении опеки или попечительства, в том числе по договору о приемной семье либо по договору о патронатной семье. При устройстве ребенка под опеку или попечительство по договору об осуществлении опеки или попечительства требуется принятие акта органа опеки и попечительства о назначении опекуна или попечителя, исполняющего свои обязанности возмездно.

В соответствии с частью первой ст. 13 Закона об опеке [4] предусмотрено, что родители могут подать в орган опеки и попечительства совместное заявление о назначении их ребенку опекуна или попечителя на период, когда по уважительным причинам они не смогут исполнять свои родительские обязанности, с указанием конкретного лица в качестве опекуна или попечителя. В акте органа опеки и попечительства о назначении опекуна или попечителя должен быть указан срок действия полномочий опекуна или попечителя.

В соответствии с частью второй ст. 13 Закона об опеке [4] единственный родитель несовершеннолетнего ребенка вправе определить на случай своей смерти опекуна или попечителя ребенку. Родитель может сделать такое распоряжение в собственноручно подписанном заявлении с указанием даты составления этого заявления, поданном в орган опеки и попечительства по месту жительства ребенка. Родитель вправе отменить или изменить поданное заявление об определении на случай своей смерти ребенку опекуна или попечителя путем подачи нового заявления в орган опеки и попечительства по месту жительства ребенка.

Согласно части третьей ст. 13 Закона об опеке [4] попечитель в отношении несовершеннолетне-

го гражданина, достигшего возраста 14 лет, может быть назначен органом опеки и попечительства по заявлению такого несовершеннолетнего с указанием конкретного лица.

Республика Казахстан. Согласно ст. 122 КБС [3] при назначении опеки или попечительства над несовершеннолетними, родители которых дееспособны и не лишены родительских прав, но не могут осуществлять их воспитание, опекуны или попечители назначаются с учетом желания родителей.

9. Плата за исполнение обязанностей по опеке и попечительству.

Республика Беларусь. Согласно ст. 156 КоБС [2] обязанности по опеке и попечительству выполняются безвозмездно, при этом опекун или попечитель имеет право на возмещение расходов, которые он понес из собственных средств на ремонт, содержание имущества подопечного, другие необходимые нужды. В соответствии со ст. 163 КоБС опекуны, попечители не обязаны содержать лиц, находящихся под их опекой, попечительством, за счет собственных средств. Несовершеннолетние, находящиеся под опекой или попечительством, обеспечиваются ежемесячными государственными пособиями. В соответствии со ст. 164 КоБС суммы, следуемые подопечным в качестве пенсий, пособий, алиментов и других текущих поступлений, поступают в распоряжение опекуна или попечителя и расходуются ими на содержание подопечных. Если этих сумм недостаточно для покрытия всех необходимых расходов, то они могут быть возмещены из другого имущества, принадлежащего подопечному.

Российская Федерация. В соответствии со ст. 16 Закона об опеке [4] по общему правилу обязанности по опеке и попечительству исполняются безвозмездно. Однако орган опеки и попечительства, исходя из интересов подопечного, вправе заключить с опекуном или попечителем договор об осуществлении опеки или попечительства на возмездных условиях. Вознаграждение опекуну или попечителю может выплачиваться за счет доходов от имущества подопечного, средств третьих лиц, а также средств бюджета субъекта Российской Федерации. По просьбе опекуна или попечителя, добросовестно исполняющих свои обязанности, орган опеки и попечительства вместо выплаты причитающегося вознаграждения вправе разрешить опекуну или попечителю безвозмездно пользоваться имуществом подопечного в своих интересах. В договоре об осуществлении опеки или попечительства должны быть указаны состав имущества подопечного, в отношении которого разрешено безвозмездное пользование, и срок пользования им. Орган опеки и попечительства вправе досрочно прекратить пользование имуществом подопечного при неисполне-

нии или ненадлежащем исполнении опекуном или попечителем своих обязанностей и при существенном нарушении имущественных прав и интересов подопечного.

Республика Казахстан. В соответствии со ст. 125 КБС [3] опекун или попечитель не обязан содержать подопечных за свои средства. Содержание подопечного осуществляется за счет получаемых подопечным заработной платы, алиментов и других социальных выплат, а также принадлежащего ему имущества. При отсутствии достаточных средств на содержание подопечного органы, осуществляющие функции по

опеке или попечительству, назначают пособие на его содержание.

Заключение

Анализ действующего отечественного законодательства, а также законодательства Российской Федерации и Республики Казахстан по вопросам опеки и попечительства над несовершеннолетними, оставшимися без попечения родителей, позволил выявить сходные черты и отличия в функционировании института опеки и попечительства над несовершеннолетними.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая): Кодекс Рос. Федерации, 30 нояб. 1994 г., № 51-ФЗ: принят Гос. Думой Рос. Федерации 21 окт. 1994 г.: в ред. Федер. закона Рос. Федерации от 6 дек. 2011 г. // КонсультантПлюс: Версия Проф. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр». – М., 2012.
2. Кодекс Республики Беларусь о браке и семье: Кодекс Респ. Беларусь, 9 июля 1999 г., № 278-З: принят Палатой представителей 3 июня 1999 г.: одобрен Советом Респ. 24 июня 1999 г.: текст Кодекса по состоянию на 30 дек. 2011 г. // Эталон-Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2012.
3. О браке (супружестве) и семье: Кодекс Респ. Казахстан, 26 дек. 2011 г., № 518-IV // Ведомости Парламента Респ. Казахстан. – 2011. – № 22 (2599). – Ст. 174.
4. Об опеке и попечительстве: Федер. закон Рос. Федерации, 24 апр. 2008 г., № 48-ФЗ: принят Гос. Думой Рос. Федерации 11 апр. 2008 г.: одобрен Советом Федерации 16 апр. 2008 г.: в ред. Федер. закона Рос. Федерации от 1 июля 2011 г. // КонсультантПлюс: Версия Проф. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр». – М., 2012.
5. О защите детства в государствах Содружества: постановление Межпарламент. Ассамбл. государств – участников Содружества СНГ, 8 дек. 1998 г., № 12-4 // Информ. бюл. Межпарламент. Ассамбл. СНГ. – Рег. 00854. – 1999. – № 20.
6. Семейный кодекс Российской Федерации: Кодекс Рос. Федерации, 29 дек. 1995 г., № 223-ФЗ: принят Гос. Думой Рос. Федерации 8 дек. 1995 г.: в ред. Федер. закона Рос. Федерации от 30 нояб. 2011 г. // КонсультантПлюс: Версия Проф. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр». – М., 2012.

Дата поступления статьи в редакцию 10.07.2012

КОМПЕТЕНЦИЯ ОРГАНОВ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ В ОБЕСПЕЧЕНИИ НАЦИОНАЛЬНОЙ ПРОДОВОЛЬСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

МАЛКИНА И.В.,

начальник юридического управления Министерства сельского хозяйства и продовольствия Республики Беларусь, кандидат юридических наук

Статья посвящена проблемным вопросам компетенции государственных органов в обеспечении национальной продовольственной безопасности. Представлены исторический обзор создания компетентного органа в Беларуси, опыт и полномочия государственных органов США и Российской Федерации. В заключении автором сформулированы концептуальные направления совершенствования деятельности государственных органов по обеспечению продовольственной безопасности.

The present article focuses on problematic issues of the competence of government bodies in ensuring national food security. It presents a historical overview of the establishment of the competent authority in Belarus, the experience and the powers of government bodies in the United States and the Russian Federation. In the conclusions of the article the author formulates conceptual directions of improving the functioning of government bodies in ensuring national food security.

Введение

Рассматривая различные аспекты правового регулирования того или иного вида деятельности, неминуемо возникает вопрос о компетенции органов государства. В ходе изучения проблем продовольственной безопасности, формирования комплексной системы государственного регулирования в данной сфере приходится сталкиваться с пробелами в определении пределов компетенции каждого из уполномоченных государственных органов. Разграничение функциональных обязанностей каждого из них не только позволит обеспечить эффективное взаимодействие этих структур, но и усилит ответственность государства за взятые на себя обязательства в сфере обеспечения национальной продовольственной безопасности.

Основная часть

Продовольственная безопасность государства, являющаяся неотъемлемой частью национальной безопасности, является приоритетным направлением деятельности любой страны. Римская декларация по всемирной продовольст-

венной безопасности, принятая в 1996 году, определила ее как состояние экономики, при котором населению страны в целом и каждому гражданину в отдельности гарантируется обеспечение доступа к продуктам питания, питьевой воде и другим пищевым продуктам в качестве, ассортименте и объемах, необходимых и достаточных для физического и социального развития личности, обеспечения здоровья и расширенного воспроизводства населения [1].

Принимая данное определение как одну из важнейших задач деятельности уполномоченных государственных органов, полагаем необходимым выделить три ключевых слова – качество, ассортимент и объем.

На ранней стадии развития представлений в обществе о необходимости обеспечения населения страны продовольствием на первое место обоснованно выдвигался вопрос о достаточности питания (об объемах). Рассматривая проблему продовольственной безопасности в политической плоскости, можно с уверенностью говорить о наличии устойчивой связи между ней и сохранением государства как такового. Достаточно только вспомнить исторические примеры «голодных бунтов», приведших к падению многих режимов.

Истоки формирования национальных подходов к государственному регулированию продовольственной безопасности можно отнести к периоду Первой мировой войны, когда история Беларуси была неразрывно связана с Россией.

К 1915 году вследствие оккупации плодородной части земель посевные площади, производство и запасы продовольствия снижались. Открытый рынок привел к значительному скачку цен на продукты питания. По сравнению с 1913 годом цены выросли к 1916 году в 3 раза, а к 1917 – уже в 16–17 раз [2].

Выход из ситуации Правительством Российской империи виделся во введении особой продовольственной политики – продразверстки. В 1915 году было учреждено «Особое совещание по продовольствию», председатель которого получил широкие полномочия, в том числе определение способов заготовки продовольствия, право на реквизицию и запрет вывоза продуктов из одной местности в другую, а также право устанавливать предельные цены на продукты. К 1916 году в Российской империи была создана целая сеть губернских, областных, городских и районных совещаний, в том числе и на территории Беларуси [3].

После революции 27 февраля 1917 г. организована Продовольственная комиссия Временного правительства. Ее основные усилия были сконцентрированы на упорядочении норм снабжения населения по карточной системе. В это же время учрежден «институт эмиссаров с большими полномочиями» для проведения продовольственной политики на местах и установления связей с центром. Несмотря на принимаемые усилия, четких полномочий и надлежащих инструментов для проведения своей политики у данного ведомства не было.

Опыт Временного правительства был использован советской властью. В январе 1918 года созван Всероссийский продовольственный съезд, который решил ввести хлебную монополию, нормы распределения предметов ширпотреба и др. Декретом от 9 мая 1918 г. Совет Народных Комиссаров ввел «Хлебную монополию», а с 13 мая этого же года установлена продовольственная диктатура [2].

После событий Октября 1917 года, когда аппарат старой центральной власти фактически перестал работать, Министерство продовольствия (переименовано из Продовольственной комиссии) продолжало свое дело, признавая его вне политики. Однако новая власть взяла данное ведомство под свой контроль одним из первых, создав на его основе Народный комиссариат продовольствия РСФСР (Наркомпрод).

Наркомпрод стал единственным органом заготовок и снабжения населения продуктами, в его обязанности входили заготовка и распределение продуктов и предметов первой необходи-

мости в общегосударственном масштабе. Ему подчинялись местные органы, а все продовольственное дело в стране было строго централизовано.

В БССР Народный комиссариат земледелия (Наркомат земледелия), на который были также возложены функции по заготовке продуктов питания, создан в феврале 1919 года. В этот период деятельность уполномоченных государственных органов становится системной. Наблюдается постепенный переход от хаотичной разверстки отдельно взятых крестьянских хозяйств, селений, уездов к целенаправленному изъятию излишков хлеба и зернофуража. К концу 1920 года продразверстка затрагивала практически все сельхозпродукты в соответствии с номенклатурой и по ценам, определяемым Наркоматом земледелия. С переходом к НЭПу в 1921 году продразверстка была заменена продналогом.

Таким образом, проблема продовольственной безопасности как одна из важнейших задач стояла перед белорусским государством еще в начале XX века. В этой связи примечательно, что все решения, принимаемые государственными органами, были закреплены правовыми нормами, хотя и сопровождалась карательными мерами.

Постепенно с наращиванием объемов производства продуктов питания перед государственными органами возникают новые задачи, связанные с расширением ассортимента производимого в государстве продовольствия и пищевых продуктов.

Уже с середины XX века в западных странах все больше внимания начинают уделять качеству производимых продуктов питания. И если вначале шла речь только о готовой пищевой продукции, то с ростом производства, развитием инженерии все больше внимания уделяется вопросам контроля за качеством исходного продукта – сельскохозяйственного сырья.

В экономически развитых странах наблюдаются активизация деятельности государственных органов, усиление и укрепление их роли в части регулирования безопасности продовольствия. При этом явно прослеживается тенденция к централизации принятия решений в вопросах продовольственной безопасности.

Наиболее показательной является система государственных органов, выстроенная в Соединенных Штатах Америки (США), где ключевую роль в контроле качества продовольствия играют два органа – Администрация по продовольствию и медикаментам Министерства здравоохранения и социальных услуг и Министерство сельского хозяйства.

Эти министерства наделены полномочиями вплоть до полного запрета продажи продукции и ее конфискации в судебном порядке, правом аргументировать возбуждение уголовного дела в

отношении физических и юридических лиц, входить в судебные органы с предложением о запрете производства и реализации отдельных видов продукции.

Представление о компетенции государственных органов США в вопросах обеспечения национальной продовольственной безопасности можно сформировать путем анализа эффективной законодательной базы, созданной для развития сельского хозяйства и занимающей одно из важнейших мест в экономической политике США. Принятый в 1985 году Закон «О продовольственной безопасности США» по своей сути положил начало новому этапу развития отрасли. Он обозначил подходы к сельскому хозяйству как к особой отрасли экономики, имеющей стратегическое значение для США, а также подтвердил взятый страной курс на сохранение широкого субсидирования сельского хозяйства за счет бюджета [4].

Заложенные в законодательстве приоритеты развития агропромышленного комплекса нашли свое отражение и в задачах Министерства сельского хозяйства США, основанного в 1889 году. В его функции входят исполнение политики в области сельского хозяйства и продовольствия, в том числе продовольственной безопасности, развитие сельских районов, финансирование научных исследований в области сельского хозяйства.

Заведующий Центром аграрных проблем Института США и Канады Российской академии наук, доктор экономических наук Б.А.Черняков в своих трудах, посвященных феномену развития сельского хозяйства США, подчеркивает роль организационно-хозяйственных мероприятий, позволивших агропромышленному комплексу страны обеспечить продовольственную безопасность и на многие годы стать лидером в мировой торговле сельскохозяйственной продукцией [5].

Б.А.Черняков полагает, что основные причины успеха в построении продовольственной безопасности США кроются в сформулированных им направлениях развития и совершенствования аграрной стратегии, важнейшими из которых являются:

оптимизация структуры агропромышленного комплекса на основе организационно-хозяйственного и финансово-экономического единства трех его сфер;

контроль над земельными угодьями сельскохозяйственного назначения для максимального сохранения масштабов и высокого плодородия;

специализация и концентрация производства на основе создания и совершенствования инфраструктуры, необходимой для доведения продукта от поля/фермы до прилавка;

оптимизация размещения отдельных отраслей сельского хозяйства в регионах с благопри-

ятным биоклиматическим и производственно-хозяйственным потенциалом;

использование инновационных технологий для получения продукции в максимальном количестве, высокого качества и с минимальными издержками;

расширение новейших организационных производства, биотехнологии и информатики для создания оптимальных и перспективных моделей агропромышленного комплекса, в том числе с новыми биоэнергетическими возможностями;

всестороннее и заинтересованное участие научных, образовательных, внедренческих организаций в модернизации аграрного сектора – приоритетного и стратегически важного направления развития национальной экономики;

широкая и разнообразная деятельность государства в контроле, регулировании и финансово-экономической поддержке аграрного сектора [5].

Агропромышленный комплекс США регулируется широким кругом законов, максимально охватывающих все стороны сельскохозяйственного развития. Если во второй половине XX века в связи с перепроизводством продуктов питания США вынуждены были проводить политику сокращения запасов сельскохозяйственных товаров, то в конце прошлого и начале нового века регулирование рынка продовольствия осуществляется путем освоения новых методов и приемов, позволяющих наращивать финансовую и социальную мощь.

Настойчиво внедряя идею развития свободного рынка, Правительство США законодательными мерами и экономическими рычагами расширило свои возможности вмешательства в производственный процесс. В дополнение к этому введен контроль над экспортом и импортом как средствами защиты внутреннего рынка от демпинга со стороны иностранных производителей и одновременно регулирования объема продовольствия, вывозимого из страны.

Таким образом, Министерство сельского хозяйства США является не только одним из активных участников агропромышленного комплекса, но наделено всеми необходимыми полномочиями для обеспечения продовольственной безопасности страны в целом.

Актуализация функций может коснуться и Министерства сельского хозяйства Российской Федерации. Вступление России в ВТО, а также необходимость расширения задач Министерства в части обеспечения продовольственными ресурсами и экспорта готовой продукции на рынок Европейского союза подготовило почву для изменения его названия.

В последнее время в Правительстве Российской Федерации активно обсуждается вопрос о переименовании государственного органа. Пока

в качестве наиболее вероятного рабочего названия рассматривается Министерство продовольственных ресурсов. Тем не менее это не означает только «смену вывески», речь идет в первую очередь о серьезном пересмотре стратегических задач и расширении полномочий в части регулирования сферы переработки, направленных как на защиту внутреннего рынка, так и на продвижение своих товаров на внешние рынки [6].

Для решения продовольственной задачи Министерство сельского хозяйства Российской Федерации вынуждено дополнительно инициировать законодательное закрепление механизмов повышения доступности и качества продовольствия. Компетенция этого Министерства должна охватывать все вопросы, связанные с развитием инфраструктуры продовольственного рынка и повышением ее доступности для всех товаропроизводителей, недопущением межрегиональных торговых барьеров, разработкой системы адресной продовольственной помощи и др. Стратегической задачей уполномоченного государственного органа является в первую очередь продовольственный мониторинг населения, внесение изменений и дополнений в действующее законодательство с целью создания единой управляемой системы контроля за качеством и безопасностью пищевых продуктов путем объединения разрозненных функций различных ведомств (например, органа по разработке государственных стандартов и органа, отвечающего за их соблюдение). Достижение Российской Федерацией намеченных целей в части формирования единого государственного органа, уполномоченного на осуществление необходимых функций в вопросах продовольственной безопасности, позволит агропромышленному комплексу государства занять свое, лидирующее, место в национальной экономике [7].

Примеры США и России должны быть показательны и для Республики Беларусь. Мы не должны отталкивать от себя уже наработанный эффективный стиль и методы государственного управления национальной продовольственной безопасностью. Концентрация «в руках» одного государственного органа достаточных полномочий для осуществления контроля за экспортом и импортом продовольственных товаров, возможность вмешательства в производственные процессы, обеспечивающая контроль за качеством производимых продуктов питания, наиболее выгодно скажутся на общем имидже страны, при этом позволят обеспечивать продовольственную безопасность.

Проведенный анализ функций государственных органов Республики Беларусь и их компетенции в вопросах регулирования продовольственной безопасности не позволяет сделать однозначные выводы о пределах возможностей каждого из них.

В соответствии с Концепцией национальной продовольственной безопасности Республики Беларусь, утвержденной постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 10 марта 2004 г. № 252, государственные функции в данной сфере декларативно ориентированы на такие направления, как:

проведение единой государственной политики в области решения продовольственной проблемы;

разработка и реализация целевых продовольственных программ;

формирование государственной системы стимулирования и регулирования производства продовольственного сырья и продуктов питания;

обеспечение качества и безопасности продовольственного сырья и пищевых продуктов для жизни и здоровья человека;

создание структуры органов власти, ответственной за обеспечение продовольственной безопасности республики;

осуществление управления государственным продовольственным резервом и ответственность за его сохранность, использование и возобновление;

определение цели и задач органов исполнительной власти в области обеспечения населения жизненно важными продуктами питания в условиях продовольственного кризиса;

организация сбора и анализ данных о производстве продуктов питания и их потреблении гражданами, а также прогнозирование развития ситуации в области продовольственной безопасности;

координация деятельности органов исполнительной власти и общественных организаций по обеспечению продовольственной безопасности республики [8].

Исходя из указанного можно сделать вывод о том, что функции государственных органов в вопросах продовольственной безопасности должны обеспечивать:

1) достижение необходимого уровня производства продуктов питания;

2) контроль состояния (наличие, пополнение) государственного продовольственного резерва;

3) контроль качества продовольственного сырья и пищевых продуктов, в том числе за их соответствием требованиям государственной системы стандартов.

На практике законодательство Республики Беларусь не содержит персонификации полномочий органов государственного управления по указанным направлениям.

В Законе Республики Беларусь от 29 июня 2003 года «О качестве и безопасности продовольственного сырья и пищевых продуктов для жизни и здоровья человека» государственный контроль и надзор в области обеспечения качества и безопасности продовольственного сырья и пи-

щевых продуктов, материалов и изделий возложены на довольно большой и достаточно неопределенный перечень государственных органов, в том числе на Министерство здравоохранения, Министерство сельского хозяйства и продовольствия, Министерство торговли, Государственный комитет по стандартизации, Комитет государственного контроля и иные органы в пределах их компетенции [9].

Такие формулировки не позволяют конкретизировать каждому из перечисленных органов пределы их полномочий, и главное – ответственности.

Функциональный анализ положений о данных государственных органах свидетельствует скорее об их общей юрисдикции. Опосредованное обеспечение качества продовольственного сырья и пищевых продуктов возложено на Министерство здравоохранения и Государственный комитет по стандартизации, но их компетенция в данной сфере вытекает скорее из общего содержания («духа») функций.

Положением о Министерстве сельского хозяйства и продовольствия Республики Беларусь, утвержденным постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 29 июня 2011 г. № 867 (далее – Минсельхозпрод), установлено, что основными его задачами являются проведение единой государственной политики, осуществление государственного управления и регулирования в области сельского хозяйства, производства пищевых продуктов, обеспечения качества продовольственного сырья и пищевых продуктов [10]. Таким образом, как минимум два из основных направлений работы государственных органов по обеспечению национальной продовольственной безопасности относятся к компетенции Минсельхозпрода. Одновременно и Министерство торговли наделено полномочиями в части формирования товарных ресурсов, насыщения внутреннего потребительского рынка товарами, а также проведения закупочных и товарных интервенций, координирует в пределах своей компетенции работу по созданию стабилизационных фондов, накоплению товаров сезонного спроса, участвует в формировании государственного материального резерва.

Наличие большого количества компетентных органов не позволяет в должной степени объективно формировать единую государственную политику национальной продовольственной безопасности. Система органов государственного управления Республики Беларусь подвержена влиянию ведомственных интересов и не способна эффективно обеспечивать защиту интересов государства на внутреннем и внешних рынках.

Данные выводы позволяют говорить о необходимости кардинального пересмотра функций заинтересованных органов государственного

управления, в компетенцию которых в той или иной степени входят вопросы продовольственного обеспечения.

Полагаем необходимым наделить Минсельхозпрод дополнительно такими полномочиями, как:

- осуществление мониторинга продовольственной безопасности государства;
- проведение анализа и контроля за состоянием и развитием рынка сбыта сельскохозяйственной продукции;
- прогнозирование соотношения экспорта и импорта продовольствия и потребления продуктов питания населением;
- контроль над землями сельскохозяйственного назначения с целью сохранения масштабов и высокого плодородия;
- координация деятельности местных органов власти в вопросах специализации и концентрации производства на основе создания и совершенствования инфраструктуры, необходимой для доведения продукта «от поля до прилавка»;
- реализация единой политики, направленной на оптимизацию размещения отдельных отраслей сельского хозяйства в регионах с благоприятным биоклиматическим и производственно-хозяйственным потенциалом;
- разработка и реализация специальных программ, затрагивающих проблемы производства и потребления продуктов питания с целью координации деятельности субъектов хозяйствования независимо от формы собственности и регионального расположения;
- контроль за качеством продовольственного сырья и пищевых продуктов (включая необходимые полномочия по привлечению к ответственности производителей некачественных продуктов питания).

Определение Минсельхозпрода в качестве компетентного государственного органа в вопросах обеспечения национальной продовольственной безопасности позволит повысить ответственность государства перед населением и отдельно взятым гражданином. В конечном итоге концентрация полномочий на принятие юридически значимых решений по вопросам продовольственной безопасности, направленная на проведение эффективной государственной и региональной политики, обеспечит предотвращение и ликвидацию продовольственных угроз и рисков.

Заключение

Аграрный сектор экономики на современном этапе развития Республики Беларусь выступает в качестве системообразующего фактора экономики страны. В процессе формирования и развития современной модели функционирования мировой экономики именно аграрный сектор может

стать стратегическим инструментом реализации национальных интересов Республики Беларусь на внешних рынках. Достижение поставленной цели возможно посредством определения единого компетентного государственного органа, способного обеспечить не только производство качественных продуктов питания, но и довести его в необходимом объеме до конечного потребителя. Таким органом должен стать Минсельхозпрод.

ЛИТЕРАТУРА

1. Римская декларация о всемирной продовольственной безопасности // Доклад Всемирной продовольственной конференции [Электронный ресурс]. – 1974. – Режим доступа: http://www.rau.su/observer/N3-4_97/019.htm. – Дата доступа: 29.06.2012.
2. Пачулия, Н.Н. К вопросу о продовольственной безопасности. Историко-правовой аспект / Н.Н. Пачулия // Закон и право. – 2012. – № 6. – С. 37–41.
3. Кузин, В.Н. Качество государственного управления и решение «зерновой проблемы» в 1920-е гг. / В.Н. Кузин // История гос-ва и права. – 2010. – № 15. – С. 32–36.
4. Корбут, А.В. Продовольственная безопасность населения России: состояние, тенденции, проблемы / А.В. Корбут // Аналит. вестн. Совета Федерации. – 2002. – № 26 (182) – С. 17–20.
5. Черняков, Б.А. Законодательные и административные основы продовольственной безопасности США: опыт для России / Б.А. Черняков // США&Канада: экономика, политика, культура. – 2010. – № 8. – С. 89–104.
6. Минсельхоз может заняться снабжением // Рос. газета [Электронный ресурс]. – 2012. – Режим доступа: <http://www.rg.ru/2012/06/23/selhoz-site.html>. – Дата доступа: 20.08.2012.
7. Воронин, Б.А. Правовое регулирование сельскохозяйственной деятельности в США и России: сравнительный анализ / Б.А. Воронин // Аграрное и земельное право. – 2011. – № 3 (75). – С. 4–9.
8. О Концепции национальной продовольственной безопасности Республики Беларусь: постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 10 марта 2004 г., № 252 // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. – 2004. – № 42. – 5/13930.
9. О качестве и безопасности продовольственного сырья и пищевых продуктов для жизни и здоровья человека: Закон Респ. Беларусь, 29 июня 2003 г., № 217-З // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. – 2003. – № 79. – 2/966.
10. О некоторых вопросах Министерства сельского хозяйства и продовольствия: постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 29 июня 2011 г., № 867 // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. – 2011. – № 78. – 5/34078.

Дата поступления статьи в редакцию 30.08.2012

ПЕРСПЕКТИВЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ НАЛОГООБЛОЖЕНИЯ КОНСОЛИДИРОВАННЫХ ГРУПП ПЛАТЕЛЬЩИКОВ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

УЛЬЯНОВА Е.С.,

аспирант юридического факультета Белорусского государственного университета

В статье анализируются нормы международного и национального права, регулирующие налогообложение доходов физических лиц. Рассматриваются подходы, принципы и условия налогообложения граждан государств, в которых реализованы различные формы семейного налогообложения, а также перспективы правового регулирования налогообложения консолидированных групп плательщиков в Республике Беларусь. Предлагается применить подход совместного налогообложения доходов семьи в национальном законодательстве. Приводится перечень возможных изменений в законодательстве.

The article analyses the international and national law, which use for regulating of personal income taxation. The approaches, principles and conditions of personal taxation in the countries where are implemented various forms of family taxation are considered. Also taxation of consolidated groups in the Republic of Belarus, as well as perspectives of legal regulation of income taxation are discussed. Conclusion is drawn about the necessity to apply the approach of joint taxation of family's income in the national legislation and the author's list of the possible changes in legislation is proposed.

Введение

Подходный налог является основным налогом, взимаемым с физических лиц. При проведении в этой области реформ должны соблюдаться принципы справедливости и обоснованности порядка налогообложения доходов физических лиц. Современное белорусское налоговое законодательство использует подход раздельного налогообложения всех членов семьи. При этом семейные обстоятельства практически не принимаются во внимание. Как показывает практика, в большинстве случаев семья является единой экономической общностью с общими доходами и потреблением. Отсутствие налоговых норм, учитывающих данное обстоятельство, приводит к несоответствию налогового бремени реальному материальному состоянию граждан. В большинстве ведущих стран мира (Германии, Франции, США, Италии и др.) на протяжении многих лет применяется практика семейного налогообложения по подходному налогу. По мне-

нию большинства ведущих ученых мира по вопросам налогообложения, семейное налогообложение является непосредственной реализацией конституционных принципов социального государства [1].

В Российской Федерации в период с 1 ноября 1999 г. по 1 марта 2000 г. инициативной исследовательской группой (включавшей ученых и специалистов в области социологии, демографии, экономики, права) были проведены исследования и разработан проект Концепции «Развитие семейного налогообложения в Российской Федерации», однако следует отметить, что данный проект не реализован [1]. При анализе действующего российского законодательства, в том числе Концепции демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года, сделан вывод, что единственным механизмом оказания дополнительной поддержки в Российской Федерации является изменение размеров налоговых вычетов для работающих родителей в зависимости от дохода семьи и количества де-

тей [2]. Данная проблематика затрагивается также в работах В.М.Акимовой, Е.В.Алтуховой, А.А.Копина, В.И.Попова, Б.В.Церенова и др.

Целью настоящей статьи является анализ норм международного права, подходов, принципов и условий налогообложения граждан государств, в которых реализованы различные формы семейного налогообложения, рассмотрение научных трудов российских ученых, формулировка предложений по введению налогообложения консолидированных групп плательщиков в Республике Беларусь.

Основная часть

Традиционно в теории налогового права критериями выделения налогоплательщиков могут служить лишь экономические основания, учитывающие имущественное состояние налогоплательщика, перспективы его развития, особенности ведения бизнеса и др. В отношении налогоплательщиков – физических лиц наиболее значимым является деление на лиц, имеющих статус предпринимателей, и лиц, не имеющих такого статуса. Законодательство устанавливает различный порядок учета этих налогоплательщиков, ведения ими учета результатов своей деятельности, расчета налоговых обязательств, составления и представления отчетности. В мировой практике применяются и разные системы налогообложения с учетом выбора налоговой единицы [3]. Для исчисления налогов используется понятие «единица налогообложения» – единица измерения предмета налога, с помощью которой определяется налоговая база. Так, единицей исчисления подоходного налога служит денежная единица страны [4]. Во всех государствах перед учеными и законодателями при реформировании системы подоходного налогообложения рано или поздно возникал вопрос о выборе налоговой единицы. Использовать ли общий доход семьи или доход индивидуального физического лица? При использовании общего дохода семьи применяется система совокупного налогообложения и семья рассматривается как разновидность консолидированной группы налогоплательщиков, под которой понимается временное объединение (на срок не более одного года) в целях налогообложения нескольких организаций или физических лиц для уплаты одного или нескольких налогов.

В семнадцати странах Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) предусмотрено индивидуальное (раздельное) налогообложение доходов, в четырех государствах (Франции, Люксембурге, Португалии и Швейцарии) – исключительно совокупное налогообложение. В Канаде, Чешской Республике, Исландии,

Норвегии, Польше и Испании в качестве налоговой единицы используется физическое лицо, однако также применяется совокупное налогообложение. В Германии, Ирландии и США супруги вправе самостоятельно определить схему, по которой они будут уплачивать подоходный налог. Согласно отчетам ОЭСР за 2006 год только во Франции, Германии, Ирландии, Люксембурге, Польше, Португалии, Швейцарии и США супружеские пары со средним доходом могут извлечь выгоду из совместного налогообложения по сравнению с системой индивидуального налогообложения [5].

В Республике Беларусь на данном этапе не используется исчисление подоходного налога с консолидированных групп налогоплательщиков. Это является источником возникновения негативных последствий для налогоплательщиков, таких как отсутствие выбора механизма налогообложения, возможность минимизировать налоговое бремя на семейный бюджет, излишняя бюрократизация процесса подачи деклараций, неиспользование государством дополнительного стимула развития института семьи.

Поскольку правила налогообложения доходов семьи как консолидированной группы различаются, то они могут носить как стимулирующий характер и быть направлены на защиту семьи, так и создавать предпосылки для налогоплательщиков не вступать в семейные отношения. В связи с повышением средней налоговой ставки при увеличении доходов в прогрессивных системах подоходного налогообложения схема раздельного налогообложения выгодна для домашних хозяйств, где оба партнера получают близкие по величине доходы. В этом случае, называемом «штрафом брака», налогоплательщикам выгоднее не заключать официальный брак. В подобной ситуации государства могут облегчить налоговую нагрузку на семью: доход возможно разделить между двумя супругами. Например, разрешено разделить доход супруга, являющегося единственным получателем дохода в семье, на две части, одна из которых будет приписана непосредственно получателю дохода, а вторая – его супругу. Существуют различные варианты такого разделения дохода: французская «семейная» система, предусматривающая разделение дохода 50 на 50 % и бельгийская «брачная» система – 70 на 30 %. Если же разделение доходов не предусмотрено, то существует возможность использовать понижающий налоговый коэффициент для пар, регистрирующихся совместно.

Другим вариантом является ситуация, когда доход супругов существенно различается по величине. В этом случае совместное налогообложение гораздо выгоднее раздельного, поскольку партнер с высоким доходом будет облагаться более низким подоходным налогом по сравнению с

раздельным налогообложением. Такая ситуация называется «субсидией брака».

Если возможен только вариант раздельного налогообложения, то правительство может попытаться уравнивать налоговое бремя в супружеских парах, в которых присутствует различное распределение дохода между супругами, с помощью налоговых льгот, пособий и кредитов, которые могут передаваться между супругами. В некоторых странах с индивидуальным налогообложением существуют льготы и кредиты при условии, что супруг находится на иждивении, а также пособия, если семейный доход находится ниже определенного уровня. Эти положения на практике могут иметь те же эффекты, что и при применении совместного налогообложения. Об этом свидетельствует тот факт, что в странах ОЭСР в 2002 году средняя налоговая ставка для двух партнеров, имевших одинаковый уровень доходов, была выше, чем для отдельных людей с таким же заработком. При данной оценке учитывались подоходный налог, взносы на социальное обеспечение и применение различных налоговых льгот [5].

При использовании схемы исчисления подоходного налога, основанной на семье, возникает ряд проблем. Совместное налогообложение, как правило, разрешено только для семейных пар, но не для других типов семейных структур (например, незамужних сожителей). Данный факт трудно оправдать с точки зрения горизонтальной справедливости, однако его можно объяснить тем, что налоговые органы не имеют права на установление в ходе проверки факта проживания одной семьей. Кроме того, совместное налогообложение делает выгодным для второго работника отказ от работы на оплачиваемых рынках труда и уменьшение количества отработанных часов. Причина состоит в том, что налоговая ставка второго получателя дохода в домашнем хозяйстве будет равна, как правило, самой высокой налоговой ставке, уплаченной основным получателем дохода. Это означает, что второй получатель дохода в семье сталкивается в результате с более высокими налоговыми ставками, чем в ситуации, когда оба супруга используют схему раздельного налогообложения. Согласно отчетам ОЭСР за 2006 год эффект уменьшения обеспеченности вторых получателей дохода выше для семей с низким уровнем дохода, чем для семей с большими доходами, и в особенности для семей, которые получают пособия.

Но подход, основанный на индивидуальном налогообложении, также имеет свои недостатки, поскольку прочие доходы, не относящиеся к фонду заработной платы, должны быть разделены между супругами. С одной стороны, такие доходы необходимо присоединить частично или полностью супругу с самым высоким доходом. Однако на практике это может означать, что налог

исчисляется с дохода, который супруг не получал. С другой стороны, если бы пары могли свободно выбирать, кому присоединить доходы, не относящиеся к фонду заработной платы, то очевидно, что они бы присоединяли этот доход супругу с более низким налогооблагаемым доходом, так как в этом случае суммарные семейные налоговые поступления снизятся.

Освобождение от налога части дохода, направляемой на жизнеобеспечение семьи, является обязанностью государства, а также одним из условий выполнения международных норм (ст.ст. 23, 25 Всеобщей декларации прав человека и гражданина 1948 года, ст.ст. 7, 11 Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах 1966 года) [6; 7]. Это означает, что совместное налогообложение семьи отвечает принципам налоговой справедливости, равенства, соразмерности, учета фактической способности к уплате налогов, удобства взимания, недопустимости тех налогов и сборов, которые препятствуют реализации гражданами своих конституционных прав. Применяемое же в настоящее время уменьшение величины вычетов с ростом дохода приводит к дискриминации определенной категории граждан и является, по сути, штрафной санкцией на доходы, рассматриваемые государством как высокие [1].

Немаловажным фактором является необходимость улучшения демографической ситуации в Республике Беларусь. Так, на повестке дня в нашей стране, а также в Российской Федерации неоднократно возникал вопрос о стимулировании рождаемости. Звучали высказывания о необходимости принятия таких радикальных мер, как, например, ввод налога на бездетность, то есть все мужчины в возрасте от 25 до 40 лет, которые не имеют детей, обязаны выплачивать государству определенные суммы денег.

Российские исследователи Б.В.Церенов и В.И.Попов [8; 9] в своих работах предлагают более приемлемый вариант – введение совместного налогообложения семей, что будет способствовать снижению налоговой нагрузки и повышению материального обеспечения пар.

Следует согласиться с предлагаемыми подходами вышеуказанных авторов, а также привлечь во внимание формирование единого экономического пространства и необходимость унификации подходов в системе налогообложения.

В перспективе в белорусском законодательстве целесообразно закрепить понятие «консолидированная группа плательщиков налогов» в отношении совместного обложения подоходным налогом доходов членов семьи.

Для установления круга лиц, входящих в консолидированную группу, необходимо воспользоваться уже сформулированным подходом законодателя в ст. 153 Налогового кодекса Рес-

публики Беларусь, определяющей круг лиц, состоящих в отношениях близкого родства [10].

Лица, желающие перейти на совместное налогообложение, должны будут соответствовать определенным условиям:

1) быть налоговыми резидентами Республики Беларусь;

2) состоять в соответствии с семейным законодательством в брачных отношениях, отношениях родства или свойства, усыновителя и усыновленного, попечителя и опекаемого (то есть должны быть близкими родственниками или состоять в действительном браке (браке между лицами должен быть заключен в соответствии с семейным законодательством), быть усыновителями и усыновленными, опекунами, попечителями и их подопечными);

3) у них должны быть одинаковые налоговые режимы (то есть общий режим подоходного налогообложения).

Указанные условия должны иметь место к моменту подачи совместного заявления о переходе на совместное налогообложение.

Как отмечает Б.В.Церенов в статье «Семья как консолидированная группа налогоплательщиков» [8, с. 23], переход на совместное налогообложение должен базироваться на добровольной основе, то есть лица сами будут определять, уплачивать им налоги совместно или раздельно. Это будет согласовываться с правом налогоплательщика на оптимальное исполнение налоговой обязанности (налоговое планирование). Для перехода на совместное налогообложение лица должны будут подавать в налоговый орган по месту учета выбранного ответственного лица совместное заявление в количестве экземпляров, равных количеству участников группы, и копии необходимых документов (например, свидетельства о браке, свидетельства о рождении и т.д.). Ответственный участник будет считаться законным представителем других участников группы в налоговых отношениях. В заявлении также должны быть перечислены все участники группы с указанием фамилий, имен и отчеств, а также адресов проживания и идентификационных номеров налогоплательщика. В любом случае участники должны будут представлять ответственному лицу все необходимые данные для составления налоговой декларации, определения налоговой базы и расчета суммы налога на доходы физических лиц.

Объектом налогообложения будет являться совокупный ежегодный доход семьи, за исключением необлагаемых доходов. На каждого участника группы должен приходиться не облагаемый налогом минимум доходов, равный прожиточному минимуму. При определении налоговой базы подоходного налога с физических лиц учитываются все доходы плательщика, полученные им как в денежной, так и натуральной формах.

Расчет суммы налога будет осуществляться с объединенного дохода. При введении совместно-го налогообложения семьи целесообразно установить разные налоговые ставки (прогрессивную шкалу) в зависимости от размера доходов. Прогрессивная шкала ставок по налогу на доходы с физических лиц может послужить средством выравнивания доходов различных социальных групп. Лица, перешедшие на совместное налогообложение, будут нести солидарную ответственность по исполнению обязанностей участников группы по уплате налога на доходы физических лиц.

Предлагается также применять разные прогрессии для налогообложения холостых лиц, семей, семей с двумя и более иждивенцами, причем налоговая нагрузка на последних должна быть самой низкой. Первоначально можно установить совместное налогообложение только для супругов с возможностью присоединения доходов несовершеннолетних детей и вычетами на иждивенцев и нуждающихся родственников.

Таким образом, рассмотрение семьи в качестве консолидированной группы налогоплательщиков может существенно снизить налоговую нагрузку на население, особенно на незащищенные слои, перераспределить доходы, получаемые физическими лицами – резидентами Республики Беларусь, повлиять на улучшение демографической ситуации в стране, упростить процедуру подачи налоговой декларации и исчисления подоходного налога.

Выводы

Для реализации международных принципов налоговой справедливости, равенства, соразмерности, учета фактической способности к уплате налогов, удобства взимания, недопустимости реализации гражданами своих конституционных прав, а также в целях улучшения демографической ситуации в Республике Беларусь целесообразно применить подход совместного налогообложения доходов семьи:

1) в белорусском законодательстве целесообразно закрепить понятие «консолидированная группа плательщиков налогов» в отношении совместного обложения подоходным налогом доходов членов семьи;

2) для установления круга лиц, входящих в консолидированную группу, использовать подход законодателя в ст. 153 Налогового кодекса Республики Беларусь, определяющей круг лиц, состоящих в отношениях близкого родства;

3) определить условия для лиц, желающих перейти на совместное налогообложение, такие как: быть налоговыми резидентами Республики Беларусь; состоять в соответствии с семейным

законодательством в брачных отношениях, отношениях родства или свойства, усыновителя и усыновленного, попечителя и опекаемого (то есть должны быть близкими родственниками или состоять в действительном браке (браке между лицами должен быть заключен в соответствии с семейным законодательством), быть усыновителями и усыновленными, опекунами, попечителями и их подопечными); у них должны быть одинаковые налоговые режимы (то есть общий режим подоходного налогообложения);

4) в качестве объекта налогообложения использовать совокупный ежегодный доход семьи, за исключением необлагаемых доходов. В каче-

стве не облагаемого налогом минимума доходов использовать сумму, равную прожиточному минимуму на каждого члена группы. Расчет суммы налога осуществлять с объединенного дохода;

5) предлагается также применять разные прогрессии для налогообложения холостых лиц, семей с двумя и более иждивенцами, причем налоговая нагрузка на последних должна быть самой низкой. Первоначально можно установить совместное налогообложение только для супругов с возможностью присоединения доходов несовершеннолетних детей и вычетами на иждивенцев и нуждающихся родственников.

ЛИТЕРАТУРА

1. Концепция налогообложения доходов семьи в Российской Федерации // Фемида. Аудиторская фирма [Электронный ресурс]. – 2011. – Режим доступа: http://www.remida.ru/index.php?option=com_content&view=category&layout=blog&id=42&Itemid=52. – Дата доступа: 14.11.2011
2. Об утверждении Концепции демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года: Указ Президента Рос. Федерации, 9 окт. 2007 г., № 1351 // КонсультантПлюс: Высшая школа [Электронный ресурс] / ЗАО «КонсультантПлюс». – М., 2011.
3. Финансовое право: учеб. / О.Н. Горбунова, Е.Ю. Грачева [и др.]; отв. ред. Е.Ю. Грачева, Г.П. Толстопятенко. – М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2004. – 536 с.
4. Единица налогообложения // Юрид. словарь [Электронный ресурс]. – 2011. – Режим доступа: <http://www.jur-words.info/cat-0000001965-6-6.html>. – Дата доступа: 14.11.2011.
5. Fundamental reform of personal income tax // OECD ILIBRARY [Electronic resource]. – 2011. – Mode of access: http://www.oecd-ilibrary.org/taxation/fundamental-reform-of-personal-income-tax_9789264025783-en. – Date of access: 14.11.2011.
6. Всеобщая декларация прав человека: Декларация ООН, 10 дек. 1948 г. // Эталон–Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2011.
7. Международный пакт ООН об экономических, социальных и культурных правах: Пакт ООН, 16 дек. 1966 г. // Эталон–Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2011.
8. Церенов, Б.В. Семья как консолидированная группа налогоплательщиков / Б.В. Церенов // Финансовое право. – 2011. – № 1. – С. 21–25.
9. Попов, В.И. Налог с доходов физических лиц как инструмент государственного регулирования экономики в России и за рубежом: дис. ... канд. экон. наук: 08.00.05 / В.И. Попов. – М., 2003. – 140 с.
10. Налоговый кодекс Республики Беларусь: Кодекс Респ. Беларусь, 19 дек. 2002 г., № 166-З // Эталон–Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2011.

Дата поступления статьи в редакцию 29.12.2011

ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ ЛИЧНОЙ СВОБОДЫ ЧЕЛОВЕКА В КОНТЕКСТЕ ОБЩЕСИСТЕМНЫХ СВОЙСТВ

КОРОТИЧ Е.А.,

старший преподаватель кафедры теории и истории государства и права
Брестского государственного университета им. А.С.Пушкина

Статья посвящена исследованию преступлений против личной свободы человека в качестве системного образования, обладающего общими свойствами и признаками. Обращение к системно-структурному исследованию указанной группы преступлений продиктовано необходимостью формирования целостного представления относительно данных преступлений, а также осуществления демаркации последних от тех деяний, совершение которых так или иначе сопряжено с ограничением состояния личной свободы человека. Такой подход имеет не только теоретическое значение, но и заслуживает внимания с практической точки зрения, поскольку позволяет выявить недостатки уголовного закона как в части формулирования перечня исследуемой системы преступлений, так и правового оформления данной системы.

The article is devoted to the research of the crimes against a personal freedom as the system formation possessing the general properties and signs. The system-structural research of the named group of crimes is dictated by necessity of the formation the complete representation concerning the given crimes, and also their demarcation from the criminal acts which are anyhow associated with a personal freedom's restriction. Such an approach has not only theoretical value, but also deserves attention from the practical point of view as allows to reveal the defects regarding formation of the list of the investigated crimes, as well as regarding the legal registration of this crimes system.

Введение

Личная свобода, будучи основой поведенческой активности человека, одновременно выступает в качестве необходимого условия реализации ряда его субъективных прав, в силу чего круг преступлений, в результате совершения которых имеет место ограничение личной свободы, весьма обширен. Совершенно очевидно, что далеко не все из них непосредственно направлены на причинение вреда тем отношениям, объектом которых являются различные составляющие личной свободы человека. С тем чтобы демаркировать такого рода преступные деяния относительно собственно преступлений против личной свободы человека, в теории уголовного права используется системный подход к определению их юридической природы и места в структуре Особенной части уголовного закона.

В теоретическом и практическом аспектах возможность рассмотрения той или иной группы преступлений в качестве системного образования имеет существенное преимущество: систем-

но-структурный анализ позволяет не только более глубоко уяснить природу соответствующей группы посягательств, но и выявить через призму их общесистемных свойств и связей существующие недостатки в области уголовно-правовой охраны определенной сферы общественных отношений.

Общесистемные свойства преступлений против личной свободы

Исчерпывающий перечень преступлений, непосредственно направленных против личной свободы человека, предопределен уголовным законом и содержится в главе 22 Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее – УК). Причем, говоря об исчерпывающем характере данного перечня, мы исходим из того, что его содержание в соответствии с принципом законности составляют только те посягательства на свободу человека, которые предусмотрены уголовным

законом в качестве таковых, в связи с чем, оставаясь в рамках нормативного материала УК, представляется возможным лишь рассуждать о его полноте и научной обоснованности. В свете сказанного преступлениями против личной свободы человека на данный момент являются торговля людьми (ст. 181), использование рабского труда (ст. 181¹), похищение человека (ст. 182), незаконное лишение свободы (ст. 183), незаконное помещение в психиатрический стационар (ст. 184), принуждение (ст. 185), угроза убийством, причинением тяжких телесных повреждений или уничтожением имущества (ст. 186) и незаконные действия, направленные на трудоустройство граждан за границей (ст. 187).

Прежде чем говорить о том, насколько обоснованно употребление понятия «система» для характеристики обозначенной выше группы посягательства на свободу человека, определимся с содержанием исходной категории «система».

Сущность и содержание данного понятия раскрываются, как правило, за рамками юридического позитивизма на основе достижений наук мировоззренческого цикла, прежде всего философской мысли. Характеризуя систему как совокупность элементов, находящихся в отношениях и связях между собой и образующих определенную целостность, единство [1, с. 513], представители философской науки тем самым в качестве основных признаков системного образования называют единство составляющих его элементов, множественность последних и наличие определенной взаимосвязи между ними. Кроме данных признаков, сущность любой системы раскрывают такие характеристики, как многоуровневость элементов, составляющих систему, то есть возможность выделения на основе тех или иных критериев определенных подгрупп (подсистем), историческая изменчивость (динамизм) как системы в целом, так и отдельных ее элементов, согласованное действие последних, в результате чего достигается синергетический эффект системы.

Основываясь на положениях наук мировоззренческого цикла (в том числе рекомендации общей теории систем), а также учитывая назначение системы уголовно-правовых запретов, полагаем целесообразным рассмотреть систему преступлений против личной свободы человека через призму следующих общесистемных свойств:

1) свойство единства и целостности исследуемой системы преступлений. Преступления против личной свободы человека – это не случайно определенный законодателем перечень деяний, запрещенных под угрозой уголовной ответственности, а напротив, целостное образование, обладающее внутренним единством, в основе которого единство объекта – однородных общественных отношений, возникающих по поводу

реализации права человека на свободу. Непосредственная направленность указанных преступлений на причинение вреда данному объекту и является главным связующим элементом, объединяющим их в рамках исследуемой системы.

Целостность последней достигается совокупным функционированием составляющих ее элементов – уголовно-правовых запретов в области охраны личной свободы человека. Запрещая различные формы посягательств на данное правовое благо, уголовный закон тем самым обеспечивает всестороннюю охрану общественных отношений, возникающих по поводу реализации права человека на свободу. Иными словами, системное действие норм об ответственности за преступления против личной свободы позволяет не только бороться с отдельными проявлениями противоправного ограничения свободы человека, но и достигать основной цели регулятивного воздействия уголовного закона – упорядочения охраны соответствующей группы общественных отношений. И в этом состоит еще один аспект проявления свойства единства исследуемой системы преступлений – единство функционально-го назначения составляющих ее элементов.

Таким образом, неоднородные по своей сути посягательства на личную свободу человека составляют единую, целостную и однородную по своему системообразующему признаку совокупность преступлений, запрещенных уголовным законом. Хотя следует особо подчеркнуть, что отмеченная неоднородность посягательств, образующих исследуемую систему, является во многом формальной и проявляется преимущественно на уровне характеристики внешних признаков данных посягательств (главным образом, признаков деяния). В части остальных признаков, выделяемых на основе элементной трактовки составов данных преступлений, последние отличаются значительным сходством, позволяющим говорить об определенной степени однородности неклассифицированных составов преступлений против личной свободы человека. Сказанное подтверждается следующими характеристиками последних: составы данных преступлений по законодательной конструкции являются формальными; с объективной стороны они могут быть определены как составы активных деяний (действий); субъективная сторона составов преступлений против личной свободы характеризуется умышленной формой вины, цель и мотив их совершения не относятся к числу конструктивных признаков основного состава (за исключением одной из форм совершения торговли людьми), субъект данных преступлений – общий (исключение составляет преступление, предусмотренное ст. 184 УК). Кроме того, преступления рассматриваемой системы относятся к категории насильственных преступ-

лений; часть из них имеют международный (конвенционный) характер;

2) свойство организационной формы, нормативным выражением которого является относительная структурная обособленность преступлений против личной свободы человека в рамках главы 22 УК. Данное свойство предопределено свойством единства преступлений, составляющих исследуемую систему, в основе которого – однородность общественных отношений как объекта данных преступлений. В теории уголовного права такого рода отношения признаются родовым объектом соответствующей группы преступных посягательств, и именно данный объект является основанием структурирования последних в рамках отдельных глав Особенной части УК.

В теории уголовного права неоднократно высказывались суждения о необходимости «вырабатывать новые методы и подходы при построении ... системы Особенной части УК», поскольку роль, отводящаяся родовым объектам преступления «в деле созидания стройной и упорядоченной системы Особенной части УК, скорее иллюзия, чем реальность, «правило» с одними сплошными исключениями» [2, с. 61]. С нашей точки зрения, систематизация преступлений, в том числе против личной свободы человека, по признаку родового объекта является не только наиболее обоснованной, но и, по верному замечанию В.Н.Смитиенко, естественной «по своему существу» [3, с. 53]: основываясь на учете материального признака преступлений, она позволяет определить «характер и значение объединяемых... отношений для интересов общества и государства» [4, с. 92], установить, «какой именно группе, сфере однородных интересов причинен или может быть причинен ущерб в результате совершения преступного деяния» [5, с. 214], и на этой основе определить полноту и эффективность уголовно-правовой охраны.

В УК отмеченный критерий систематизации преступлений выдержан не до конца, подтверждением чего является объединение в рамках главы 22 УК преступлений против личной свободы с посягательствами на честь и достоинство человека. Даже не подвергая детально анализу сущностные характеристики названных объектов уголовно-правовой охраны, можно констатировать, что они обозначают разные явления, в связи с чем не представляется возможным говорить об однородности тех общественных отношений, предметом которых являются данные объекты (личная свобода, честь и достоинство).

Для обеспечения структурного и функционального единства исследуемой системы преступлений представляется целесообразным исключить из главы 22 нормы об ответственности за преступления против чести и достоинства человека, отразив соответствующие изменения в на-

звании главы. В свою очередь, указанные преступные деяния полагаем обоснованным включить в систему преступлений против конституционных прав и свобод человека и гражданина, в связи с чем поместить нормы об ответственности за их совершение в главу 23 УК;

3) свойство иерархичности исследуемой системы. Как отмечается в специальных источниках, любая «система может рассматриваться как элемент другой, более высокого порядка. Исходная же система, в свою очередь, включает элементы систем более низкого порядка» [6, с. 38]. В свете представленного суждения вполне объяснима возможность рассмотрения исследуемой системы преступлений на двух уровнях: уровне соотношения с системой преступлений, криминализированных уголовным законом (внешний аспект), и уровне внутрисистемной организованности преступлений против личной свободы человека (внутренний аспект).

Что касается внешнего аспекта иерархичности, то применительно к уголовному праву оно предопределено принятой в уголовно-правовой доктрине и отраженной в уголовном законе систематизацией всех преступных посягательств на основе классификации объектов преступления по вертикали: общий – групповой – родовый – непосредственный объект. При таком подходе система преступлений против личной свободы, являясь частью системы преступлений в целом (систематизация на уровне общего объекта) и преступлений против человека в частности (единый групповой объект), в то же время представляет собой относительно самостоятельное структурное образование, обусловленное наличием особой группы общественных отношений, возникающих по поводу реализации личной свободы человека (систематизация на уровне родового объекта). При этом каждое из преступных деяний, составляющих исследуемую систему, имеет свой основной непосредственный объект, специфика которого позволяет объединять такие деяния в определенные подсистемы или классификационные группы, обладающие как общесистемными, так и некоторыми специфическими характеристиками. В этом проявление внутренней иерархичности (организованности) рассматриваемой системы преступлений, обусловленное тем, что личная свобода как объект правовой охраны в силу многообразия форм проявления не может быть представлена в качестве односложного блага, ввиду чего преступления, посягающие на различные составляющие данного блага, могут быть классифицированы на несколько групп.

Подобная классификация является непрерывным средством систематизации рассматриваемых преступлений: во-первых, она способствует уяснению сущности различных групп посягательств на свободу человека, благодаря

чему обеспечивается формирование всестороннего представления об исследуемой системе; во-вторых, дает возможность выявить сходство и различия уголовно-правового регулирования в области охраны личной свободы человека; в-третьих, при помощи классификации удастся установить или спрогнозировать отсутствие недостающих уголовно-правовых запретов в исследуемой области.

В контексте сказанного заслуживает внимания суждение Н.Н.Маршаковой, полагающей, что классификация «при внешней беспристрастности обладает особой значимостью... и может использоваться для целенаправленного регулирования уголовно-правовых отношений», а ее игнорирование способно привести к тому, что содержание системы уголовного законодательства в целом, отдельных уголовно-правовых норм «становится недоступно сложным либо безгранично неопределенным» [7, с. 4]. При всей обоснованности такого рода суждений значение классификации для построения системы преступлений против личной свободы человека (равно как и иной системы преступлений) не следует абсолютизировать: классификация представляет собой лишь способ выявления сходства и различия составляющих исследуемую систему элементов, их связей между собой внутри системы. Целенаправленность же регулирования отношений в сфере уголовно-правовой охраны личной свободы человека является следствием не столько классификации, сколько систематизации соответствующего нормативного материала, сформированного на основе выявленных посредством классификации направлений такой охраны.

Практика подразделения преступлений на группы (их классификация) достаточно распространена в теории уголовного права. Используя в качестве критериев классификации конструктивные признаки составов преступлений, авторы подразделяют последние на виды в зависимости от способа их совершения, формы вины, признаков субъекта и т.д. Вместе с тем с точки зрения характеристики той или иной группы преступлений как системного образования применение в качестве критериев классификации каких-либо иных признаков, помимо признаков основного непосредственного объекта, представляется в известной мере искусственным. Не случайно в отечественной уголовно-правовой литературе именно данный критерий положен в основу классификации преступлений против личной свободы на группы (подсистемы): 1) преступления против личной свободы; 2) преступления против свободы волеизъявления личности; 3) посягательство на спокойствие и безопасность личности [8, с. 182–183]. Имея существенное теоретико-правовое значение, представленная классификация тем не менее нуждается в неко-

торой корректировке. Исходя из признаков основного непосредственного объекта, определяемого спецификой форм проявления личной свободы человека, представляется целесообразным подразделять преступления исследуемой системы на такие группы (подсистемы), как: 1) преступления, непосредственно направленные против свободы принятия человеком волевого решения относительно своего поведения (например, торговля людьми, принуждение); 2) преступные посягательства, непосредственным объектом которых являются отношения в области реализации физической свободы (в частности, похищение человека, незаконное лишение свободы, незаконное помещение в психиатрический стационар); 3) преступления, посягающие на состояние личной свободы в целом, характеризующееся сочетанием указанных выше форм ее проявления (использование рабского труда). Выделение названных групп посягательств на свободу человека позволит, с нашей точки зрения, не только упорядочить последние внутри исследуемой системы, но и выявить преступные деяния, отнесенные к системе преступлений против личной свободы человека без достаточного учета их основного непосредственного объекта;

4) свойство упорядоченности элементов, составляющих исследуемую систему, которое обусловлено внутренней иерархичностью данной системы. Необходимость научно обоснованного расположения элементов системы преступлений и соответствию норм об ответственности за их совершение неоднократно подчеркивалась в юридической литературе (в частности, Ю.И.Ляпуновым, П.Я.Мшвениерадзе [9, с. 27]). При этом в качестве критерия, определяющего последовательность внутрисистемного размещения тех или иных преступлений, М.Д.Шаргородский рекомендовал использовать принцип перехода «от более тяжких составов к более мягким, либо наоборот» [10, с. 126]. С точки зрения односложных объектов, не предполагающих каких-либо форм проявления (например, жизнь человека), это, действительно, наиболее рациональный подход к обеспечению внутрисистемного расположения соответствующих посягательств. Что касается исследуемой системы преступлений, то множественность форм реализации личной свободы человека не допускает возможности тотального использования предложенного М.Д.Шаргородским критерия. В то же время цель упорядочения рассматриваемых посягательств на основе учета степени их тяжести может быть достигнута посредством применения данного критерия относительно каждой из выделенных нами подсистем (классификационных групп);

5) свойство преемственности. Система преступлений против личной свободы не является

застывшим нормативным образованием. При этом все изменения данной системы имеют не произвольный или исключительно технико-юридический характер, а всегда соответствуют и адекватны социальным основаниям криминализации. Последние, преломляясь через волю законодателя, в свою очередь изменялись и изменяются под влиянием изменений, происходящих в сфере государственной политики, в системе ценностных ориентиров общества, в области социально-экономического уклада жизни государства и т.д. В этом отношении система преступлений против личной свободы человека подчинена основным законам диалектики: как и любое иное системное образование, исследуемая система находится в постоянном развитии, причем такое развитие не всегда поступательное и прогрессивное, что в принципе соответствует цикличности развития общества как сложной социальной системы. Правда, необходимо отметить, что в тех случаях, когда отсутствует поступательность в развитии законодательного оформления системы преступлений против личной свободы человека, данный недостаток, как правило, восполняется достижениями уголовно-правовой мысли, что подтверждается ретроспективным исследованием доктрины и законодательства в исследуемой области.

В части наиболее типичных посягательств на свободу человека (незаконного лишения свободы, похищения человека и др.) содержательный состав исследуемой системы преступлений сохраняет относительную устойчивость. Сказанное дает основание заключить о наличии исторической преемственности как аспекте проявления рассматриваемого свойства системы преступлений против личной свободы.

Выделенные нами свойства исследуемой системы преступлений позволяют определить последние в качестве *целостной, социально обусловленной и структурно обособленной в рамках уголовного закона упорядоченной совокупности однородных преступлений, непосредственно направленных против личной свободы человека как объекта уголовно-правовой охраны.*

Заключение

Исследование преступлений против личной свободы человека через призму общесистемных свойств позволяет отметить следующее:

1) преступления против личной свободы в качестве системного образования могут быть определены как целостная, социально обусловленная и структурно обособленная в рамках уголовного закона упорядоченная совокупность однородных преступлений, непосредственно направленных против названного объекта уголовно-правовой охраны;

2) в системе преступлений против личной свободы представляется возможным выделять следующие подсистемы (классификационные группы): 1) преступления, непосредственно направленные против свободы принятия человеком волевого решения относительно своего поведения; 2) преступные посягательства, непосредственным объектом которых являются отношения в области реализации физической свободы; 3) преступления, посягающие на состояние личной свободы в целом, характеризующееся сочетанием указанных выше форм ее проявления;

3) отмеченные выше свойства исследуемой системы преступлений определенно указывают на необходимость реформирования действующего уголовного закона в части не только организационной формы представления системы данных преступлений, но и корректировки внутрисистемного расположения последних;

4) для обеспечения структурного и функционального единства исследуемой системы преступлений представляется целесообразным исключить из главы 22 УК нормы об ответственности за преступления против чести и достоинства человека, отразив соответствующие изменения в названии главы;

5) для достижения цели внутрисистемного упорядочения рассматриваемых посягательств видится целесообразным применение критерия перехода от более тяжких преступлений к менее тяжким относительно каждой из выделенных нами классификационных групп.

Рассмотрение преступлений против личной свободы человека в качестве системного образования указывает на необходимость совершенствования законодательства и в части конкретизации перечня составляющих это образование деяний, однако обсуждение данной проблемы — предмет отдельного исследования.

ЛИТЕРАТУРА

1. Философский словарь / под ред. И.Т. Фролова. — 7-е изд., перераб. и доп. — М.: Республика, 2001. — 719 с.

2. Панкратов, В.В. Уголовно-правовая охрана личной свободы: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / В.В. Панкратов. – Екатеринбург., 1999. – 155 л.
3. Смитиенко, В.Н. Уголовно-правовая охрана здоровья населения в СССР / В.Н. Смитиенко. – Киев: Выща шк., 1989. – 242 с.
4. Уголовное право. Общая часть: учеб. / Н.А. Бабий [и др.]; под ред. В.М. Хомича. – Минск: Тетей, 2002. – 496 с.
5. Курс уголовного права. Общая часть: в 5 т. / под. ред. Н.Ф. Кузнецовой, И.М. Тяжковой. – М.: ИКД Зерцало-М, 2002. – Т. 1: Учение о преступлении. Учебник для вузов. – 624 с.
6. Гражданские права человека: современные проблемы теории и практики / П.В. Анисимов [и др.]; под ред. Ф.М. Рудинского. – 2-е изд. – М.: ЗАО «РФ «Мир», 2006. – 475 с.
7. Маршакова, Н.Н. Классификация в российском уголовном законодательстве (теоретико-прикладной анализ): автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Н.Н. Маршакова; Нижегород. акад. МВД России. – Н. Новгород, 2006. – 30 с.
8. Уголовное право Республики Беларусь. Особенная часть: учеб. пособие / Н.Ф. Ахраменка [и др.]; под ред. Н.А. Бабя, И.О. Грунтова. – Минск: Новое знание, 2002. – 912 с.
9. Ляпунов, Ю.И. Основы систематизации норм Особенной части уголовного права / Ю.И. Ляпунов, П.Я. Мшвениерадзе // Правоведение. – 1985. – № 3. – С. 25–33.
10. Шаргородский, М.Д. Избранные труды / М.Д. Шаргородский. – СПб.: Юрид. центр Пресс, 2004. – 657 с.

Дата поступления статьи в редакцию 05.10.2012

УДК 343.346:343.9

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА ДОРОЖНО-ТРАНСПОРТНОГО ПРОИСШЕСТВИЯ

ВЕЧЕРСКИЙ Д.А.,

аспирант Белорусского государственного университета

В статье рассматривается дорожно-транспортное происшествие как система, состоящая из определенных элементов и проходящая различные этапы в процессе своего развития.

Road accident is reviewed in the article as a system with certain elements passing certain stages in its development process.

Выявление признаков преступления (в том числе и дорожно-транспортного происшествия (далее – ДТП) предполагает решение определенных практических задач, теоретические основы которых задаются уголовно-правовой характеристикой преступления и его криминалистическим исследованием.

Наиболее распространенным понятием, определяющим эту деятельность, является криминалистическая характеристика преступления, представляющая собой сведения о механизме преступления, его последствиях, личности субъектов преступления, месте и условиях его совершения и иных элементах, способствующих выбору направления, методов, средств и приемов раскрытия, расследования и предупреждения подобных преступлений на практике. Однако криминалистическая характеристика по своей сути является лишь совокупностью накопленной информации об абстрактном преступлении определенного вида. Так, А.Е.Гучок отмечает, что криминалистическая характеристика преступления понимается как информационная модель преступления, которой она в действительности не является [2, с. 41].

Криминалистическая характеристика преступления неприменима для описания преступной деятельности в виде системы элементов, объединенных некоторыми связями, проходящей в своем развитии определенные этапы, оставая законмерные отражения, позволяющие получить необходимую информацию об этой деятельности с помощью моделирования развития такой системы во времени.

Отечественной школой криминалистики разрабатывается концепция криминалистической структуры преступления – необходимой и дос-

таточной совокупности материальных объектов (элементов структуры), объединенных системой внутренней связи, обладающих определенными свойствами, которые обеспечивают возможность отражаться и воспринимать отражения в виде материальных и идеальных следов в результате взаимодействия, что обеспечивает достижение преступного результата в процессе развития системы этих элементов [2, с. 54]. Понятие криминалистической структуры преступления рассматривается в работах А.В.Дулова, Г.А.Шумака, А.В.Лапина, монографии А.Е.Гучка.

Эта концепция является результатом применения деятельностного и системного подходов к изучению преступления, на что указывал еще В.А.Образцов, утверждая, что данный феномен может рассматриваться как совокупность множества элементов, объединенных внутренними связями и имеющих внешние отношения, где определяющим элементом системы и системообразующим фактором выступает преступник [4, с. 10, 87].

Рассмотрим все элементы криминалистической структуры дорожно-транспортного происшествия. «Критерием выделения объектов в качестве элементов криминалистической структуры преступления является их свойство неизбежно и закономерно формировать следы при совершении любого преступления, которые могут быть обнаружены, зафиксированы, исследованы и изъяты и по которым может быть получена информация об объектах, оставивших данные следы» [2, с. 47].

В общем виде элементами криминалистической структуры преступления могут быть:

- субъект, совершающий преступление;
- объект преступного посягательства;

- средство совершения преступления;
- предмет преступного посягательства;
- предмет преступления [2, с. 48].

Каждый из этих элементов обладает различными свойствами и выполняет определенные функции в процессе развития криминалистической структуры преступления.

Для ДТП субъект, совершающий преступление, — это человек, водитель транспортного средства, выполняющий определенные действия в процессе развития криминалистической структуры преступления, как связанные с попыткой избежать общественно опасных последствий, так и совершаемые в неведении относительно их, при этом его действия в ДТП преимущественно происходят внутри транспортного средства, что определяет его связи с другими элементами криминалистической структуры ДТП и ее системным окружением, характеризует особенности слеодообразования при возникновении этих связей.

В криминалистической характеристике преступления водитель рассматривался бы как субъект, характеризующийся определенными свойствами — навыками управления транспортным средством, физическим состоянием, внимательностью, возможностью оценки дорожной обстановки, осознанием ее опасности или неопасности и так далее, а в качестве элемента криминалистической структуры ДТП он должен рассматриваться как материальный объект, реализующий эти свойства во взаимосвязи с другими элементами путем некоторой деятельности (например, выбор скорости, маневрирование, торможение), результатом чего является их взаимное отражение и отражение в системном окружении.

Объект преступного посягательства в криминалистике рассматривается иначе, чем при уголовно-правовой характеристике элементов состава преступления, он представляет собой материальную систему, на которую направлено преступное посягательство [2, с. 50–51], — это потерпевший, человек, также выполняющий некоторые действия в процессе развития ДТП, в результате чего его жизни или здоровью наносится вред. Следует отметить, что его характеристика в качестве слеодообразующего и следовоспринимающего объекта, а также в качестве субъекта, выполняющего некоторые действия, существенно зависит от того, в каком качестве — пешехода или пассажира транспортного средства — он выступает.

Средство совершения преступления как элемент криминалистической структуры — это все предметы и явления материального мира, которые так или иначе взаимодействовали при совершении преступления и несут о нем информацию [2, с. 52]. При совершении ДТП этим элементом является транспортное средство как источник повышенной опасности. Хотя непо-

средственно смерть или телесные повреждения потерпевших могут быть обусловлены взаимодействием с другими объектами или системным окружением, средством совершения будет именно транспортное средство с его специфическими свойствами (масса, скорость, направление движения и так далее), потому как именно эти свойства находятся в причинно-следственной связи с наступившими общественно опасными последствиями, а также находятся под контролем и управлением субъекта криминалистической структуры ДТП.

Предметы преступного посягательства и преступления в криминалистической структуре ДТП, по нашему мнению, отсутствуют, так как данное преступление совершается исключительно в отношении объектов преступного посягательства посредством совершения преступления вследствие неосторожности субъекта преступления.

Криминалистическая структура преступления как система обладает внутренними связями между ее элементами, а также внешними связями с системным окружением, благодаря чему происходит взаимодействие как внутри системы, так и вне ее, элементы структуры получают возможность отражаться и воспринимать отражения вследствие реализации своих свойств [2, с. 50, 54], при этом элементы криминалистической структуры связаны как с самим преступлением, так и с обстоятельствами, предшествовавшими, сопутствующими и последовавшими за ним.

Совершение ДТП, являясь неосторожным преступлением, проходит в своем развитии следующие этапы:

1) развитие событий, совершение субъектом действий до начала преступления, которые объективно становятся причиной наступления преступного результата;

2) совершение преступления. Заключается в течении процессов, являющихся результатом всех предшествовавших событий или действий субъекта;

3) сокрытие следов преступления и собственных следов. Данный этап представляет собой систему умышленных, заранее не запланированных и не подготовленных действий субъекта преступления и в некоторых неосторожных преступлениях отсутствует [5, с. 79–80].

На каждом из этих этапов элементы криминалистической структуры обмениваются информацией, энергией или массой между собой и с системным окружением — именно в таком взаимодействии возникают и разрушаются связи между ними в процессе развития криминалистической структуры во времени.

Преступление развивается в определенной среде, системном окружении, которое представляет собой «совокупность всех объектов, изме-

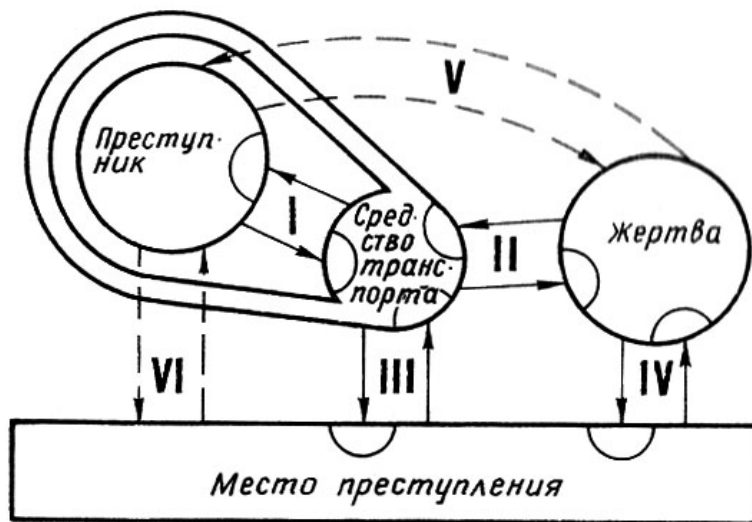

Рисунок. Схема системы следов дорожного происшествия

нение свойств которых влияет на систему и на которые влияет изменение свойств системы» [2, с. 65]. Применительно к конкретному преступлению материальная среда его совершения может быть обозначена как место происшествия [2, с. 67].

При осмотре места ДТП следует иметь в виду, что его системное окружение, как правило, в пространстве располагается вдоль траекторий движения транспортных средств участников непосредственно перед совершением этого ДТП и зачастую следы в системном окружении могут находиться на значительном расстоянии от места преступления. На месте же преступления наряду с основной массой следов в системном окружении находятся также сами элементы криминалистической структуры преступления.

О.М.Глозов предлагает следующую схему системы следов дорожного происшествия (см. рисунок).

Стрелками указан следовой перенос (процесс возникновения следов), а римскими цифрами – следовой контакт (форма связи, взаимодействие двух элементов, в результате которого возникают следы) [6, с. 91, 92, 95].

Также он указывает на парное взаимодействие – «структурный элемент системы, состоящий из двух элементов взаимодействия... следового контакта между ними и пары взаимных следовых переносов» [6, с. 92], отмечая, что «при практическом исследовании места происшествия систему следов следует изучать, разбив ее мысленно на соответствующие парные взаимодействия», потому что при доказывании они удостоверяют факт взаимного контакта [6, с. 94].

Рассматривая указанную схему совместно с этапами совершения неосторожного преступле-

ния, можно представить криминалистическую структуру ДТП в виде таблицы (см. таблицу).

Что же касается ценности понятия криминалистической структуры ДТП для осмотра места его совершения, то А.В.Дулов утверждает, что «установление криминалистической структуры преступления... направлено на то, чтобы существенно облегчить следователю выявление, фиксацию и систематизацию фактов, воссоздание общей картины имевшего место события» [3, с. 38], то есть непосредственно на достижение целей этого осмотра. Криминалистическая структура закономерно отображается в каждом ДТП, хотя особенности ее элементов проявляются индивидуально, причем это проявление, взаимодействие элементов структуры оставляет определенные следы, которые также закономерно и имеют типичные черты – криминалистические признаки, которые выявляются в процессе осмотра.

А.В.Дулов полагает, что представление о криминалистической структуре преступления дает возможность свести всю первичную информацию в единую мысленную модель, видеть как взаимосвязи между отдельными фактами, так и недостающие звенья, которые следует установить в ходе расследования [1, с. 285].

Таким образом, система преступления и связи между его элементами позволяют правильно и оптимально организовать осмотр, в полной мере достичь его целей, представить его модель в динамике и статике, механизм слефообразования и особенности его отражения в целом.

Подобного рода знание делает работу познающего субъекта целенаправленной и экономичной, позволяет находить оптимальные решения по извлечению необходимой ему информации с места ДТП.

Криминалистическая структура дорожно-транспортного происшествия

Этап	Взаимодействующие объекты	Возникающие отражения
Развитие событий, совершение субъектом действий до начала преступления	Субъект, совершающий преступление, – средство совершения преступления	Следы от виновника ДТП на транспортном средстве и следы от транспортного средства на виновнике ДТП
	Объект преступного посягательства – системное окружение	Следы от потерпевших в ДТП на транспортных средствах, дорожном покрытии, объектах организации дорожного движения, прилегающей территории и объектах и от транспортных средств, дорожного покрытия, объектов организации дорожного движения, прилегающей территории и объектов на потерпевших в ДТП
	Средство совершения преступления – системное окружение	Следы от транспортных средств и отделившихся от них частей на дорожном покрытии, объектах организации дорожного движения, прилегающей территории и объектах и от дорожного покрытия и объектов организации дорожного движения, прилегающей территории и объектов на транспортных средствах и отделившихся от них частях
Совершение преступления	Субъект, совершающий преступление, – средство совершения преступления	Следы от виновника ДТП на транспортном средстве и следы от транспортного средства на виновнике ДТП
	Средство совершения преступления – объект преступного посягательства	Следы от транспортных средств и отделившихся от них частей на потерпевших в ДТП и следы от потерпевших в ДТП на транспортных средствах и отделившихся от них частях
	Средство совершения преступления – системное окружение	Следы от транспортных средств и отделившихся от них частей на транспортных средствах, дорожном покрытии, объектах организации дорожного движения, прилегающей территории и объектах и от транспортных средств, дорожного покрытия и объектов организации дорожного движения, прилегающей территории и объектов на транспортных средствах и отделившихся от них частях
	Объект преступного посягательства – системное окружение	Следы от потерпевших в ДТП на транспортных средствах, дорожном покрытии, объектах организации дорожного движения, прилегающей территории и объектах и от транспортных средств, дорожного покрытия, объектов организации дорожного движения, прилегающей территории и объектов на потерпевших в ДТП
	Субъект, совершающий преступление, – системное окружение	Следы от виновника ДТП на транспортных средствах, дорожном покрытии, объектах организации дорожного движения, прилегающей территории и объектах и от транспортных средств, дорожного покрытия, объектов организации дорожного движения, прилегающей территории и объектов на виновнике ДТП
Соккрытие следов преступления и собственных следов	Субъект, совершающий преступление, – системное окружение	Следы от виновника ДТП на транспортных средствах, дорожном покрытии, объектах организации дорожного движения, прилегающей территории и объектах и от транспортных средств, дорожного покрытия, объектов организации дорожного движения, прилегающей территории и объектов на виновнике ДТП
	Субъект, совершающий преступление, – объект преступного посягательства	Следы от виновника ДТП на потерпевших в ДТП и следы от потерпевших в ДТП на виновнике ДТП
	Объект преступного посягательства – системное окружение	Следы от потерпевших в ДТП на транспортных средствах, дорожном покрытии, объектах организации дорожного движения, прилегающей территории и объектах и от транспортных средств, дорожного покрытия, объектов организации дорожного движения, прилегающей территории и объектов на потерпевших в ДТП

ЛИТЕРАТУРА

1. Криминалистика: учеб. пособие / А.В. Дулов [и др.]; под ред. А.В. Дулова. – Минск: Экоперспектива, 1996. – 415 с.
2. Гучок, А.Е. Криминалистическая структура преступления / А.Е. Гучок. – Минск: БГУ, 2007. – 152 с.
3. Дулов, А.В. Основы расследования преступлений, совершенных должностными лицами / А.В. Дулов. – Минск: Университетское, 1985. – 168 с.
4. Образцов, В.А. Выявление и изобличение преступника / В.А. Образцов. – М.: Юристъ, 1997. – 336 с.
5. Басалаев, А.Н. Следы преступления / А.Н. Басалаев, В.А. Гуняев // Вопросы совершенствования предварительного следствия: сб. ст. – Вып. 4 / Прокуратура СССР, Ин-т усовершенствования следственных работников органов прокуратуры и МВД СССР; отв. ред. А.А. Любавин. – Ленинград, 1976. – С. 73–88.
6. Глотов, О.М. Следы преступления как система / О.М. Глотов // Там же. – С. 89–98.

Дата поступления статьи в редакцию 01.10.2012

ЮРИДИЧЕСКАЯ ТЕХНИКА В ДОГОВОРНОЙ ПРАКТИКЕ СОДРУЖЕСТВА НЕЗАВИСИМЫХ ГОСУДАРСТВ

ВЕЖНОВЕЦ В.Н.,

советник Исполнительного комитета Содружества Независимых Государств,
кандидат юридических наук, доцент

МУКАШЕВ С.И.,

советник Исполнительного комитета Содружества Независимых Государств,
кандидат юридических наук

В статье анализируются правила и элементы юридической техники, содержащиеся в Методических рекомендациях Совета министров иностранных дел Содружества Независимых Государств по разработке проектов международных договоров, заключаемых в рамках Содружества.

In the article the regulations and the legal elements of the technology in the Methodological recommendations of the Council of the Commonwealth of Independent States Foreign Ministers on the development of projects of international agreements concluded within the Commonwealth are analysed.

В декабре 2011 года Содружество Независимых Государств (далее – СНГ, Содружество) отметило свое двадцатилетие. За этот период государствами – участниками СНГ пройден путь, который нельзя оценить однозначно. Имели место достижения и промахи, удачи и разочарования. И тем не менее в рамках Содружества удалось сформировать солидную международную правовую базу сотрудничества, включающую по состоянию на 2012 год свыше трех тысяч двусот документов, в том числе более 500 договоров (соглашений, конвенций, протоколов и т.д.), определяющих параметры сотрудничества одиннадцати суверенных государств в различных областях.

Дальнейшие перспективы СНГ во многом зависят от эффективности правотворческой деятельности, направленной на формирование и совершенствование правовой базы. В оптимизации этой деятельности заинтересованы все государства Содружества. Наглядным подтверждением тому является создание в соответствии с решением Совета министров иностранных дел СНГ от 15 сентября 2004 г. Консультативного комитета руководителей правовых служб министерств иностранных дел государств – участников СНГ, в рамках которого обсуждаются самые

разнообразные международно-правовые аспекты деятельности Содружества, включая вопросы совершенствования его правовой базы.

Значительное количество принятых в рамках Содружества правовых актов свидетельствует о том, что правотворческая деятельность СНГ, а также его государств-участников весьма интенсивна. Однако она все еще далека от совершенства, не лишена определенных недостатков.

Анализ международных соглашений, заключенных в рамках Содружества, показал, что большинство из них по-прежнему представляют собой договоры рамочного характера, определяющие лишь общие контуры взаимодействия государств, его базовые принципы. Однако если на начальном этапе сотрудничества государств – участников СНГ такие документы действительно играли весьма важную положительную роль, определяя ключевые направления интеграции, то в современных условиях очевидна потребность в документах иного рода, а именно регламентирующих конкретные сферы деятельности Содружества и взаимодействия государств-участников, предусматривающих в том числе реальную ответственность за их невыполнение. Во избежание таких недостатков в конструировании и проектировании международных догово-

ров необходимо соблюдение правил юридической техники.

Вопрос юридической техники как самостоятельная научная проблема занимает особое место в доктрине международного публичного права. Впервые термин «юридическая техника» ввел в научный оборот в XIX веке немецкий юрист Рудольф Иеринг. В 1906 году в Санкт-Петербурге издана его книга «Юридическая техника». Выводы ученого о том, что составление законов необходимо осуществлять по заранее продуманным правилам, не утратили актуальности и в настоящее время. В дореволюционный период значительный вклад в исследование данной научной проблемы внесли В.Катков, Н.Таганцев и др.

В последние годы в российской правовой литературе появились научные труды по данной проблематике ученых Ю.Тихомирова, Т.Кашаниной, Д.Ковачева и др.

Как отмечает Ю.Тихомиров, юридическая техника есть система правил познавательно-логического и нормативно-структурного формирования правового материала с целью подготовки текста правового акта. Эти правила можно разделить на взаимосвязанные группы познавательно-юридические, нормативно-структурные, языковые, документально-технические, процедурные. Каждая группа, в свою очередь, состоит из совокупности конкретных правил, предусматривающих определенные действия и использование приемов [3, с. 152–153].

Т.Кашанина дает следующее определение юридической техники. Юридическая техника – это совокупность различных правил проведения юридической работы и составления правовых документов. При этом автор выделяет содержательные правила, правила логики, структурные правила, языковые правила, формальные (реквизитные) требования, процедурные правила [2, с. 23–25].

Подытоживая вышесказанное, можно резюмировать, что тщательно отработанный текст правового акта, в нашем случае международного договора, является ключевым условием его высокого качества. Только в такой ситуации он облегчит правильное понимание правовых предписаний и предусматриваемых в них юридически значимых действий. Игнорирование правил юридической техники в процессе проектирования и конструирования международного договора, нечетко выраженные цель и предмет правового регулирования, другие юридические ошибки резко снижают эффективность правовой базы Содружества.

Как отмечается в Концепции дальнейшего развития Содружества Независимых Государств, одобренной решением Совета глав государств СНГ от 5 октября 2007 г., повышение эффективности деятельности Содружества будет

основной задачей наступающего этапа развития СНГ. Потребуется выход на единое понимание по вопросам правового статуса решений органов СНГ, обеспечения выполнения государствами взятых обязательств, мониторинга их реализации.

В этом контексте важным условием реализации поставленной задачи является повышение уровня правотворческой деятельности в рамках СНГ. В определенной мере этому могут способствовать обновленные Методические рекомендации по разработке проектов международных договоров, заключаемых в рамках Содружества Независимых Государств, утвержденные решением Совета министров иностранных дел СНГ от 28 марта 2008 г.

Методические рекомендации в новой редакции определяют порядок разработки проектов международных договоров, заключаемых в рамках СНГ, тогда как в первоначальном варианте речь шла о разработке международно-правовых документов СНГ. Рекомендации в новой редакции не претерпели существенных изменений как по структуре, так и по содержанию текста правового акта и содержат основные условия, предъявляемые к проекту договора, его структуре, языку изложения, порядку оформления.

В разделе «Юридическая техника», который предваряет основную часть Рекомендаций, содержатся общие требования, предъявляемые к проекту договора. К ним относятся: полнота правового регулирования соответствующей сферы отношений; отсутствие противоречий как в самом проекте договора, так и с другими нормами международного права; ясность, простота и доступность языка изложения; логическая последовательность изложения текста договора, краткость изложения положений, исключающих дублирование правовых установлений, конкретность и точность формулировок положений, единообразие понятий и терминов.

Качество вырабатываемых правовых актов и формирование сбалансированной правовой базы во многом зависят от работы, которая проводится на подготовительной стадии. Прежде чем приступить к проектированию правового акта, экспертам государств – участников СНГ рекомендуется определить, существует ли в действительности проблема, требующая урегулирования на межгосударственном уровне. Важно, чтобы необходимость в заключении договора была не искусственно созданной, а обусловлена реальными потребностями и интересами государств – участников Содружества.

Практика показывает, что правовым решениям неизбежно сопутствуют юридические ошибки, и в первую очередь – неправильный выбор предмета регулирования в той или иной сфере международных отношений. В этой связи рекомендации четко оговаривают, что название

и содержание проекта договора должны соответствовать его предмету, при этом проект не должен содержать положения, выходящие за пределы его предмета.

К не менее важным рекомендациям на стадии подготовки проекта договора следует отнести осуществление детального анализа фактического состояния правового регулирования в соответствующей сфере. Экспертам необходимо изучить весь массив международно-правовых документов, обозначенных в качестве ссылок в тексте проекта, определить, являются ли они действующими, а также какие из их положений должны сохранить свою силу, а какие подлежат изменению, дополнению и признанию утратившими юридическую силу в связи с подготовкой и принятием в будущем нового правового акта. В процессе этой работы следует также определить возможные противоречия, пробелы и другие недостатки в действующих документах в целях их устранения.

В тексте проекта не воспроизводятся правовые предписания, содержащиеся в других международных правовых актах. При необходимости увязываются правовые установления проекта с другими действующими правовыми актами, при этом на последние должны быть сделаны ссылки. Ключевым моментом является определение возможных последствий заключения договора.

Межгосударственное сотрудничество в любой сфере международных отношений осуществляется путем заключения договоров и других официальных документов, из чего вытекает особая значимость их юридического текста. Он должен быть ясно и недвусмысленно понят как странами – участницами договора, так и третьими государствами. Правильное понимание текстов правовых документов правоприменителями является условием нормального развития межгосударственных отношений.

По нашему мнению, одной из форм совершенствования нормотворческой деятельности в СНГ является унификация правовой терминологии, используемой разработчиками проектов документов. Требование единства терминологии означает, что однажды употребленное в международном правовом документе словесное выражение (термин), предназначенное для обозначения юридического понятия определенной сферы межгосударственного сотрудничества, в других правовых документах той же направленности должно применяться в таком же значении. При обозначении разных, не совпадающих между собой по значению правовых понятий не следует употреблять один и тот же термин. Это требование должно относиться как к модельному законодательному акту, так и ко всем договорам, заключенным в рамках СНГ.

Наиболее жестко и последовательно принцип единства юридической терминологии должен соблюдаться в пределах как одного правового документа, так и всей правовой базы Содружества.

Несоблюдение этого принципа ведет к существенным нарушениям требований юридической техники. Однако на практике при подготовке проектов договоров этому не всегда придается должное значение.

В целях обеспечения унификации правовой терминологии можно предложить применение правил выбора термина и установления его значения, которые определяют, что термины в отличие от иных слов направлены на четкое отображение смыслового выражения социально организованной деятельности и имеют социально-обязательный характер. Термин характеризуется четкой сферой его применения, а также точным соотношением слова и отображаемого им объекта действительности.

К основным признакам юридических терминов относятся:

адекватность отражения содержания понятия, смысловая однозначность, стилистическая нейтральность;

логическая соотнесенность с другими родовыми терминами;

простота и доступность понимания терминов, изложенных в договорах СНГ, не наносящие ущерба полноте и точности правовых предписаний.

Для обеспечения унификации правовой терминологии необходимо также соблюдение правил использования полисемии, синонимии, антонимии, омонимии.

В разрабатываемых проектах договоров СНГ не следует допускать полисемии (многозначности), то есть обобщения незаметного сходства предметов, явлений, включения разовых значений в пределах одного слова. Термины, используемые в тексте документа, должны быть тождественными по смыслу и содержанию и формулироваться с использованием общепринятых слов и словосочетаний. Для обозначения одних и тех же понятий нужно использовать одни и те же термины, а разные понятия обозначать различными терминами. Необходимо соблюдать принцип единства юридической терминологии, употреблять минимум синонимов для обозначения одних и тех же понятий.

Если термины имеют несколько значений или значение, отличающееся от обычного, в тексте следует указать, какое значение придается термину, с тем чтобы обеспечить правильное толкование документа.

При использовании понятий следует исходить из общепризнанных определений, содержащихся в толковых и/или энциклопедических словарях.

Терминология, используемая в проекте договора СНГ, должна соответствовать терминологии, используемой в международной практике, правовых актах ООН и СНГ, в первую очередь заключенных/принятых по тому же вопросу, и по возможности в национальном законодательстве государств – участников Содружества, участвующих в его разработке.

Специальные обозначения в договоре СНГ следует использовать только в том понимании, в каком они употребляются в соответствующей сфере межгосударственных отношений. В необходимых случаях специальные обозначения должны поясняться в документе с расшифровкой малоизвестных юридических, технических и других специальных терминов. В тексте проекта не допускается употребление нечетких формулировок, обобщенных рассуждений, аббревиатур, за исключением общеизвестных терминов.

При использовании антонимической пары не следует отступать от принципа симметричности. Антонимы – слова, относящиеся к одной смысловой группе, но имеющие противоположные значения, используются в юридической технике для обозначения контрастных явлений [1, с. 137].

Следует избегать употребления терминов с разным значением и одинаковым звуковым составом. Слово-омоним должно быть адаптировано предложением текста статьи или части текста правового акта. Не рекомендуется употреблять в предложении или части текста два слова-омонима.

Юридические понятия (дефиниция, то есть краткое определение какого-либо понятия, отражающее его существенные признаки) органически включаются в механизм правового регулирования, определяя его общие основы. [4, с. 74]. Дефиниция становится самым распространенным приемом юридической техники, используемой при проектировании договоров, заключаемых в рамках СНГ, а также конструировании их правовых предписаний.

Включение в договорный текст дефиниций исключает многозначность толкования смысла правовых предписаний, позволяет единообразно и адекватно воле государств-подписантов применять договор. По нашему мнению, существенной особенностью договорных дефиниций является то, что государства дают юридическому термину определения, аккумулирующие в себе все существующие для применения соответствующего правового предписания признаки. Чем более совершенны определения правовых понятий, тем меньше степень неопределенности в действиях правоприменителей, а также уровень конфликтности в межгосударственных отношениях.

В целях обеспечения общего правового пространства Содружества, единообразного и унифицированного понимания правовых предписа-

ний в проектах текстов договоров, а также модельных законодательных актов целесообразно вводить дефиниции в тех случаях, если:

термин обозначает явления или процессы, которые ранее не находили отражения в договорной практике СНГ;

понятия оформлены с помощью слов, которые вследствие частого употребления в речи вызывают множественные смысловые ассоциации;

понятия по-разному трактуются как наукой, так и практикой;

используются специальные юридические или технические термины;

данное понятие редко встречается в международной правовой практике.

Представляется важным при дефинировании отражать только те существенные признаки, которые имеют первоочередное значение, необходимые для правильного и единообразного применения правовых предписаний, при этом должна быть исключена двусмысленность их толкования.

В последние годы в правотворческом процессе Содружества наблюдается тенденция включения основных понятий в текст правового акта двумя основными способами: в небольших по объему актах из дефиниций составляет особая, как правило, первая статья; в значительных по объему актах (например, договорах или конвенциях с приложениями к ним), содержащих большое количество дефиниций, такие статьи конструируются отдельно в основном документе и отдельно в приложениях. Это в значительной степени упрощает работу с документами.

К ошибкам, допускаемым при конструировании правовых актов Содружества, можно отнести нарушения логической последовательности изложения текста. Логика правового акта, по нашему мнению, – это система связей между его структурными образованиями, характеризующая документ как единое целое. При этом система связей должна обеспечивать смысловое единство правового акта, его целостность, обусловленную функциональным предназначением регулирования определенного вида межгосударственных отношений. Можно попытаться выделить основные требования к логике изложения правового акта.

Наиболее часто нарушения логической последовательности изложения текста встречаются в тех договорах, когда за чрезмерно возвышенной, торжественной формой теряется регулятивное предписание. Нередко, желая подчеркнуть особую значимость договорного акта, его роль в регулировании межгосударственных отношений, государства-подписанты применяют выражения и формулировки с обоснованием собственной значимости, носящие декларативный характер.

На наш взгляд, любой правовой акт СНГ, и в первую очередь договор, должен представлять собой единый правовой механизм, направленный на регулирование определенного вида межгосударственных отношений. Не менее важным требованием является логическая последовательность изложения правовых предписаний, предполагающая гармоничное согласование всех структурных элементов, составляющих документ, их изложение в определенной последовательности и взаимосвязи между собой. Статьи и пункты договорного акта, главы, разделы и другие структурные элементы

должны вытекать друг из друга, быть органически связанными между собой, проистекать из них и дополнять их. Связанные между собой по смыслу правовые предписания более полно и точно раскрывают их содержание, оказывая позитивное воздействие на правоприменителя.

Таким образом, неуклонное соблюдение правил юридической техники в договорной практике СНГ относительно логики, стиля и языка изложения, на наш взгляд, будет способствовать совершенствованию и улучшению практики ее реализации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Безбородов, Ю.С. Международно-правовые модельные нормы и модельные акты: соотношение категорий / Ю.С. Безбородов // Правоведение. – 2004. – № 3. – С. 137.
2. Кашанина, Т.В. Логика права как элемент юридической техники / Т.В. Кашанина // Журн. рос. права. – 2008. – № 2. – С. 23–25.
3. Качество закона и проблемы юридической техники. Обзор научно-практической конференции // Там же. – С. 152–153.
4. Лоте, Д.О. Основы построения правовой терминологии / Д.О. Лоте. – М., 1961. – 126 с.

Дата поступления статьи в редакцию 28.02.2012

ПРАВО ЧЕЛОВЕКА НА БЛАГОПРИЯТНУЮ ОКРУЖАЮЩУЮ СРЕДУ: МЕЖДУНАРОДНЫЕ И НАЦИОНАЛЬНЫЕ МЕХАНИЗМЫ ЗАЩИТЫ

ДОВГАНЬ Е.Ф.,

доцент кафедры международного права факультета международных отношений Белорусского государственного университета, кандидат юридических наук

В статье автор раскрывает понятие экологических прав человека, включая право на благоприятную окружающую среду, рассматривает возможные механизмы защиты данного права на международном уровне и в Республике Беларусь.

The article concerns the notion of human rights in the sphere of the environment including the right to healthy environment. It also makes an overview of possible mechanisms of protection of the right under consideration both at the international level and in the Republic of Belarus.

Проблеме экологических прав человека (далее – ЭПЧ) стало уделяться значительное внимание во второй половине XX века. Ухудшающееся состояние окружающей среды (далее – ОС) требовало постоянного интереса со стороны государств и международных организаций. В данный период также стало очевидно, что поддержание благоприятного состояния ОС является неотъемлемым элементом благосостояния каждого человека, народа, человечества в целом. Более того, без организации должной охраны окружающей среды (далее – ООС) невозможно достижение целей устойчивого развития и безопасности.

Поскольку проблемы ООС оказывают существенное влияние на жизнь каждого человека, в доктрине стало уделяться значительное внимание ЭПЧ, как индивидуальным, так и коллективным (Э.Ф.Нурмухамедова [1], А.А.Третьякова [2], М.И.Васильева [3]). В указанных работах, однако, акцент делается на понятие и статус таких прав. Исследования, посвященные механизмам их защиты, носят единичный характер (М.Т.Асеев [4]). В связи с этим определение статуса ЭПЧ, включая право на благоприятную окружающую среду (далее – ПБОС), и выявление возможных механизмов их защиты на международном и национальном уровнях являются, несомненно, актуальными в современном международном праве.

Понятие и содержание ПБОС. Роль ООС в части обеспечения прав отдельных лиц и народов закреплена в международно-правовых до-

кументах. В частности, в принятой 3 декабря 1968 г. резолюции Генеральной Ассамблеи ООН (далее – ГА ООН) № 2398/XXIII «Проблемы окружающей человека среды» признается роль благоприятной ОС для соблюдения основных прав человека (далее – ПЧ) [5]. Африканская хартия прав человека и народов 1986 года закрепляет право народов на удовлетворительное состояние ОС, способствующее их развитию (ст. 24) [6]. Сан-Сальвадорский протокол 1989 года к Американской конвенции прав человека говорит о праве на достойную ОС (ст. 11) [7].

Стокгольмская декларация 1972 года прямо признает значение ОС для благосостояния отдельных лиц и народов и связывает его с иными ПЧ, включая право на жизнь (принцип 1) [8]. Тот же подход отражен в резолюции ГА ООН 45/94 от 14 декабря 1990 г. (преамбула) [9]. Указанная резолюция также прямо провозглашает право всех людей «жить в окружающей среде, необходимой для их здоровья и благосостояния» (п. 1). Декларация Рио-де-Жанейро по окружающей среде и развитию 1992 года (далее – Декларация Рио 1992 года) связывает ПБОС с правом на развитие (принцип 1) [10].

Всемирная хартия природы 1982 года [11] и Орхусская конвенция о доступе к информации, участию общественности в процессе принятия решений и доступе к правосудию по вопросам, касающимся окружающей среды, 1998 года [12] (далее – Орхусская конвенция) фокусируются на обеспечении так называемых «процессуальных» ЭПЧ, а именно права на участие общест-

венности в принятии экологически значимых решений, доступа к экологической информации, правосудию.

Целый ряд документов связывает ПЧ на здоровую ОС и права в области природопользования с реализацией права народов на самоопределение (Декларация Рио 1992 года, принципы 22–23; Всеобщая декларация прав народов 1976 года, раздел V [13]; проект Декларации ООН о правах коренных народов 1994 года, преамбула, ст.ст. 26, 28 [14]).

Орхусская конвенция до настоящего момента остается единственным международным договором, закрепляющим хотя бы какие-то из ЭПЧ. Как следствие, несмотря на то что они упоминаются в значительном числе международных нормативных правовых актов, до настоящего момента ЭПЧ носят преимущественно декларативный характер, а само понятие ЭПЧ, и в частности ПБОС, остается достаточно неопределенным.

Доктринальные подходы к рассматриваемой проблеме в целом отражают ситуацию, имеющую место в нормативных правовых актах. Так, до настоящего момента неопределенными остаются *статус* и *квалификация* ПБОС и ЭПЧ в целом. Они рассматриваются либо как производная от общепринятых ПЧ первого (гражданские и политические права) или второго (экономические, социальные и культурные права) поколения [4, с. 452], либо как ПЧ третьего поколения [4, с. 454–460; 15, с. 252–282]. В рамках последнего подхода они определяются как «обеспечительные» – необходимые для защиты остальных прав [16, с. 238–239].

М.М.Бринчук настаивает на необходимости выделения ЭПЧ в отдельную категорию [17, с. 132], понимая под ними «*признанные и закрепленные в законодательстве права индивида, обеспечивающие удовлетворение разнообразных потребностей человека при взаимодействии с природой*» [17, с. 131]. В то же время М.И.Васильева считает, что ПБОС вообще трудно отнести к какой-либо конкретной категории прав и оно должно рассматриваться в связи с остальными [3, с. 22]. Э.Ф.Нурмухамедова не относит ПБОС (как коллективное право) к классическим категориям прав, а связывает его с правом народа на существование [1, с. 122].

Единство отсутствует также и относительно *классификации* ЭПИ, о месте в них ПБОС. Отдельные авторы (А.А.Третьякова) рассматривают ПБОС в качестве одного из ЭПЧ, так называемого «*фундаментального экологического права*», выделяя помимо него иные экологические права (в первую очередь процессуальные права) и смежные права (право на экологическую безопасность, право общего природопользования, право на жизнь и др.) [2, с. 126–127]. М.М.Бринчук говорит об основных конституционных правах (включающих, но не исчерпывающихся

ПБОС) и иных ЭПЧ [17, с. 131–132]. М.Н.Копылов, напротив, различает лишь ПБОС (в широком понимании) и процессуальные ПЧ [18, с. 197]. ПБОС также часто рассматривается либо как специальный принцип международного экологического права [18, с. 194; 19, с. 28–35], либо как совокупность таких принципов (принципы, закрепляющие ПБОС; обеспечивающие право на информацию; провозглашающие участие общественности в решении экологических проблем; декларирующие ответственность за обеспечение ООС) [20, с. 573].

Серьезные споры вызывает также отнесение каждого конкретного права к какой-либо из категорий ЭПЧ либо ПБОС как таковому [1, с. 111–112; 3, с. 22], равно как содержание данного права.

Единственный документ, в котором сделана попытка раскрыть содержание ПБОС, – проект декларации принципов ПЧ и ОС, разработанный подкомиссией ООН по предупреждению дискриминации и защите меньшинств в 1994 году [21], до сих пор остается на уровне проекта. Документ рассматривает право на здоровую, безопасную, благоприятную ОС как исключительно широкое, практически всеобъемлющее по отношению к экологическим правам понятие и включает в него:

- свободу от загрязнения, экологической деградации и действий, которые неблагоприятно воздействуют на ОС, угрожают жизни, здоровью, средствам к существованию, благополучию или устойчивому развитию внутри, около или за пределами национальных границ;
- защиту и охрану воздуха, земли, воды, морских льдов, флоры и фауны, основных процессов и территорий, необходимых для сохранения биологического разнообразия и экосистем;
- наивысший достижимый уровень здоровья, свободный от экологического ущерба;
- безопасную, здоровую пищу и воду для обеспечения их благосостояния;
- безопасную и здоровую ОС на рабочем месте;
- адекватное жилье, землевладение и условия жизни в безопасной, здоровой и экологически благоприятной ОС;
- своевременную помощь в случае природных, технологических или других вызванных человеком катастроф;
- справедливое получение выгод от сохранения и устойчивого использования природы и ее ресурсов в культурных, экологических, образовательных, оздоровительных, рекреационных, духовных целях и в целях получения средств к существованию;
- право коренных народов управлять своими землями, территориями и природными ресурсами и сохранять свой традиционный образ жизни;

- информацию, касающуюся ОС, включая информацию, собранную любым способом, о действиях и способе действий, которые могут влиять на ОС, и информацию, необходимую для того, чтобы сделать возможным эффективное общественное участие в принятии экологических решений;
- право иметь и выражать мнения, распространять идеи и информацию, касающуюся ОС;
- образование в сфере ОС и ПЧ;
- активное, свободное и значимое участие в планировании, принятии решений и процессах, которые могут повлиять на ОС и развитие;
- право свободно и мирно объединяться в целях защиты ОС или прав людей, пострадавших от ущерба, нанесенного ОС;
- эффективные средства судебной защиты и компенсацию в административном или судебном порядке за ущерб, нанесенный ОС, или угрозу такого ущерба (части II, III).

Споры возникают и относительно *субъекта* – *правообладателя* ПБОС и ЭПЧ в целом. В качестве такового называются: человечество в целом и будущие поколения [1, с. 110]*; человек, народ и человечество в целом [22, с. 10–11, 30]; человек и народ (общественность) [18, с. 196]. Иногда даже рассматривается вопрос наличия экологических прав у животных, растений, гор, рек и др. [23, с. 672].

Имеющая место неопределенность относительно понятия, перечня и содержания ЭПЧ и ПБОС имеет своим результатом разработку достаточно абстрактных, слабо связанных с правом формулировок. Например, Э.Ф.Нурмухамедова под ЭПЧ понимает «*неотчуждаемые, принадлежащие каждому человеку (с момента зачатия) права, основанные на принятии каждым определенных обязательств с целью поддержания пригодности биосферы для всего живого, для обеспечения существования современного общества и будущих поколений, взятых на себя каждым добровольно, в силу изменения сознания, мировоззрения и приобретения свойств экологического самообеспечения*» [1, с. 110].

Таким образом, в доктрине и нормативных правовых актах отсутствует единство относительно понятия, содержания, субъектов, механизмов обеспечения ПБОС равно как ЭПЧ в целом. На практике их можно отнести к ПЧ третьего поколения, которые принадлежат каждому человеку, народу и человечеству в целом.

Международные механизмы защиты ПБОС. На сегодняшний день международные механизмы (как судебные, так и контрольные), непосредственно направленные на обеспечение ПБОС, отсутствуют, в первую очередь в связи с

отсутствием закрепляющих данное право международных договоров.

Единственный принятый в данной области международный договор – Орхусская конвенция – непосредственно предоставляет возможность обращения физических лиц как представителей общественности в специальный международный орган (Комитет по соблюдению Орхусской конвенции) с сообщением о несоблюдении государством положений конвенции (ст. 15) [24; 25] в соответствии с разделом VI Решения I/7(2002) Совещания сторон Конвенции [26]. Следует при этом иметь в виду, что Конвенция касается не обеспечения ПБОС, а выполнения так называемых «процессуальных» ЭПЧ (право на участие общественности в принятии экологически значимых решений, доступ к экологической информации, доступ к правосудию), которые являются гораздо более узкими и конкретными. Более того, процедура рассмотрения сообщений направлена на выполнение Конвенции государством, а не на обеспечение прав конкретного лица. В частности, по итогам рассмотрения сообщения Совещание сторон может:

а) дать консультацию и оказать помощь отдельным Сторонам по вопросам, касающимся осуществления Конвенции;

б) дать рекомендации соответствующей Стороне;

в) просить соответствующую Сторону представить Комитету по вопросам соблюдения Орхусской конвенции информацию о стратегии действий по обеспечению соблюдения ее положений, включая сроки реализации этой стратегии, и сообщать о ходе осуществления этой стратегии;

д) в случае сообщений, получаемых от общественности, дать рекомендации соответствующей Стороне относительно конкретных мер по рассмотрению вопроса, поднятого представителем общественности;

е) сделать заявление о факте несоблюдения;

ф) сделать предупреждение;

г) временно лишить в соответствии с применимыми нормами международного права, касающимися приостановления действия какого-либо договора, соответствующую Сторону специальных прав и привилегий, предусмотренных в Конвенции;

h) принять другие неконфронтационные, несудебные и консультативные меры, которые могут быть целесообразными (п. 37 Решения I/7).

Иные международные органы, действующие в области защиты ПЧ и уполномоченные рассматривать индивидуальные жалобы, в частности Комитет ООН по правам человека (далее – КПЧ) и Европейский суд по правам человека (далее – ЕСПЧ), не обладают полномочиями

* В то же время автор сама определяет экологические права как права, принадлежащие каждому человеку.

рассматривать обращения о нарушении ПБОС, поскольку документы, на основании которых они действуют (Международный пакт о гражданских и политических правах 1966 года [27], Европейская Конвенция о защите прав человека и основных свобод 1950 года [28]), данное право не закрепляют.

Учитывая тесную связь между ПБОС и гражданскими и экономическими правами, оба указанных органа неоднократно рассматривали дела, связанные с нарушением ЭПЧ, если заявители связывали их с закрепленными в соответствующих документах правами. Так, нарушение ПБОС рассматривалось как нарушающее право на жизнь (ЕСПЧ: Повел и Райнер против Соединенного Королевства, 1990; КПЧ: ЕХП против Канады, 1980; Бордес и Темехаро против Франции, 1995), право на справедливое судебное разбирательство, на уважение частной и семейной жизни, свободу жилища и корреспонденции (ЕСПЧ: Гуерра и другие против Италии, 1996), право пользоваться своим имуществом (ЕСПЧ: Аронделле против Соединенного Королевства, 1982), прав национальных меньшинств (КПЧ: Оминьяк против Канады, 1984).

В ходе деятельности КПЧ и ЕСПЧ был сформирован ряд принципов, которые опосредованно обеспечивают защиту ПБОС. К ним относятся:

- обязанность государства обеспечить надлежащее качество ОС для обеспечения качества жизни (ЕСПЧ: Повел и Райнер против Соединенного Королевства, 1990);
- предоставление возможности защищать ЭПЧ на национальном уровне посредством компенсации размера утраченного в результате причинения ущерба имущества, ухудшения здоровья и качества жизни (ЕСПЧ: Фредин против Швеции, 1990);
- необходимость баланса общественных интересов и интересов отдельных лиц либо групп населения (ЕСПЧ, Повел и Райнер против Соединенного Королевства, 1990; Фредин против Швеции, 1990; Пайн Вэллей девелопмент лтд. Против Ирландии, 1991; Гуерра и другие против Италии, 1996) при осуществлении деятельности, способной причинить существенный ущерб ОС;
- необходимость использования предосторожного подхода и принятия мер по предотвращению ущерба при осуществлении опасных видов деятельности, поскольку они представляют угрозу праву на жизнь (КПЧ: ЕХП против Канады, 1980; Бордес и Темехаро против Франции, 1995).

Закрепление и защита ПБОС в законодательстве Республики Беларусь. В настоящий момент ПБОС единогласно относят к конституционным правам [17, с. 131–132]. Оно закреплено в конституциях более 100 государств [16, с. 238], включая Республику Беларусь. В част-

ности, ст. 34 Конституции Республики Беларусь [29] закрепляет право на получение, хранение, распространение достоверной информации о состоянии ОС, ст. 45 – право на охрану здоровья, которое обеспечивается в том числе мерами по оздоровлению ОС, ст. 46 – ПБОС и возмещение вреда, вызванного нарушением этого права.

Закон Республики Беларусь от 26 ноября 1992 г. «Об охране окружающей среды» [30] (далее – Закон об ООС) под благоприятной ОС понимает ОС, «качество которой обеспечивает экологическую безопасность, устойчивое функционирование естественных экологических систем, иных природных и природно-антропогенных объектов» (ст. 1), рассматривает обеспечение благоприятной ОС в качестве одной из целей законодательства Республики Беларусь в области ООС (ст. 3).

Соблюдение права граждан на благоприятную ОС и возмещение вреда, причиненного нарушением этого права, указывается в качестве одного из основных принципов ООС (ст. 4) и направлений государственной политики Республики Беларусь в данной области (ст. 7).

Ст. 12 Закона выделяет 3 группы ЭПЧ: 1) ПБОС; 2) право на возмещение вреда, причиненного нарушением этого права; 3) право на получение, хранение и распространение полной, достоверной и своевременной экологической информации. Последние две группы, однако, не рассматриваются в качестве самостоятельных, а служат реализации ПБОС (ст. 13). То же мнение выражено и в решении Конституционного Суда Республики Беларусь от 29 октября 2009 г. № Р-364/2009 «О соответствии Конституции Республики Беларусь Закона Республики Беларусь «О государственной экологической экспертизе» [31]. «Процессуальные права», закрепленные Орхусской конвенцией, к которой Республика Беларусь присоединилась 14 декабря 1999 г. [32], нашли свое отражение в Законе об ООС и Законе Республики Беларусь от 9 ноября 2009 года «О государственной экологической экспертизе» [33].

Закон об ООС рассматривает ПБОС как личное неимущественное право (ст. 14) и не распространяет его на иные субъекты. Защита ПБОС осуществляется в Республике Беларусь опосредованно путем возмещения «в установленном порядке вреда, причиненного жизни, здоровью, имуществу граждан в результате вредного воздействия на окружающую среду» (ст. 13), а также в результате компенсации морального вреда (ст. 14).

Экологический кодекс Республики Беларусь до настоящего момента не принят, поэтому неясно, в какой мере в нем будут отражены положения модельного Экологического кодекса для государств – участников СНГ [34], который разделяет ПБОС и право на экологическую безопас-

ность (ст. 16), но в то же время существенно уже интерпретирует содержание указанных прав (ст. 16) по сравнению с законодательством Республики Беларусь.

На основании вышеизложенного можно сделать следующие выводы.

Ни международные нормативные правовые акты, ни доктрина не демонстрируют в настоящее время единства относительно понятия, содержания, субъектов и механизмов обеспечения ПБОС и ЭПЧ в целом. Обычно их относят к ПЧ третьего поколения (так называемым «коллективным» правам), которые принадлежат каждому человеку, народу и человечеству в целом. При этом обеспечение ПБОС обуславливает надлежащее пользование ПЧ первого и второго поколений, включая право на жизнь, справедливое судебное разбирательство, уважение частной и семейной жизни, пользование своим имуществом и др.

Реализация ПБОС для коллективных субъектов (народов, человечества в целом) обеспечивается путем осуществления любого рода действий, направленных на ООС, включая соблюдение соответствующих международных догово-

ров, предварительную оценку, предотвращение трансграничного ущерба и др.

На сегодняшний день специальные договоры, закрепляющие ПЧ (как индивида) на благоприятную ОС, равно как специальные контрольные и судебные механизмы, предоставляющие эффективную защиту конкретному лицу или группе лиц в случае нарушения указанного права, отсутствуют. Защита нарушенных прав конкретных лиц на международном уровне осуществляется опосредованно – путем защиты иных ПЧ (преимущественно личных и имущественных прав, а также прав национальных меньшинств в области природопользования), в том числе путем обращения в международные органы по защите ПЧ, например КПЧ, ЕСПЧ.

Тот же подход нашел свое отражение в законодательстве Республики Беларусь, предусматривающем возможность защиты нарушенных экологических прав в порядке гражданского производства в случае причинения какого-либо из видов ущерба и непосредственно морального вреда.

ЛИТЕРАТУРА

1. Нурмухамедова, Э.Ф. Международный экологический правовой порядок и экологические права человека / Э.Ф. Нурмухамедова. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – 224 с.
2. Третьякова, А.А. Экологические права граждан в государствах-членах Европейского союза: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.10 / А.А. Третьякова. – М., 2001. – 158 с.
3. Васильева, М.И. Экологические права граждан (основы теории): учеб. пособие / М.И. Васильева. – Тверь: Изд-во ТвГУ, 1999. – 149 с.
4. Acevedo, M.T. The Intersection of Human Rights and Environmental protection in the European Court of Human Rights / M.T. Acevedo // N.Y.U. Environmental Law J. – 2000. – Vol. 8. – P. 437–496.
5. Проблемы окружающей человека среды: резолюция Генер. Ассамбл. ООН, 3 дек. 1968 г., № 2398/XXIII [Электронный ресурс]. – Минск, 2012. – Режим доступа: <http://daccess-dds-ny.un.org/doc/RESOLUTION/GEN/NR0/245/94/IMG/NR024594.pdf?OpenElement>. – Дата доступа: 25.05.2012.
6. Африканская хартия прав человека и народов 1986 г. [Электронный ресурс]. – Минск, 2012. – Режим доступа: <http://www1.umn.edu/humanrts/russian/instree/Rz1afchar.html>. – Дата доступа: 25.05.2012.
7. Additional protocol to the American convention on human rights in the area of economic, social and cultural rights (Protocol of San-Salvador) 1989. [Electronic resource]. – Minsk, 2012. – Mode of access: www.oas.org/juridico/english/treaties/a-52.html. – Date of access: 25.05.2012.
8. Стокгольмская декларация Конференции Организации Объединенных Наций по проблемам окружающей человека среды 1972 г. [Электронный ресурс]. – Минск, 2012. – Режим доступа: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declarathenv.shtml. – Дата доступа: 15.04.2012.
9. Резолюция Генер. Ассамбл. ООН, 14 дек. 1990 г., № 45/94 [Электронный ресурс]. – Минск, 2012. – Режим доступа: <http://daccess-dds-ny.un.org/doc/RESOLUTION/GEN/NR0/569/99/IMG/NR056999.pdf?OpenElement>. – Дата доступа: 25.05.2012.
10. Декларация Рио-де-Жанейро по окружающей среде и развитию 1992 г. [Электронный ресурс]. – Минск, 2012. – Режим доступа: <http://www.un.org/russian/documen/declarat/riodecl.htm>. – Дата доступа: 15.04.2012.
11. Всемирная хартия природы, 28 окт. 1982 г. [Электронный ресурс]. – Минск, 2012. – Режим доступа: <http://www.un.org/russian/documen/gadocs/convres/r37-7.pdf>. – Дата доступа: 15.04.2012.

12. Конвенция о доступе к информации, участии общественности в процессе принятия решений и доступе к правосудию по вопросам, касающимся окружающей среды, 1998 г. [Электронный ресурс]. – Минск, 2012. – Режим доступа: <http://www.unece.org/env/pp/documents/cep43r.pdf>. – Дата доступа: 25.05.2012.
13. Universal Declaration of the Rights of People of 04.07.1976. [Electronic resource]. – Minsk, 2012. – Mode of access: http://www.algerie-tpp.org/tpp/en/declaration_algiers.htm. – Date of access: 25.05.2012.
14. Draft United Nations Declaration on the Rights of Indigenous Peoples? UNHCHR resolution 1994/45 [Electronic resource]. – Minsk, 2012. – Mode of access: <http://www.unhchr.ch/huridocda/huridoca.nsf/%28Symbol%29/E.CN.4.SUB.2.RES.1994.45.En>. – Date of access: 25.05.2012.
15. Birnie, P. International Law and the Environment / P. Birnie, A. Boyle [ed.]. – New York: Oxford University Press, 2002. – 798 p.
16. Kiss, A. Guide to International Environmental Law / A. Kiss, D. Shelton. – Leiden/Boston: Martinus Nijhoff Publishers, 2007. – 313 p.
17. Бринчук, М.М. Экологическое право / М.М. Бринчук. – М.: Юрист, 1998. – 688 с.
18. Копылов, М.Н. Введение в международное экологическое право / М.Н. Копылов. – М.: РУДН, 2007. – 267 с.
19. Балащенко, С.А. Международно-правовые принципы охраны окружающей среды / С.А. Балащенко // Правовые вопросы охраны окружающей среды. – 1998. – № 10. – С. 28–35.
20. Международное публичное право. Особенная часть: учеб. пособие / Ю.П. Бровка [и др.]; под ред. Ю.П. Бровки, Ю.А. Лепешкова, Л.В. Павловой. – Минск: Амалфея, 2011. – 688 с.
21. Draft Principles On Human Rights And The Environment, E/CN.4/Sub.2/1994/9, Annex I (1994). [Electronic resource]. – Minsk, 2012. – Mode of access: <http://www1.umn.edu/humanrts/instree/1994-dec.htm>. – Date of access: 25.05.2012.
22. Мюллерсон, Р. Права человека: идеи, нормы, реальность / Р. Мюллерсон. – М.: Юрид. лит., 1991. – 160 с.
23. Merrills, J.G. Environmental Rights / J.G. Merrills // The Oxford Handbook of International Environmental Law / ed. by D. Bodansky, J. Brunnée, E. Hey. – Oxford: Oxford University Press, 2007. – P. 663–680.
24. Практика Комитета по соблюдению Орхусской конвенции (2004–2008 гг.) / А. Андрусевич [и др.]; под общ. ред. А. Андрусевича. – Львов, 2008. – 78 с.
25. Koester, V. The Compliance Committee of the Aarhus Convention: an Overview of Procedures and Jurisprudence / V. Koester // Environmental Policy and Law. – 2007. – № 2–3. – P. 83–96.
26. Решение I/7(2002) Совещания сторон Конвенции о доступе к информации, участии общественности в процессе принятия решений и доступе к правосудию по вопросам, касающимся окружающей среды, 1998 г. [Электронный ресурс]. – Минск, 2012. – Режим доступа: <http://www.unece.org/env/pp/documents/mop1/ece.mp.pp.2.add.8.r.pdf>. – Дата доступа: 25.05.2012.
27. Международный пакт о гражданских и политических правах 1966 г. [Электронный ресурс]. – Минск, 2012. – Режим доступа: <http://www.un.org/russian/documen/convents/pactpol.htm>. – Дата доступа: 25.09.2012.
28. Европейская Конвенция о защите прав человека и основных свобод 1950 г. [Электронный ресурс]. – Минск, 2012. – Режим доступа: <http://www.echr.ru/documents/doc/2440800/2440800-001.htm>. – Дата доступа: 25.09.2012.
29. Конституция Республики Беларусь 1994 г. // Нац. правовой Интернет-портал Респ. Беларусь [Электронный ресурс]. – Минск, 2012. – Режим доступа: <http://www.pravo.by/webnpa/text.asp?RN=V19402875>. – Дата доступа: 15.04.2012.
30. Об охране окружающей среды: Закон Респ. Беларусь, 26 нояб. 1992 г., № 1982-ХІІ: в ред. Закона Респ. Беларусь от 22 дек. 2011 г. // Нац. правовой Интернет-портал Респ. Беларусь [Электронный ресурс]. – Минск, 2012. – Режим доступа: <http://www.pravo.by/webnpa/text.asp?RN=V19201982>. – Дата доступа: 15.04.2012.
31. О соответствии Конституции Республики Беларусь Закона Республики Беларусь «О государственной экологической экспертизе»: решение Конституц. Суда Респ. Беларусь, 29 окт. 2009 г., № Р-364/2009 // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. – 2009 – № 265. – 6/781.
32. Об утверждении Конвенции о доступе к информации, участии общественности в процессе принятия решений и доступе к правосудию по вопросам, касающимся окружающей среды: Указ Президента Респ. Беларусь, 14 дек. 1999 г., № 726 // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. – 2000. – № 1. – 1/837.
33. О государственной экологической экспертизе: Закон Респ. Беларусь, 9 нояб. 2009 г., № 54-З // Нац. правовой Интернет-портал Респ. Беларусь [Электронный ресурс]. – Минск, 2012. – Режим доступа: <http://www.pravo.by/webnpa/text.asp?RN=H10900054>. – Дата доступа: 15.04.2012.
34. О модельном Экологическом кодексе для государств – участников Содружества Независимых Государств (Общая часть): постановление Межпарламент. Ассамбл. государств – участников СНГ, 16 нояб. 2006 г., № 27-8 // Информ. бюл. Межпарламент. Ассамбл. СНГ. – 2007. – № 39.

Дата поступления статьи в редакцию 30.05.2012

УДК 341.241.7(476)

ПРОБЛЕМА РЕСТИТУЦИИ КУЛЬТУРНЫХ ЦЕННОСТЕЙ: МНОГООБРАЗИЕ ПОДХОДОВ В ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКЕ

КОРОЛЬ Э.Л.,

старший преподаватель кафедры гражданского права и процесса Гродненского государственного университета им. Я.Купалы

В статье рассматриваются сформировавшиеся в современной юридической науке направления исследования проблемы реституции культурных ценностей. Автор выделяет основные подходы при ее изучении и дает характеристику каждому из них. Приводятся примеры правоприменительной практики в исследуемой области.

In the article the directions of research of a problem of the restitution of cultural values created in modern jurisprudence are considered. The author allocates main approaches to its studying and gives the characteristics. Examples of law-enforcement practice are given.

Введение

Проблеме реституции культурных ценностей недостаточно уделено внимания в отечественной правовой науке. Преимущественно исследуется лишь одна сторона реституции – форма материальной ответственности государства за вред, причиненный разграблением и незаконным вывозом объектов культурного наследия другого государства. Из белорусских исследователей проблемы реституции в данном аспекте можно указать В.А.Барышева, И.Э.Мартыненко, О.В.Пашкевич, Т.Е.Ушакову, В.Черника, из российских авторов – А.В.Антонову, М.М.Богуславского, Л.Н.Галенскую, С.Н.Молчанова, Н.А.Потапову.

Внимания заслуживают и некоторые научные исследования неправового характера в области истории, архивного, библиотечного и музейного дела, касающиеся поиска и возвращения утраченных в различное время культурных ценностей. Здесь можно отметить работы белорусских авторов Н.Ф.Высоцкой, Т.Д.Гернович, В.А.Гилепа, А.И.Мальдиса, В.В.Скалабана, М.Ф.Шумейко, М.М.Яницкой и др.

Проблема реституции культурных ценностей, на наш взгляд, многогранна и не сводится исключительно к институту международной ответственности государства-агрессора. Поэтому целью настоящей работы является комплексный анализ различных смысловых значений проблемы реституции культурных ценностей.

Основная часть

Одной из центральных правовых категорий настоящего исследования выступает культурная ценность. Под культурными ценностями понимаются созданные (преобразованные) человеком или тесно связанные с его деятельностью материальные объекты и нематериальные проявления человеческого творчества, которые имеют художественную, историческую, научную или другую культурную значимость. К культурным ценностям, в частности, относятся элементы художественных, исторических или археологических памятников; этнологические материалы; картины, полотна и рисунки, изготовленные вручную, оригинальные скульптуры, гравюры, другие художественные ценности; редкие рукописи и инкунабулы; архивы; старинные музыкальные инструменты и другие старинные предметы более чем 100-летней давности.

Термин «реституция» происходит от латинского слова *restitutio* – «восстановление, возврат, возмещение». Семантическое значение слова «реституция» в наиболее широком смысле сводится к восстановлению некоторого состояния или объекта, возвращению в первоначальном правовом или имущественном положении [1, с. 96].

Правовая проблема реституции культурных ценностей не имеет единого общепринятого в юриспруденции значения и рассматривается преимущественно с нескольких позиций, каж-

дая из которых приобретает самостоятельное значение в современной юридической науке.

Во-первых, проблему реституции культурных ценностей можно рассматривать с позиции гражданского права, в этом смысловом значении под доктринальным термином «реституция» понимается **обязанность каждой из сторон вернуть все полученное по недействительной сделке, а в случае невозможности вернуть полученное в натуре – возместить его стоимость в деньгах**. Такая обязанность закреплена в п. 2 ст. 168 Гражданского кодекса Республики Беларусь (далее – ГК) [2].

В данном смысле термин «реституция» может применяться и к сделкам, предметом которых выступают культурные ценности. Так, в частности, в соответствии с п. 2 ст. 53 Закона Республики Беларусь от 9 января 2006 года «*Абахове гісторыка-культурнай спадчыны Рэспублікі Беларусь*» [3] приобретение права собственности на историко-культурную ценность (поставленную на государственный учет культурную ценность, которая включена в Государственный список историко-культурных ценностей Республики Беларусь) обязывает нового собственника в течение одного месяца подписать охранное обязательство. Невыполнение этого условия влечет признание такой сделки недействительной.

Таким образом, реституция культурных ценностей с позиции доктрины гражданского права означает одно из последствий признания сделки недействительной. Но гражданское право знает и другое последствие – недопущение реституции, применяемое при совершении сделки, запрещенной законодательством, когда все полученное по сделке взыскивается в доход Республики Беларусь (ст. 170 ГК). Недопущение реституции как последствие недействительности сделки также может иметь место в отношении культурных ценностей. Приведем пример.

Минским межрайонным природоохранным прокурором был заявлен иск о признании недействительной сделки купли-продажи, совершенной 1 июня 1995 г. между гражданином Г. и производственным предприятием «С», предметом которой выступал комплект серебряных поясных блях XV – 1-й половины XVI века. Прокурор ссылался на то, что указанный комплект является историко-культурной ценностью Республики Беларусь (шифр 1610003 в Государственном списке историко-культурных ценностей Республики Беларусь) и государство имело преимущественное право на его приобретение (на основании ст. 77 Закона Республики Беларусь от 13 ноября 1992 года «Об охране историко-культурного наследия», действовавшего на момент совершения сделки). Прокурор просил применить последствие

недействительности сделки, обратив поясной набор в доход государства и взыскав с гражданина Г. сумму по сделке с учетом ее деноминации и индексации. Минский городской суд, рассматривавший дело, иск прокурора удовлетворил, признал недействительным договор купли-продажи комплекта серебряных поясных блях, а предмет сделки обратил в собственность государства [4].

Во-вторых, правовой термин «реституция» в юридической литературе употребляется в смысле **возвращения имущества, ранее национализированного, экспроприированного без выплаты соответствующей компенсации, его собственникам и иным законным владельцам**. Особую актуальность данные вопросы приобрели после распада СССР в странах Центральной и Восточной Европы (прежде всего, Литве, Латвии, Эстонии, Чехии, Словакии, Болгарии), где активно проводилась советской властью политика национализации (экспроприации) частной собственности. В данных государствах были приняты специальные нормативные акты о восстановлении прав прежних собственников (их наследников) на сохранившееся движимое и недвижимое имущество или его компенсации в случае невозможности возврата в натуре. В таком понимании **проблема реституции культурных ценностей сводится к восстановлению прав бывших собственников и иных законных владельцев, в том числе их наследников, в отношении безвозмездно изъятых в доход государства культурных ценностей**.

В этой связи интерес представляет один из примеров судебной практики французских судов. В 1993 году *Ириной Щукиной, дочерью и наследницей известного российского собирателя и мецената П.И.Щукина, был предъявлен иск о возвращении некоторых картин, ранее составлявших коллекцию П.И.Щукина, которые национализированы в 1918 году советской властью. В качестве ответчиков были названы два российских музея – Государственный музей изобразительных искусств имени А.С.Пушкина в Москве, Государственный Эрмитаж в Санкт-Петербурге, на тот момент совместно проводивших в г. Париже выставку.*

Исковые требования основывались на том, что право собственности российского государства на картины не может быть признано во Франции вследствие того, что декрет о национализации, предусматривавший безвозмездное изъятие картин у собственника, противоречит публичному порядку Франции и поэтому не может быть признан во Франции. Позиция российской стороны (ответчиков) сводилась к тому, что национализация была действительной по действовавшему тогда внутреннему праву России и касалась имуще-

ства, принадлежащего ее гражданам и находящегося на ее территории. Государство, проводящее национализацию, само определяет, должна ли выплачиваться компенсация за национализированную собственность. Кроме того, российская сторона сослалась на иммунитет государственной собственности.

Суд согласился с доводами ответчиков и признал, что при отсутствии согласия государства на рассмотрение дела иски к нему не могут быть предметом рассмотрения суда. В удовлетворении иска было отказано [5, с. 41–57].

Проблема реституции в указанном значении в Республике Беларусь не поднималась ни на законодательном уровне, ни доктринально. Хотя, например, в Российской Федерации в данном ключе был принят *Федеральный закон Российской Федерации от 30 ноября 2010 г. № 327-ФЗ «О передаче религиозным организациям имущества религиозного назначения, находящегося в государственной или муниципальной собственности»* [6], в соответствии с нормами которого определен порядок безвозмездной передачи в собственность или безвозмездное пользование религиозным организациям имущества религиозного назначения, находящегося в федеральной собственности, собственности субъектов Российской Федерации или муниципальной собственности, которое ранее перешло в собственность последних преимущественно на основе проводимой политики национализации.

Однако наиболее устоявшееся значение термина «реституция» в правовой науке связано с рассмотрением его в качестве формы материальной ответственности государства, виновного в совершении акта агрессии. Исходя из этих позиций, проблема реституции культурных ценностей с позиции международного права есть **форма материальной ответственности государства, виновного в совершении акта агрессии или иного международно-противоправного деяния, выражающаяся в возвращении в натуре неправомерно захваченных и незаконно вывезенных культурных ценностей с территории потерпевшего государства.**

Для Республики Беларусь проблема реституции культурных ценностей в данном смысловом значении сводится в первую очередь к выявлению и возвращению похищенных и незаконно вывезенных культурных ценностей с территории Беларуси во время Великой Отечественной войны. Следует отметить, что в *Республике Беларусь в отличие, например, от Российской Федерации до сих пор не существует сводного каталога пропавших во время Великой Отечественной войны культурных ценностей*, а наиболее полную информацию о потерях Беларуси в области культуры и искусства можно получить лишь путем анализа архивных матери-

алов. Поэтому весьма важно для возвращения культурных ценностей Беларуси, подтверждения права требования на спорные ценности культуры на основе научно обоснованных фактических данных составить и утвердить *Государственный список культурных ценностей, пропавших и незаконно находящихся за пределами Республики Беларусь. Структурно данный список мог бы состоять из трех разделов: музейные, библиотечные и архивные культурные ценности.*

Весьма острой и важной также выступает проблема возвращения культурных ценностей, оказавшихся на территории Российской Федерации и других государств после Великой Отечественной войны, когда перемещенные из Германии культурные ценности в рамках ее реституционного обязательства оказались на территории данных государств, но до войны находились на территории Беларуси. В силу норм *Федерального закона Российской Федерации от 15 апреля 1998 г. № 64-ФЗ «О культурных ценностях, перемещенных в Союз ССР в результате Второй мировой войны и находящихся на территории Российской Федерации»* [7] все перемещенные культурные ценности, ввезенные в Союз ССР в осуществление его права на компенсаторную реституцию и находящиеся на территории Российской Федерации, объявлены собственностью Российской Федерации. В то же время Закон предоставил гарантии права собственности Республике Беларусь, Латвийской Республике, Литовской Республике, Республике Молдова, Украине и Эстонской Республике на перемещенные культурные ценности, которые могут быть переданы указанным государствам по принадлежности при соблюдении ими следующего условия: при их согласии обеспечить на основе принципа взаимности такой же подход к культурным ценностям Российской Федерации, перемещенным из бывших неприязельских государств в Союз ССР и находящимся на их территориях.

Реализация приведенной нормы может быть сопряжена с двумя главными трудностями. Во-первых, с отсутствием полной и исчерпывающей информации о конкретных категориях культурных ценностей белорусского происхождения в составе перемещенных, находящихся на территории Российской Федерации, что затрудняет предъявление требований об их возвращении. Во-вторых, с возвращением в БССР после окончания войны, как свидетельствуют архивные данные, преимущественно тех культурных ценностей, которые были незаконно вывезены с ее территории. Другими словами, в БССР были возвращены культурные ценности, идентифицированные как собственность Белорусской ССР. Данное обстоятельство существенно за-

трудняет осуществление условия о предоставлении взамен белорусских объектов культурного наследия, как того требует Закон, культурных ценностей Российской Федерации, перемещенных после войны из Германии и других неприятельских государств и находящихся сегодня на территории Республики Беларусь.

На наш взгляд, именно указанные выше трудности в реализации права на возвращение белорусских культурных ценностей, оказавшихся в составе перемещенных, прямо повлияли на отсутствие публично-правовых претензий о возврате таких культурных ценностей, реализуемых на уровне правительств двух государств. Поэтому следует констатировать, что *публично-правовой механизм возвращения белорусских культурных ценностей не функционирует.*

Возможность вернуть объекты белорусского культурного наследия, которые находятся на территории Российской Федерации, до сих пор не реализована. Полагаем, что для этого необходим ряд последовательных действий: составление и утверждение сводного каталога пропавших с территории Беларуси во время Великой Отечественной войны культурных ценностей; выявление и составление перечня культурных ценностей, возвращенных в Белорусскую ССР после окончания Великой Отечественной войны, с определением культурных ценностей российской принадлежности; получение полной информации о конкретных категориях культурных ценностей белорусской принадлежности в составе перемещенных культурных ценностей, находящихся на территории Российской Федерации. В частности, последняя из приведенных позиций может быть реализована при получении доступа к закрытым для исследований российским архивным фондам, касающимся данных о реституции культурных ценностей во время и после Великой Отечественной войны (например, фонд 534 Государственного архива Российской Федерации «Комитет по делам культурно-просветительных учреждений при Совете Министров РСФСР 1945–1953 гг.»).

В последнее время, отметим, сформировалось еще одно значение термина «реституция» применительно к культурным ценностям, в основании которого лежат меры по пресечению международного незаконного оборота произведений искусства и иных ценностей культуры. На предотвращение такого незаконного оборота обращен ряд международных конвенций, в частности *Конвенция ЮНЕСКО о мерах, направленных на запрещение и предупреждение незаконного ввоза, вывоза и передачи права собственности на культурные ценности 1970 года* [8], *Конвенция Международного института по унификации частного права о похищенных или*

незаконно вывезенных культурных ценностей 1995 года (далее – Конвенция УНИДРУА) [9].

В свете данных международных актов проблема реституции, полагаем, приобрела еще одну смысловую нагрузку. *Возникая в сфере международного оборота, реституция становится способом, с помощью которого происходит защита права собственности на культурные ценности, незаконно оказавшиеся в обороте, путем возвращения таких ценностей титульным (законным) владельцам.* Так, Конвенция УНИДРУА впервые на уровне международного договора закрепила возможность заявления требования международного характера, направленного на возвращение похищенных культурных ценностей от любых фактических владельцев, назвав его *реституцией культурных ценностей.* Другими словами, фактически в Конвенции идет речь об иске о реституции похищенных культурных ценностей, который предъявляется в суд иностранного для истца государства, являющегося участником Конвенции УНИДРУА.

Конвенция УНИДРУА закрепляет возможность реституции любой похищенной культурной ценности независимо от наличия данных о ней в охранных реестрах государства, описях музеев, в государственной или частной собственности. К тому же к числу похищенных Конвенция УНИДРУА относит и культурные ценности, которые были найдены в результате незаконных раскопок или при проведении законных раскопок, но незаконно удерживаемые, что также обеспечивает защиту объектов археологического наследия.

На основании п. 1 ст. 3 Конвенции УНИДРУА похищенная культурная ценность может быть реституцирована у любого ее фактического владельца. Факт добросовестности влияет лишь на возможность при определенных обстоятельствах требовать компенсации имущественных потерь, когда происходит истребование похищенной культурной ценности, но не может выступать ограничением реституции.

Четвертое содержательное значение проблемы реституции культурных ценностей сводится к *способу защиты права собственности международного частного характера, который выражается в истребовании в натуре из чужого незаконного владения похищенных и другим образом незаконно участвующих в международном обороте культурных ценностей.* Другими словами, речь идет о классической гражданско-правовой виндикации.

В качестве примера можно привести следующий судебный спор.

В 1999 году предъявлен иск гражданкой США Мартой Ниренберг к Правительству Российской Федерации об истребовании 17 картин, находя-

щихся в некоторых российских музеях. Картины, по поводу которых был предъявлен иск, входили до Второй мировой войны в одно из крупнейших венгерских частных собраний и принадлежали деду истицы — Мору Липоту Херцогу. После его смерти в 1934 году часть ценностей по наследству перешла к матери истицы, которая завещала свою долю дочери — Марте Ниренберг. Истребуемые произведения искусства были конфискованы у матери истицы в 1944 году как у жертвы Холокоста после оккупации Венгрии фашистской Германией. К окончанию войны ценности были изъяты Советской Армией и отправлены в Советский Союз. Поэтому истица просила суд признать за ней право собственности на 17 картин, указанных в исковом заявлении, и вернуть их ей [10, с. 28–29].

Заключение

Проведенное исследование позволило сформулировать следующие основные выводы:

1. Проблема реституции культурных ценностей может быть рассмотрена с нескольких содержательных позиций: как применение последствий недействительности сделки путем возврата каждой из сторон всего полученного по сделке, направленной на передачу культурной ценности; как восстановление прав собственников национализированного без выплаты соответствующей компенсации имущества посредством возвращения принадлежавших им ранее культурных ценностей; как форма материальной ответственности государства, выра-

жающаяся в возвращении в натуре неправомерно захваченных и незаконно вывезенных культурных ценностей с территории потерпевшего государства; как гражданско-правовой способ защиты права собственности на похищенные и другие незаконно участвующие в условиях международного гражданского оборота культурные ценности.

2. Публично-правовой механизм реституции белорусских культурных ценностей, в основе которого лежит предъявление межгосударственных претензий (требований) о возвращении спорных культурных ценностей, не функционирует. Это преимущественно обусловлено отсутствием полной и достоверной информации о местонахождении вывезенных культурных ценностей и установлением во внутреннем законодательстве некоторых государств фактически невыполнимых условий возвращения белорусских культурных ценностей, в том числе входящих в состав перемещенных в результате Великой Отечественной войны и находящихся на территории других государств.

3. В целях возвращения культурных ценностей Беларуси, подтверждения права требования на спорные ценности культуры необходимо на основе научно обоснованных фактических данных составить и утвердить Государственный список культурных ценностей, пропавших и незаконно находящихся за пределами Республики Беларусь. Структурно данный список мог бы состоять из трех разделов: музейные, библиотечные и архивные культурные ценности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гончарова, Н.А. Историческая терминология и лексика латинского языка: словарь / Н.А. Гончарова; под ред. В.А. Федосика. — Минск: Изд. центр БГУ, 2008. — 154 с.
2. Гражданский кодекс Республики Беларусь: принят Палатой представителей 28 окт. 1998 г.: одобрен Советом Респ. 19 нояб. 1998 г.: с изм. и доп.: текст Кодекса по состоянию на 3 июля 2011 г. // Эталон-Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2012.
3. Аб ахове гісторыка-культурнай спадчыны Рэспублікі Беларусь: Закон Респ. Беларусь, 9 янв. 2006 г., № 98-З: в ред. Закона Респ. Беларусь от 8 мая 2012 г. // Эталон-Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2012.
4. Архив Минского городского суда за 2006 г. — Дело № 6090.
5. Богуславский, М.М. Иск Ирины Щукиной (о решении французского суда) / М.М. Богуславский // Моск. журн. междунар. права. — 1994. — № 2. — С. 41–60.
6. О передаче религиозным организациям имущества религиозного назначения, находящегося в государственной или муниципальной собственности: Федер. закон Рос. Федерации, 30 нояб. 2010 г., № 327-ФЗ // КонсультантПлюс: Версия Проф. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр». — М., 2012.
7. О культурных ценностях, перемещенных в Союз ССР в результате Второй мировой войны и находящихся на территории Российской Федерации: Федер. закон Рос. Федерации, 15 апр. 1998 г., № 64-ФЗ: в ред. Федер. закона Рос. Федерации от 23 июля 2008 г. // КонсультантПлюс: Версия Проф. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр». — М., 2011.

8. Конвенция о мерах, направленных на запрещение и предупреждение незаконного ввоза, вывоза и передачи права собственности на культурные ценности: совершено в г. Париже, 14 нояб. 1970 г. // Нормативные акты ЮНЕСКО по охране культурного наследия (конвенции, протоколы, резолюции, рекомендации). – М.: ЮниПринт, 2002. – С. 60–70.

9. Конвенция УНИДРУА о похищенных или незаконно вывезенных культурных ценностях: совершено в г. Риме, 24 июня 1995 г. // Междунар. ин-т по унификации частного права (УНИДРУА) [Электронный ресурс]. – 2006. – Режим доступа: <http://www.unidroit.org/english/conventions/1995culturalproperty/translations/culturalproperty-russian.pdf>. – Дата доступа: 04.08.2012.

10. Боннер, А.Т. Правовые споры, связанные с произведениями искусства / А.Т. Боннер // Зак-во. – 2005. – № 6. – С. 28–35.

Дата поступления статьи в редакцию 30.08.2012

ИМПЛЕМЕНТАЦИЯ НОРМ МЕЖДУНАРОДНОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПРАВА В НАЦИОНАЛЬНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

ТОЛОЧКО О.Н.,

докторант кафедры международного права Санкт-Петербургского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент

Статья посвящена теоретическим аспектам имплементации норм международного экономического права в национальную правовую систему. Анализируются научные подходы к проблеме и определяются формы имплементации норм международного экономического права. Автором приводится собственное понимание определения национального механизма имплементации как формы воздействия международного права на внутригосударственные правоотношения.

The article is devoted to theoretical aspects of a problem of implementation of international economic law in national legal system. Scientific approaches to a problem are analysed and forms of implementation of norms of the international economic law are defined. According to the author, implementation is set of forms of influence of the international economic law to the national legal relations, and the legal category of implementation reflects certain change of structure of the national law, caused by interaction of Belarus with other subjects of international law.

Одной из актуальных проблем международного экономического права является его имплементация, то есть в первоначальном семантическом смысле термина – осуществление, «претворение в жизнь в соответствии с определенной процедурой» [1, р. 667], «обеспечение практического результата и фактического выполнения конкретными средствами» [2, р. 1134–1135].

Процесс осуществления (реализации) характерен для всех частей правовой системы. Для международного права отличие правореализационного процесса состоит прежде всего в том, что оно регулирует международные отношения в государственно-организованном обществе. Осуществление целей, заложенных в нормах международного права, зависит от поведения государств. «Причем поведение государств, отмечал Э.М.Аметистов, должно не только способствовать осуществлению цели данной конкретной нормы, но и быть правомерным с точки зрения международного права в целом, то есть полностью соответствовать его общепризнанным принципам и нормам» [3, с. 3].

Таким образом, практическое осуществление норм международного экономического права немислимо без участия государственных институтов. При этом реализация (имплементация) указанных норм не может осуществляться вне связи с системой национального права.

Далеко не всегда реализация норм международного права связана с *законотворческим процессом*, хотя в целом развитие и функционирование современного международного экономического права предполагает изменение в соответствующем направлении национальных правовых систем. Одним из условий эффективного международного сотрудничества является обеспечение благоприятных национально-правовых режимов, отсюда тенденция к настойчивой трансформации внутригосударственных правовых систем в заданном на международном уровне направлении: либерализации торговых режимов, снятии барьеров в осуществлении инвестиций, в движении финансовых потоков и т.д.

Национальные правовые системы различных государств развиваются неравномерно и неоди-

наково, в большей или меньшей мере отвечая потребностям глобализирующейся экономики. Поэтому процесс имплементации норм международного экономического права в национальное законодательство индивидуален для каждого государства.

Понятие, сущность, формы, методы имплементации норм международного права в национальное законодательство активно исследовались международно-правовой доктриной. Среди ученых, в той или иной степени затрагивающих этот вопрос, И.П.Блищенко [4], А.С.Гавердовский [5], Н.В.Миронов [6], Р.А.Мюллерсон [7], Е.Т.Усенко [8], Л.В.Павлова [9], В.Ю.Калугин [10] и др. [11–14].

По А.С.Гавердовскому, механизм имплементации представляет собой организационно-правовые меры государства, направленные на обеспечение выполнения его международных обязательств [5, с. 172]. И.И.Лукашук понимает под имплементацией нормы международного права придание ей статуса нормы национального права в порядке, установленном данным конкретным государством [15, с. 224]. В.Ю.Калугин определяет имплементацию норм международного права как «совокупность правовых средств, существующих в определенных правовых и организационных формах, которые используются субъектами международного права, как на международном, так и внутригосударственном уровне для обеспечения достижения целей международно-правового регулирования» [16, с. 183]. Ряд авторов отдает термину «имплементация» предпочтение в сравнении с понятиями «трансформация», «инкорпорация», «рецепция» и др. [16; 17; 10]. Другие авторы рассматривают названные термины как синонимичные [4, с. 187; 18, с. 28]. Третьи вообще избегают их использования, говоря о реализации международного права либо о взаимодействии международного и национального права [19; 20].

Немецкий исследователь В.Г.Витцум акцентирует внимание на негативном аспекте проблемы, то есть на последствиях *неимплементации* международной нормы: «О неимплементации международного права... речь идет в случае, когда и поскольку международно-правовая норма требует реакции со стороны государственного правопорядка... В целом неимплементация имеет лишь международно-правовые последствия. Непринятие мер по имплементации... считается нарушением международного права и влечет последствия, типичные при нарушении права» [21, с. 132–133]. При этом автор не связывает выполнение международно-правовой нормы на государственном уровне ее *применимостью*, подчеркивая, что реализуемая норма может исполняться административными органами, даже если она неприемлема для судебного исполнения [21, с. 132].

Плюрализм современной международно-правовой доктрины позволяет, таким образом, свободное до определенных пределов толкование понятия «имплементация», что обуславливается в том числе национально-индивидуальным характером системы выполнения международных обязательств. С позиций международного права не имеет значения, какими именно методами и инструментами достигается такое выполнение, и соответственно непринципиален смысл, вкладываемый в понятие «имплементация» на внутригосударственном уровне.

Под национальным механизмом имплементации следует понимать не столько систему правореализационных мер, предпринимаемых государством для исполнения норм международного права, сколько всю совокупность форм воздействия международного права на внутригосударственные правоотношения. Такая трактовка позволяет выходить на фундаментальные проблемы функционирования международного права как фактора развития национальной правовой системы, определения пределов его влияния, форм адаптации к национальной правовой системе и т.д.

Таким образом, правовая категория имплементации должна отражать определенное *изменение структуры национального права*, обусловленное необходимостью взаимодействия Республики Беларусь с другими субъектами международного права. Иными словами, имплементация международного права – это не столько «система правовых и организационных средств, используемых в целях всесторонней, своевременной и полной реализации» международных обязательств [10, с. 11], сколько форма функционирования и развития национального права, направленная на обеспечение жизнедеятельности государства в международной системе.

Данный подход позволяет избежать сведения проблемы имплементации к вопросу о том, применяются ли те или иные нормы международного экономического права, например, судами. С общетеоретических позиций правоприменение – лишь одна из форм реализации права, причем форма, связанная с возникновением споров о праве либо с нарушением правовой нормы. В этом смысле наличие либо отсутствие судебных решений, основанных на нормах международного права, – показатель не столько степени «имплементированности» таких норм, сколько их «нарушаемости».

Имплементация норм международного экономического права в законодательство Республики Беларусь представляет собой определенные формы *присутствия* таких норм в системе белорусского права. Что касается *применения* норм международного экономического права, то

данная проблематика должна рассматриваться в общем контексте проблем эффективности правоприменения. Надо сказать, что ситуация здесь далека от идеальной не только в отношении норм международного права, но и грамотного применения норм внутригосударственного права.

Процессы глобализации пока не привели к унификации национальных правовых систем. Структура права в каждом государстве остается индивидуальной и определяется, как и прежде, цивилизационным типом государства, национальной экономической системой и историческими традициями. Хартия экономических прав и обязанностей государств 1974 года установила, что «каждое государство имеет суверенное и неотъемлемое право выбирать свою экономическую систему, а также свою политическую, социальную и культурную систему в соответствии с волей своего народа, без вмешательства или применения силы или угрозы извне в какой бы то ни было форме» [22].

Нельзя сказать, что данный принцип неукоснительно соблюдается всеми участниками международного общения. Республика Беларусь, в частности, практически постоянно подвергается давлению со стороны более крупных акторов мировой экономики. Такое давление, с одной стороны, вынуждает предпринимать определенные шаги по изменению экономико-правовой системы. С другой стороны, названный выше принцип является сдерживающим фактором против экспансионистских устремлений иностранных государств. Однако общий тренд развития международного экономического права таков, что национальные экономико-правовые системы медленно, но верно подгоняются под задаваемые ведущими мировыми акторами параметры.

Одной из дозволенных современным международным экономическим правом форм воздействия на национальную экономико-правовую систему являются институты «развитости» государства и «рыночности» экономики. Присутствие в международном экономическом праве названных институтов приводит к выводу о том, что принципы суверенного равенства и равноправия в экономической системе работают с определенными поправками. Действующее международное экономическое право узаконивает дифференцированный подход к государствам: развивающиеся и наименее развитые государства получают преференции и льготы в международных экономических отношениях, особый статус имеют государства с переходной экономикой и т.д. Таким образом, по определяемым извне критериям государство получает некий «ярлык», который дает ему определенный правовой статус в системе международной торговли и разделения труда.

Для Республики Беларусь в настоящее время актуальна проблема статуса государств с «нерыночной» экономикой, а именно тот факт, что во взаимоотношениях с США, рядом других государств, а также с Европейским Союзом страна дискриминируется по данному критерию. Понятие страны с рыночной экономикой введено в 1965 году, когда в Генеральное соглашение по тарифам и торговле (далее – ГАТТ) была внесена поправка об особом механизме принятия в него членов, не полностью соответствовавших критериям индустриальных рыночных стран, но достигших политического прогресса в требуемом направлении. Для членства таких государств была предложена норма, которая позволяла применять иную методологию при антидемпинговых расследованиях. Следовательно, понятие страны с нерыночной экономикой имело значение только в ГАТТ и только при применении антидемпинговых мер.

При имплементации этой статьи ГАТТ Евросоюз, США и некоторые другие страны пошли намного дальше, добавив ряд других критериев «нерыночности», касающихся конвертации валюты, влияния государства на свободу предпринимательской деятельности, ценообразование, установление цены или объемов выпуска для предприятий, а также регулирования трудовых отношений. Ни один из этих критериев не упоминался в ГАТТ, так что указанные страны вышли за рамки требований его норм. В настоящее время «нерыночный» статус государства практически исключает возможность предприятий-экспортеров на равных бороться за рынки сбыта. Это вынуждает подстраивать национальное законодательство под параметры «рыночности» в том виде, в котором они понимаются более мощными в экономическом отношении государствами.

Таким образом, первая отмеченная форма имплементации норм международного экономического права состоит в **развитии национальной экономико-правовой системы по определенному вектору** (либерализация торговли, приватизация государственной собственности, допуск иностранного капитала и т.д.).

Второй формой имплементации норм международного экономического права является **принятие в связи с международными обязательствами законодательных актов**. Например, Парижская конвенция об охране промышленной собственности 1983 года прямо устанавливает обязательства государств по обеспечению соответствующих правовых режимов для объектов промышленной собственности: «Промышленные образцы охраняются во всех странах Союза» (ст. 5-*quinquies*); «Страны Союза обязуются охранять знаки обслуживания» (ст. 6-*sexies*) и др. [23]. Конвенция очерчивает общие параметры

необходимых норм национального права, в ряде случаев оставляя те или иные вопросы на усмотрение законодателя. Во исполнение норм Парижской конвенции в законодательство Республики Беларусь включены, например, ст. 1029 ГК «Недопущение недобросовестной конкуренции» и ст. 1030 ГК «Ответственность за осуществление недобросовестной конкуренции» [24], изменены национальные патентные законы.

Во исполнение статьи VIII Соглашения о Международном валютном фонде (далее – Соглашение о МВФ), содержащей запрет на валютные ограничения по текущим операциям в государствах-участниках [25], статья 10 Закона Республики Беларусь от 22 июля 2003 года «О валютном регулировании и валютном контроле» установила, что «текущие валютные операции осуществляются между резидентами и нерезидентами... без ограничений» [26].

Таким образом, принятие международных обязательств по установлению определенных режимов регулирования влечет изменение либо принятие норм национального законодательства в соответствующей сфере. Но данное обстоятельство не может рассматриваться в качестве «трансформации» нормы международного права. Во-первых, сама по себе норма международного права, требующая от государств определенного поведения, не исчезла и не изменилась в результате принятия или непринятия национальных норм. Во-вторых, исполнение международных обязательств не исключается и *в отсутствие* норм национального права. Например, советская система охраны прав изобретателей на основе авторских свидетельств (не патентов) и государственной монополии на созданные в СССР объекты промышленной собственности не препятствовала участию в Парижской конвенции, поскольку в СССР фактически обеспечивались патентные права *иностранцев*, а следовательно, отсутствовали основания для претензий по неимплементированности международных обязательств.

Точно так же отсутствие в национальном законодательстве нормы о запрете на валютные ограничения по текущим операциям (статьи Соглашения о МВФ были подписаны в 1992 году, а Закон Республики Беларусь «О валютном регулировании и валютном контроле» принят в 2003 году) само по себе не противоречило международным обязательствам, поскольку валютные ограничения по текущим операциям *фактически* отсутствовали в банковской практике. Иными словами, принятие соответствующих норм национального законодательства является эффективной и желательной, однако не необходимой формой имплементации норм международного права.

Если имплементируемая норма не направлена на установление определенного националь-

но-правового режима, а ориентирована только на отношения международного характера, то формой имплементации, как правило, является **непосредственное применение данной нормы в национальной правовой системе**. Например, нет необходимости приводить законодательство в соответствие с Конвенцией о договорах международной купли-продажи товаров 1980 года, Конвенцией о договоре международной дорожной перевозки грузов 1956 года и др. Формула о приоритете нормы международного договора в случае ее расхождения с нормой внутреннего законодательства принята в законодательных актах именно для таких случаев. Данная форма имплементации позволяет выполнять международные обязательства, не изменяя системы национально-правового регулирования соответствующих отношений.

Непосредственно связанной с ней, однако самостоятельной формой имплементации норм международного экономического права, с нашей точки зрения, является **гарантированная государством возможность применения норм иностранного права**. Возможность применения к некоторым экономическим отношениям «чужого» права и соответственно готовность государства взять на себя сопряженные с этим юридические трудности, вопреки мнению некоторых авторов, основывающих данное обстоятельство исключительно на воле данного суверенного государства [27], все же, как представляется, обусловлена потребностями международного общения и обеспечена международным правом. Это очевидно в случае применения международных соглашений, содержащих отсылку к иностранному законодательству. Что касается наличия коллизионных норм во внутригосударственном законодательстве, то их имплементационный характер неочевиден, однако, по нашему убеждению, все же имеет место. В международной частноправовой литературе можно встретить (правда, обычно критикуемое) мнение о том, что применение национальными судами норм иностранного права основывается на соответствующем международном обычае. Действительно, возможность применения иностранного права к отношениям частноправового характера закреплена во всех национальных законодательствах мира; исключение такой возможности по воле данного конкретного государства сегодня немислимо, поскольку чрезвычайно затруднит международное общение с участием его субъектов. Это позволяет считать применение иностранного права судами государства (в данном случае Беларуси) формой имплементации международного права, а именно тех его норм договорного или обычного характера, которые закрепляют такое применение.

Формой имплементации норм международного права являются **организационно-распоря-**

дительные действия органов государства, должностных лиц, субъектов хозяйствования и физических лиц по их фактическому исполнению. Такая форма имеет юридическим выражением акты индивидуально-правового характера – создание организационных структур, передачу денежных и материальных ценностей, использование предоставленных прав и т.д. Она не затрагивает системы национального законодательства и самым непосредственным образом подтверждает единство национальной и международной правовых систем и регулятивные возможности норм международного права внутри государства.

Таким образом, имплементация норм международного права в национальную правовую систему представляет собой совокупность конкретно-исторических форм реализации таких норм на национальном уровне. С теоретических позиций выделяются пять основных форм имплементационного процесса в Республике Беларусь:

- определение основных векторов развития национальной экономико-правовой системы и

общей направленности экономического правотворчества;

- принятие законодательных, приводящих правовой режим в соответствующей сфере к определенному нормами международного права качеству;
- непосредственное применение международно-правовых норм к конкретным ситуациям;
- применение в определенных случаях норм иностранного права;
- организационно-распорядительные действия органов государства, должностных лиц, субъектов хозяйствования, физических лиц по фактическому исполнению норм международного экономического права.

Все перечисленные формы отражают регулятивные возможности норм международного экономического права внутри государства и доказывают единство и неразделимость международной и национальной правовых систем.

ЛИТЕРАТУРА

1. The Random House Dictionary of the English Language. Second Edition. – N.Y., 1987. – 997 p.
2. Webster's Third New International Dictionary. Unabridged. – Springfield, Mass., U.S.A.: Merriam-Webster, 1986. – P. 1134–1135.
3. Аметистов, Э.М. Факторы имплементации норм международного права (на примере международных норм о труде): дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.10 / Э.М. Аметистов. – М., 1983. – 381 с.
4. Блищенко, И.П. Действие международного договора на территории СССР / И.П. Блищенко // Правоведение. – 1968. – № 6. – С. 23–30.
5. Гавердовский, А.С. Имплементация норм международного права / А.С. Гавердовский. – Киев: Вища шк., 1980. – 320 с.
6. Миронов, Н.В. Советское законодательство и международное право / Н.В. Миронов. – М.: Междунар. отношения, 1968. – 197 с.
7. Мюллерсон, Р.А. Соотношение международного и национального права / Р.А. Мюллерсон. – М.: Междунар. отношения, 1982. – 136 с.
8. Усенко, Е.Т. Теоретические проблемы соотношения международного и внутригосударственного права / Е.Т. Усенко // Сов. ежегодник междунар. права, 1977. – М.: Наука, 1979. – С. 57–90.
9. Павлова, Л.В. Международное право в правовой системе государств / Л.В. Павлова // Белорус. журн. междунар. права и междунар. отношений. – 1999. – № 3. – С. 3–8.
10. Калугин, В.Ю. Международный механизм имплементации международного гуманитарного права / В.Ю. Калугин // Там же. – 1999. – № 1. – С. 10–15.
11. Джебрин, Дж. Дж. Имплементация норм международного права во внутригосударственном законодательстве: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.10 / Дж. Дж. Джебрин. – Киев, 1984. – 220 с.
12. Гаврилов, В.В. Теории трансформации и имплементации норм международного права в отечественной правовой доктрине / В.В. Гаврилов // Моск. журн. междунар. права. – 2001. – № 2. – С. 39–62.
13. Моргунова, М.А. Имплементация норм международного права и региональных организаций в национальные правовые системы стран Северной Европы / М.А. Моргунова // Журн. рос. права. – 2002. – № 5. – С. 144–152.
14. Рыхтикова, Л.Ю. Основы национально-правовой имплементации норм международного права в Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.10 / Л.Ю. Рыхтикова. – М., 2006. – 162 с.

15. Лукашук, И.И. Международное право. Общая часть: учеб. / И.И. Лукашук. – М.: Изд-во БЕК, 1996. – 371 с.
16. Международное публичное право. Общая часть: учеб. пособие для студ. вузов по юрид. спец. / авт. кол.: А.Е. Вашкевич [и др.]; под ред. Ю.П. Бровки, Ю.А. Лепешкова, Л.В. Павловой. – Минск: Амалфея, 2011. – 496 с.
17. Имплементация норм международного права во внутрисударственное право / Л.В. Павлова [и др.]; под ред. Л.В. Павловой. – Минск: БГУ, 2001. – 148 с.
18. Черниченко, С.В. Вопрос о соотношении международного и внутрисударственного права как правовых систем / С.В. Черниченко // Правоведение. – 2009. – № 1. – С. 6–34.
19. Международное право: учеб. для вузов / отв. ред. проф. Г.В. Игнатенко, проф. О.И. Тиунов. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Норма, 2003. – 624 с.
20. Международное право: учеб. / отв. ред. В.И. Кузнецов, Б.Р. Тузмухамедов. – 3-е изд., перераб. – М.: Норма: Инфра-М, 2010. – 720 с.
21. Международное право = Völkerrecht: пер. с нем. / Вольфганг Граф Витцум [и др.]; В. Бергманн; науч. ред. и сост. указ. Т.Ф. Яковлева. – М.: Инфотропик Медиа, 2011. – 992 с.
22. Хартия экономических прав и обязанностей государств, 12 дек. 1974 г. // Организация Объединенных Наций [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.un.org/russian/dhl/resguide/gares.htm>. – Дата доступа: 05.09.2012.
23. Парижская конвенция по охране промышленной собственности 1983 г. // Всемирная организация интеллектуальной собственности [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.wipo.int/treaties/ru/>. – Дата доступа: 05.09.2012.
24. Гражданский кодекс Республики Беларусь: Кодекс Респ. Беларусь, 7 дек. 1998 г., № 218-З // Нац. правовой Интернет-портал Респ. Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://pravo.by/webnpa/text.asp?RN=НК9800218>. – Дата доступа: 05.09.2012.
25. Статьи соглашения МВФ (Устав) // Междунар. валютный фонд [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.imf.org/external/pubs/ft/aa/rus/index.pdf>. – Дата доступа: 05.09.2012.
26. О валютном регулировании и валютном контроле: Закон Респ. Беларусь, 22 июля 2003 г., № 226-З // Нац. правовой Интернет-портал Респ. Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://pravo.by/webnpa/text.asp?RN=Н10300226>. – Дата доступа: 05.09.2012.
27. Вельяминов, Г.М. Соотношение международного права и международного частного права (Часть 2. Окончание) / Г.М. Вельяминов // Моск. журн. междунар. права. – 2005. – № 2. – С. 3–21.

Дата поступления статьи в редакцию 06.09.2012

ФОРМИРОВАНИЕ И СОСТАВ РАЙОННОГО ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО КОМИТЕТА: СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА И ПРАКТИКИ ЕГО РЕАЛИЗАЦИИ

ТИМОШЕНКО М.В.,

аспирант кафедры теории и истории государства и права Гомельского государственного университета им. Ф.Скорины

Состав и процедура формирования районных исполнительных комитетов в Республике Беларусь регламентированы большим количеством нормативных правовых актов. Эти вопросы недостаточно освещены в научной литературе. В этой связи автор настоящей статьи на основе научного анализа вносит ряд предложений о совершенствовании белорусского законодательства и практики его реализации, касающихся исключения стадии согласования на отдельных этапах формирования состава исполкома, назначения руководителей, участия общественности и средств массовой информации в работе исполкома и др.

A structure and certain procedure of formation of district executive committees in the Republic of Belarus are regulated by a large number of normative legal acts. These questions aren't covered enough in the scientific literature. In this regard basing on the theoretical analysis the author of this article tries to make some proposals about improvement of legislation and practice of its realization concerning the exception of a stage of the coordination in the certain stages of formation of the executive committees, appointing the top officials, the participation of the public and mass media in the work of the executive committees and others.

Введение

Эффективность работы органа государственного управления во многом зависит от его качественного состава. Районный исполнительный комитет (далее – исполком) не является исключением. Поэтому правовое регулирование его формирования и состава должно быть нацелено на решение указанной задачи. Современное белорусское законодательство, регулирующие данные вопросы, представлено значительным количеством нормативных правовых актов. При их применении на практике возникает ряд проблем, связанных с процедурами назначения председателей и некоторых членов исполкома, преодоление которых способствовало бы решению задач более качественного государственного управления на местах. Поэтому целью настоящей статьи является анализ имеющегося нормативно-правового массива на основе научных подходов и с использованием воззрений иных ученых, акцентирование внимания на про-

blemных позициях и внесение предложений об их преодолении.

Теоретико-правовые аспекты рассматриваемой в настоящей статье проблемы получили освещение, главным образом, в юридической науке советского периода. Вопросы формирования и состава коллегиальных органов государственного управления, в частности исполкомов, рассматривались в трудах Г.В.Атаманчука, Г.В.Барабашева, Б.Н.Габричидзе, О.Е.Кутафина, В.М.Манохина, Н.Г.Ткаченко, К.Ф.Шеремета и многих других ученых, положения которых сохраняют свою значимость для науки административного права в современный период.

В настоящее время позиции белорусских ученых в большей степени представлены в учебной литературе под авторством А.Н.Крамника. Отдельные аспекты проблемы, касающиеся вопросов государственной службы, кадровой политики, рассматриваются в исследованиях А.А.Бержанина, Л.А.Краснобаевой, А.Н.Тиковенко, О.И.Чуприс и др. В то же время форми-

рованию и составу районного исполкома как органа местного управления в науке административного права сегодня уделяется недостаточное внимание. Слабый интерес к этой теме и в Российской Федерации, хотя некоторые аспекты формирования органов государственного управления на местном уровне получили научное освещение [1]. Вместе с тем научный анализ практики формирования и состава органов государственного управления, исследование многих ее сторон отдельными белорусскими и зарубежными специалистами не восполняют пробел в теоретическом осмыслении этих вопросов применительно к исполкомам на современном этапе и они по-прежнему не получают надлежащего научного исследования. Поэтому настоящая статья представляет собой попытку восполнить указанный пробел.

Основная часть

Одной из основных особенностей исполкомов является то, что по своему организационному строению они представляют собой коллегиальные органы, что обуславливает наличие состава и определенной процедуры их формирования. Правовую основу формирования и состава исполкомов составляют Конституция Республики Беларусь и Закон Республики Беларусь от 4 января 2010 года «О местном управлении и самоуправлении в Республике Беларусь» (далее – Закон). В то же время рассматриваемые в настоящей статье вопросы регламентируются рядом указов Президента Республики Беларусь и другими правовыми актами. Каждым исполкомом формируются кадровый реестр, резерв кадров, определяются порядок его использования и обновления, методы подбора кандидатов, формы их подготовки. Таким образом, совокупность актов по вопросам формирования и состава исполкомов отличается громоздкостью, а Закон не исполняет роль системно-базового акта, создающего прочную основу правового регулирования отношений в этой области.

Составы исполкомов разного уровня различаются. Так, в состав исполкома в соответствии с п. 6 ст. 38 Закона входят председатель, его заместители, управляющий делами и другие члены. Председатель, заместители и управляющий делами включаются в состав исполкома в силу прямого указания в Законе. Количество иных членов исполкома действующим законодательством не ограничивается, определяется им самостоятельно и может изменяться. Как правило, в состав исполкома входит от десяти до шестнадцати человек.

Членом исполкома может быть любой работник. На практике в его состав включают начальников отделов организационно-кадровой, идеологической работы, финансового отдела, отдела

внутренних дел, начальников иных отделов, специалистов, а также лиц, не являющихся работниками исполкома. Последние могут являться как руководителями организаций, ему подчиненных, так и организаций, ему непосредственно не подчиненных, например, руководители общественных профсоюзных, молодежных организаций, местных средств массовой информации. Таким образом, одна часть состава исполкома относится к его штатным сотрудникам, а другая часть, не относящаяся к штатному составу этого органа, исполняет свои обязанности бесплатно, в порядке общественной работы. Соответственно члены исполкома, являющиеся его штатными работниками, несут ответственность за конкретный участок работы в нем, другие же такой ответственности не несут, но они возглавляют организации, которые по своему назначению должны осуществлять постоянный мониторинг общественной и социально-экономической жизни района, а также от эффективности деятельности которых зависит результат социально-экономического развития района. Эти лица постоянно находятся в гуще народа, знают его настроения и нужды. Постоянное их участие в работе исполкома позволяет более квалифицированно решать стоящие перед ним задачи, поэтому такой состав удобен для работы.

Сочетание государственных и общественных начал в деятельности исполкома имело место и в советский период истории нашего государства, что нашло широкое освещение в научной литературе того времени [2; 3]. Является актуальным вывод, сделанный в советское время, о том, что участие представителей общественности в работе исполкома делает его службу более эффективной и содержательной. Вместе с тем важно, чтобы члены исполкома отвечали за состояние дел в порученной им сфере деятельности, более ответственно подходили к принимаемым решениям. Этому будет способствовать включение в состав исполкома большего количества руководителей подразделений, формирующих его структуру. В то же время участие руководителей иных государственных органов и организаций, в том числе и общественных, в работе исполкомов весьма желательно, так как это содействует укреплению связей исполкома с населением района и трудовыми коллективами.

В регламентах исполкомов, как правило, предусматривается участие в заседаниях ряда лиц с правом совещательного голоса. Регламентами ряда исполкомов такое право предоставляется, как правило, председателю районного Совета депутатов, прокурору района, начальнику инспекции Министерства по налогам и сборам Республики Беларусь, начальнику отдела статистики, начальникам структурных подразделений исполкома. Безусловно, такая практика работы заслуживает внимания, так как способствует

наиболее полному выявлению мнения лиц, участвующих в заседании, и принятию эффективных управленческих решений. Однако понятие «право совещательного голоса», а также субъекты, им обладающие, в Законе не определены. Применительно к правовому регулированию этого вопроса уместно будет определить, что право совещательного голоса – это возможность принимать участие в заседании и высказать свое мнение по рассматриваемому вопросу лицу, не являющемуся членом исполкома. Полагаем, что исполком вправе самостоятельно определять круг лиц, кому такое право может быть предоставлено. Кроме того, в Законе Республики Беларусь от 17 июля 2008 года «О средствах массовой информации» и Законе Республики Беларусь от 22 апреля 1992 года «О профессиональных союзах» можно было бы закрепить норму об обязательном участии руководителей местных средств массовой информации, районных структур профсоюзов в заседаниях коллегиальных органов местного управления.

Процесс формирования исполкома в теоретическом плане, вытекающем из актов законодательства, можно представить в три этапа, каждый из которых состоит из нескольких стадий.

На *первом этапе* назначается его руководитель. В соответствии со ст. 119 Конституции Республики Беларусь и соответствующей ей нормой ст. 46 Закона руководитель исполкома назначается на должность и освобождается от должности Президентом Республики Беларусь или в установленном им порядке и утверждается в должности соответствующим Советом депутатов. Указом Президента Республики Беларусь от 22 февраля 2011 г. № 66 «О некоторых вопросах местного управления и самоуправления» (далее – Указ № 66) конкретизируется, что председатель исполкома назначается на должность и освобождается от должности председателем областного исполнительного комитета (далее – облисполком) по согласованию с Президентом Республики Беларусь.

Правом внесения предложений по назначению на должность председателя исполкома Президенту Республики Беларусь наделены председатель облисполкома, Глава Администрации Президента Республики Беларусь.

Далее следуют сбор, анализ и проверка данных о кандидате на должность председателя в соответствии с Указом Президента Республики Беларусь от 2 ноября 2000 г. № 577 «О некоторых мерах по совершенствованию работы с кадрами в системе государственных органов», которые можно рассматривать как отдельную стадию первого этапа формирования исполкома, так как без наличия положительного заключения согласование не может быть начато.

После получения положительного заключения предложение о кандидатуре на должность председателя исполкома начинается стадия со-

гласования. Следует отметить, что в действующем законодательстве нет определения понятия «согласование». Полагаем, что согласовать кандидатуру на должность председателя исполкома означает получить согласие Президента Республики Беларусь на его назначение. Согласование является юридически важным действием. В данном случае право Президента, несмотря на то что оно выражается в форме согласования, превалирует над правом председателя облисполкома. Последнее зависит от наличия согласия. При этом решение Президента не может быть ни обжаловано, ни отменено либо изменено никем, кроме него самого. В случае если кандидатура не согласована, она не может быть назначена на соответствующую должность.

Таким образом, процедура согласования назначения председателя исполкома ввиду своей важности является весьма трудоемкой, регламентированной большим количеством нормативных правовых актов, в ней задействованы многие государственные органы.

После согласования кандидатуры осуществляется назначение на должность председателя исполкома, которое оформляется распоряжением председателя облисполкома.

Назначенный председателем облисполкома по согласованию с Президентом Республики Беларусь председатель исполкома представляется председателем облисполкома на утверждение соответствующего районного Совета депутатов.

Сущность утверждения согласно толкованию, приведенному в словаре С.И.Ожегова, заключается в официальном оформлении, придании чьим-то действиям окончательного юридического характера [4, с. 749]. По мнению А.Н.Крамника, которое мы разделяем, сущность утверждения районным Советом депутатов заключается в принятии на сессии соответствующего правового акта – решения об утверждении в должности уже назначенного лица, кандидатура которого согласована Президентом Республики Беларусь [5, с. 600].

Фактически на сессии районный Совет депутатов ставится в известность об уже имеющем место назначении, принимает к сведению, одобряет волеизъявление председателя облисполкома. Даже если районный Совет депутатов по какой-либо причине не согласен с назначенной кандидатурой и не утверждает ее, он не уполномочен законодательством на внесение другой кандидатуры на эту должность. Таким правом наделены председатель облисполкома и Глава Администрации Президента Республики Беларусь. При повторном отклонении Советом депутатов окончательное решение о назначении также принимается председателем облисполкома, но без согласования с Советом депутатов. Поэтому в действительности осуществляется процесс информирования районного Совета депутатов о произведенном назначении.

Совет депутатов должен знать руководителя исполкома, поскольку в процессе осуществления своих функций исполком и соответствующий районный Совет депутатов тесно взаимодействуют между собой. Их общей задачей является решение вопросов местного значения. Исполком реализует решения Совета депутатов и организует их исполнение всеми организациями, находящимися на территории района. Взаимодействие указанных органов осуществляется и по многим другим направлениям. Поэтому применительно к правовому регулированию этого вопроса желательно п. 3. ст. 46 Закона изложить в следующей редакции: «3. Порядок назначения на должности и освобождения от должностей председателей исполкомов определяется Президентом Республики Беларусь. О состоявшемся назначении информируется Совет.», что соответствовало бы фактическому положению дел. Аналогичные изменения следует внести в Указ Президента Республики Беларусь от 8 ноября 2001 г. № 645 «О порядке назначения (утверждения, освобождения, отстранения) и согласования назначения (освобождения, отстранения) Президентом Республики Беларусь на некоторые должности, включенные в кадровый реестр Главы государства Республики Беларусь». Не исключено, что подобные изменения и дополнения должны затронуть нормы Конституции.

Освобождение от должности председателя исполкома также осуществляется председателем облисполкома по согласованию с Президентом Республики Беларусь, без наличия которого освобождение от занимаемой должности состояться не может. Вопрос об утверждении освобождения от должности председателя исполкома на сессии районного Совета депутатов не рассматривается.

Таким образом, первый этап формирования исполкома включает следующие стадии: внесение соответствующей кандидатуры, сбор, анализ и проверка данных о кандидатуре, согласование, назначение на должность председателя исполкома, информирование районного Совета депутатов.

На *втором этапе* формирования исполкома назначаются его заместители и управляющий делами. Указанные члены исполкома назначаются на должности и освобождаются от нее председателем исполкома по согласованию с председателем облисполкома. По сложившейся практике правом вносить предложения по рассматриваемым кандидатурам наделен председатель исполкома с учетом мнения первого заместителя председателя облисполкома, заместителей председателя облисполкома по принадлежности, управляющего делами облисполкома.

Процедура согласования состоит из представления в управление организационно-кадровой работы облисполкома установленных документов (представления председателя исполкома, справки о биографических данных, характеристики и других документов), их изучения компетентными

лицами, проведения собеседования с кандидатами, рекомендуемыми на должность, и получения письменного согласования на соответствующее назначение. Председатель облисполкома рассматривает внесенные представления о согласовании кандидатур в течение месяца.

В соответствии с подпунктом 9.6 пункта 9 Положения о помощнике Президента Республики Беларусь, утвержденного Указом Президента Республики Беларусь от 11 января 2001 г. № 21, в согласовании кандидатур для назначения на должности заместителей председателей исполкомов принимает участие помощник Президента Республики Беларусь – главный инспектор по области. Представляется, что участие помощника Президента на второй стадии формирования исполкома является опосредованной формой участия Президента в этом процессе. Однако Указом № 66 это не предусмотрено, что является недостатком данного нормативного правового акта, который предлагаем устранить путем изложения абзаца первого пункта 11 в следующей редакции: «11. Заместители председателя исполкома базового уровня назначаются на должности и освобождаются от должностей председателем этого исполкома по согласованию с председателем областного исполкома и помощником Президента Республики Беларусь – главным инспектором по области, г. Минску. Управляющий делами исполкома базового уровня назначается на должность и освобождается от должности председателем этого исполкома по согласованию с председателем областного исполнительного комитета.».

В случае отказа председателя облисполкома в согласовании представленных кандидатур назначение на соответствующую должность не может состояться. В такой ситуации председатель исполкома вынужден вносить на согласование новые кандидатуры. Поэтому согласование является весьма важной частью также и второго этапа формирования исполкома. Получение указанного согласования дает основание на издание распоряжения председателем исполкома о назначении на должности заместителей и управляющего делами. Освобождение от должностей указанных лиц также происходит по согласованию с председателем облисполкома, без наличия которого освобождение от занимаемой должности не происходит.

Таким образом, второй этап формирования исполкома состоит из следующих стадий: внесение кандидатуры, ее согласования, назначения на должность.

Значимым итогом формирования состава исполкома на первом и втором этапах является прямое опосредование членства в нем председателя, его заместителей и управляющего делами занятием ими должностей: при назначении на должность указанные работники становятся членами исполкома автоматически. Их увольнение влечет за собой освобождение от исполнения обязанностей членом исполкома.

На *третьем этапе* формирования исполкома назначаются все остальные его члены. Многие из них уже занимают должности в исполкоме или в иных государственных органах или организациях. В соответствии с Указом № 66 эти лица также назначаются в состав исполкома и освобождаются от исполнения возложенных на них обязанностей в связи с членством по согласованию с председателем облисполкома.

Правом вносить предложения по рассматриваемым кандидатурам наделяется председатель исполкома. Процедуры согласования кандидатур на втором и третьем этапах формирования исполкома весьма схожи, за исключением того, что в согласовании не принимает участия помощник Президента Республики Беларусь – главный инспектор по области.

Таким образом, третий этап формирования исполкома состоит из таких же стадий, что и второй этап. По нашему мнению, согласование на третьем этапе формирования исполкома является излишним в силу следующих причин. Во-первых, членство в исполкоме лиц, назначаемых на третьем этапе, не связано с занимаемой должностью, а обязанности в связи с этим они осуществляют на общественных началах. Во-вторых, в большинстве своем эти лица являются руководителями структурных подразделений исполкома и их кандидатуры уже прошли согласование в соответствующих вышестоящих структурах при назначении на должность. В-третьих, увольнение с занимаемых должностей рассматриваемой категории членов исполкома не влечет за собой освобождения от исполнения обязанностей члена исполкома, которое необходимо согласовывать отдельно. Это не только увеличивает документооборот, но в первую очередь отражается на качестве работы исполкома и принимаемых им решений, поскольку за время, требуемое для согласования освобождения от членства, исполкомом могут приниматься решения, в выработке которых должны принимать участие эти лица. Однако выполнение этого условия не всегда может быть возможным по роду

новой деятельности лица. Значит, согласование как стадия третьего этапа может быть исключено. Кроме того, отказ от него мог бы уменьшить документооборот в исполкомах и способствовать реализации Директивы Президента Республики Беларусь от 27 декабря 2006 г. № 2 «О мерах по дальнейшей де бюрократизации государственного аппарата».

Заключение

Формирование исполкома является протекающим во времени процессом, объединяющим три этапа, каждый из которых состоит из ряда стадий. На первом этапе назначается руководитель исполкома, на втором – его заместители и управляющий делами, на третьем – все остальные его члены. При этом стадия согласования, имеющая большое значение на первом и втором этапах, на третьем этапе может быть отменена.

Несмотря на отсутствие непосредственной подчиненности исполкомов Президенту Республики Беларусь, в процессе формирования их состава велика степень участия Главы государства.

Требуется уточнения в законодательных актах и на практике с учетом указанных в настоящей статье предложений порядок назначения на должности и освобождения от должностей председателей исполкомов и их заместителей, а также формирование персонального состава исполкомов.

В законах «О средствах массовой информации» и «О профессиональных союзах» следует закрепить норму об обязательном участии руководителей местных средств массовой информации, районных структур профсоюзов в заседаниях исполкомов, а в Законе дать определение понятия «право совещательного голоса», а также наделить исполкомы правом самостоятельно определять круг лиц, кому такое право может быть предоставлено.

Считаем, что предложения, внесенные автором настоящей статьи, послужат эффективно сти формирования и работы исполкомов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Малиненко, Э.В. Правовой статус органов исполнительной власти краев, областей Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.14 / Э.В. Малиненко. – М., 1999. – 26 с.
2. Банных, М.П. Организационно-правовые вопросы развития общественных начал в деятельности местных органов Советского государственного управления Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / М.П. Банных. – М., 1969. – 15 с.
3. Козлов, Ю.М. Соотношение государственного и общественного управления в СССР / Ю.М. Козлов. – М.: Юрид. лит., 1966. – 215 с.
4. Ожегов, С.И. Словарь русского языка / С.И. Ожегов; под ред. Н.Ю. Шведовой. – 15-е изд. – М.: Рус. яз., 1984. – 816 с.
5. Крамник, А.Н. Административное право Республики Беларусь. Часть 1. Управленческое право / А.Н. Крамник. – Минск: Тесей, 2008. – 672 с.

Дата поступления статьи в редакцию 30.08.2012

ГЕНЕЗИС И ПЕРИОДИЗАЦИЯ ИСТОРИИ ОБНАРОДОВАНИЯ (ОФИЦИАЛЬНОГО ОПУБЛИКОВАНИЯ) ПРАВОВЫХ АКТОВ В БЕЛАРУСИ

ШАРШУН В.А.,

заместитель директора Национального центра правовой информации Республики Беларусь,
кандидат юридических наук

В статье рассматриваются основные этапы развития системы и источников обнародования (официального опубликования) правовых актов в период от начала становления современной белорусской государственности до настоящего времени. Автор детально освещает переход к официальному опубликованию правовых актов в электронном виде в Республике Беларусь.

(Окончание. Начало в № 5/2012)

После принятия Конституции Республики Беларусь 1994 года и избрания Президента Республики Беларусь потребовалось определение источника официального опубликования его правовых актов. В соответствии с Указом Президента Республики Беларусь от 3 декабря 1994 г. № 252 «О порядке опубликования и вступления в силу декретов, указов и распоряжений Президента Республики Беларусь» источниками официального опубликования указов Главы государства были определены Собрание указов Президента и постановлений Кабинета Министров Республики Беларусь, газеты «Белорусская нива», «Звезда», «Рэспубліка» и «Советская Белоруссия». Также было отмечено, что указы Президента Республики Беларусь могут быть опубликованы в других печатных изданиях, переданы по радио, телевидению и иным каналам связи, разосланы соответствующим государственным органам, предприятиям, учреждениям, организациям, общественным объединениям [1].

Важным этапом во внедрении информационных технологий в государственную систему правовой информации и фактически отправной точкой развития правовой информатизации в нашей стране явились положения Концепции судебно-правовой реформы, одобренной постановлением Верховного Совета Республики Беларусь от 23 апреля 1992 г. № 1611-ХІІ, предусматривающие в целях оптимизации законодательного процесса и совершенствования

правоприменительной практики создание при Министерстве юстиции республиканского центра правовой информации. В данном центре предполагалось с использованием современных средств программного и аппаратного обеспечения хранить и поддерживать в контрольном состоянии общедоступную базу данных действующего в республике законодательства, а также предоставить возможность широкого доступа через обычные телекоммуникационные системы (телефон, телетайп, телекс, факсодемную компьютерную связь, а также запросы по почте) к базе данных действующего законодательства и обеспечить доступность законодательства для каждого гражданина [2].

В целях реализации положений данной Концепции 15 октября 1992 г. Министерством юстиции Республики Беларусь в структуре Научно-исследовательского института проблем криминологии, криминалистики и судебной экспертизы был образован Республиканский центр правовой информации. В этот период определялись направления информатизации в области создания баз данных законодательства и проведения автоматизации судебно-экспертной деятельности, информатизации судов и учреждений юстиции [3].

Постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 1 февраля 1994 г. № 50 «О мерах по формированию республиканского эталонного банка данных правовой информации» перед специалистами Республиканского центра

правовой информации была поставлена задача сформировать республиканский эталонный банк данных правовой информации на бумажных и электронных (магнитных) носителях, включающий в себя законодательные акты Республики Беларусь, а также ведомственные нормативные акты. Данное постановление обязывало все министерства и ведомства предоставлять на регистрацию принятые ими правовые акты не только на бумажном, но и на электронном носителе [4].

В соответствии с Указом Президента Республики Беларусь от 30 июня 1997 г. № 338 на базе указанного центра был создан Национальный центр правовой информации Республики Беларусь (далее – НЦПИ) – центральное государственное научно-практическое учреждение, осуществляющее сбор, учет, обработку, хранение, систематизацию и актуализацию эталонной правовой информации, ее распространение (предоставление), а также официальное опубликование правовых актов [5].

Важнейшим этапом в дальнейшем развитии национальной государственной системы правовой информации явилось создание с 1 января 1999 г. в соответствии с Указом Президента Республики Беларусь от 20 июля 1998 г. № 369 Национального реестра правовых актов Республики Беларусь как системы учета правовых актов Республики Беларусь [6]. Ведение Национального реестра осуществляется в целях:

- обеспечения единой системы законодательства Республики Беларусь;
- создания эталонного банка данных правовой информации Республики Беларусь и комплектования фонда правовых актов Республики Беларусь, поддержания их в контрольном состоянии на бумажных носителях и в электронной форме;
- обеспечения своевременного информирования государственных органов, иных организаций и физических лиц о законодательстве Республики Беларусь;
- осуществления межгосударственного обмена правовой информацией.

Следующим важным этапом в развитии государственной системы правовой информации стало создание в соответствии с Декретом Президента Республики Беларусь от 10 декабря 1998 г. № 22 «Об утверждении Положения об официальном опубликовании и вступлении в силу правовых актов Республики Беларусь» целостной системы источников официального опубликования нормативных правовых актов, в том числе единого такого источника – официального периодического печатного издания «Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь» [7], который издавался с 1 января 1999 г. по 30 июня 2012 г. С введением с 1 января 2004 г. в эксплуатацию Национального правового Интернет-портала Республики Беларусь (далее –

Портал) на указанном ресурсе осуществлялось размещение электронных версий очередных номеров данного печатного издания в формате PDF.

Развитие информационных технологий, увеличение пользователей сети Интернет обусловили необходимость перехода к официальному опубликованию правовых актов в электронном виде.

В связи с изданием Декрета Президента Республики Беларусь от 28 февраля 2006 г. № 4 «О внесении дополнения в Положение об официальном опубликовании и вступлении в силу правовых актов Республики Беларусь» [8] и Указа Президента Республики Беларусь от 28 февраля 2006 г. № 124 «О внесении изменения в Положение о Национальном реестре правовых актов Республики Беларусь» [9] дополнительно в качестве официального источника опубликования правовых актов была отнесена электронная версия официального периодического печатного издания «Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь», размещаемая на Портале одновременно с выходом в свет соответствующего номера печатного издания.

Очередным этапом в переходе к официальному опубликованию правовых актов в электронном виде стало принятие Указа Президента Республики Беларусь от 3 июня 2008 г. № 293 «О внесении изменений и дополнения в Указ Президента Республики Беларусь от 20 июля 1998 г. № 369». В соответствии с данным Указом нормативные правовые акты местных органов депутатов, исполнительных и распорядительных органов базового уровня, технические нормативные правовые акты и локальные нормативные правовые акты (если государственным органом (организацией), их принявшим (издавшим), принято решение о включении их в Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь) подлежали официальному опубликованию только в электронной версии соответствующего номера официального периодического печатного издания «Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь» без официального опубликования в данном периодическом печатном издании. При этом в соответствующем номере этого периодического печатного издания публиковались реквизиты этих правовых актов (вид акта, дата принятия (издания), номер, название, регистрационный номер и дата включения правового акта в Национальный реестр), а также информация о размещении их текстов в электронной версии данного номера указанного печатного издания на Портале [10].

Со второго полугодия 2008 года нормативные правовые акты местных Советов депутатов, исполнительных и распорядительных органов базового уровня и ряд других актов официально стали публиковаться только в электронном

виде, однако дата их опубликования была связана с датой выхода соответствующего печатного номера издания. В дальнейшем в соответствии с Указом Президента Республики Беларусь от 30 декабря 2010 г. № 713 «О внесении изменений и дополнений в Указ Президента Республики Беларусь от 20 июля 1998 г. № 369» перечень таких правовых актов был расширен за счет включения постановлений Палаты представителей и Совета Республики Национального собрания Республики Беларусь о принятии, одобрении, отклонении проектов законов, постановлений Совета Министров Республики Беларусь о командировании должностных лиц, нормативных правовых актов областных, Минского городского Советов депутатов, облисполкомов, Минского горисполкома, регламентов коллегиальных органов [11].

Впервые официальное опубликование правовых актов только в электронном виде (без опубликования в печатных изданиях) в Республике Беларусь было осуществлено 30 июня 2008 г. В этот день на Портале в электронных версиях шести номеров официального периодического печатного издания «Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь» (№ 151–156) было опубликовано 544 решения районных исполнительных комитетов и районных Советов депутатов.

Очередным этапом в развитии официального опубликования правовых актов в электронном виде стало принятие Указа Президента Республики Беларусь от 13 июня 2011 г. № 248 «О некоторых вопросах официального опубликования нормативных правовых актов». Данным Указом в целях обеспечения реализации прав юридических и физических лиц на получение полной, достоверной и своевременной информации о нормативных правовых актах установлено, что в случаях, требующих оперативного доведения до всеобщего сведения нормативных правовых актов Совета Министров Республики Беларусь, Национального банка, министерств и иных республиканских органов государственного управления, которые направлены на стабилизацию ситуации на потребительском и валютном рынках, их официальное опубликование осуществлялось путем размещения на Портале с последующим официальным опубликованием в официальном периодическом печатном издании «Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь», его электронной версии и иных источниках в соответствии с законодательством. При этом датой официального опубликования нормативных правовых актов являлась дата их размещения на Портале. В соответствии с данным Указом размещение на Портале нормативных правовых актов осуществлялось НЦПИ в

день их поступления в установленном порядке в Центр после регистрации в Национальном реестре правовых актов Республики Беларусь [12].

По состоянию на 1 января 2012 г. общее количество официально опубликованных правовых актов в электронном виде на Портале составило около 30 000 (II полугодие 2008 года – 5393, 2009 год – 6902, 2010 год – 7279). В 2011 году в электронном виде было официально опубликовано 9764 правовых акта, а в печатном издании – 3 517, т.е. 73 % от общего количества правовых актов опубликовано в электронном виде.

Качественно новый этап развития государственной системы правовой информации – официальное опубликование правовых актов в электронном виде связан с принятием Декрета Президента Республики Беларусь от 24 февраля 2012 г. № 3 «О некоторых вопросах опубликования и вступления в силу правовых актов Республики Беларусь» (далее – Декрет № 3), который вступил в силу с 1 июля 2012 г. [13].

В соответствии с Декретом № 3 в отличие от ранее действовавшей системы официального опубликования правовых актов с 1 июля 2012 г. единственным источником официального опубликования правовых актов, включаемых в Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь, стал Портал – основной государственный информационно-правовой интернет-ресурс в области права и правовой информатизации.

Важной новацией Декрета № 3 явилось и то, что впервые были разделены понятия официального опубликования и обнародования (опубликования) правовых актов.

Официальным опубликованием правовых актов является доведение этих правовых актов до всеобщего сведения путем размещения их текстов в полном соответствии с подписанными подлинниками на Портале. При этом датой официального опубликования правового акта считается дата его размещения на Портале. Официальное опубликование правовых актов в таком порядке в соответствии с Указом Президента Республики Беларусь от 24 февраля 2012 г. № 106 «О внесении дополнений и изменений в некоторые указы Президента Республики Беларусь» осуществляется НЦПИ [14].

Обнародование (опубликование) правовых актов является неофициальным и может осуществляться в сборнике правовых актов «Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь», газетах «Советская Белоруссия», «Звезда», «Народная газета», «Республика», а также в периодических печатных изданиях, определяемых в соответствии с законодательством областными и Минским городским Советами депутатов, областными и Минским городским исполнительными комитетами, местными Советами депута-

тов, исполнительными и распорядительными органами базового территориального уровня. Такое обнародование правовых актов предоставляет возможность гражданам, не имеющим по каким-либо причинам доступа к сети Интернет, ознакомиться с текстами правовых актов в соответствующих печатных изданиях.

В других, кроме вышеперечисленных, печатных изданиях правовые акты могут быть опубликованы только после их официального опубликования с соблюдением требований, установленных Положением о деятельности по распространению (предоставлению) правовой информации в Республике Беларусь, утвержденным Указом Президента Республики Беларусь от 30 декабря 2010 г. № 712 «О совершенствовании государственной системы правовой информации Республики Беларусь», при условии заключения с НЦПИ договора предоставления правовой информации для ее дальнейшего распространения (предоставления) [15].

С 1 июля 2012 г. вместо официального периодического печатного издания «Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь» издается сборник правовых актов «Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь», который не является источником официального опубликования правовых актов. При этом обнародование (опубликование) правовых актов в указанном сборнике осуществляется в полном соответствии с подписанными подлинниками на том государственном языке (языках), на котором они приняты (изданы), и с учетом требований, установленных Законом Республики Беларусь от 10 января 2000 года «О нормативных правовых актах Республики Беларусь» [16] и другими законодательными актами. Данный сборник распространяется по заявкам организаций и граждан, по подписке, в торговой сети и другими, не запрещенными законодательством способами.

Официальное опубликование нормативных правовых актов в электронном виде в сети Интернет в отличие от официального опубликования на бумажных носителях (в газетах, печатных изданиях) имеет ряд неоспоримых преимуществ. Такое опубликование позволяет обеспечить оперативность официального опубликования правовых актов, так как оно может осуществляться ежедневно вне зависимости от объема конкретного правового акта, что, по сути, не может обеспечить ни одно печатное издание, а также избежать постоянно растущих финансовых расходов при опубликовании правовых актов в печатных источниках.

Декретом № 3 впервые определен порядок официального опубликования нормативных правовых актов местных Советов депутатов, исполнительных и распорядительных органов первичного территориального уровня (поселковых и сельских советов), решений, принятых городским (городов районного подчинения), поселковым, сельским референдумом. Это позволит обеспечить свободный доступ всех заинтересованных граждан и организаций к социально значимому массиву указанных документов.

Таким образом, в истории Беларуси можно выделить следующие основные этапы в обнародовании (официальном опубликовании) правовых актов:

«добумажный» период – до 1588 года (до принятия Статута Великого Княжества Литовского 1588 года);

период обнародования (опубликования) правовых актов в печатной форме – 1588–2006 годы;

период перехода к официальному опубликованию правовых актов в электронном виде – 2006 год – 30 июня 2012 г.;

официальное опубликование в электронном виде правовых актов, включаемых в Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь, – с 1 июля 2012 г.

ЛИТЕРАТУРА

1. О порядке опубликования и вступления в силу декретов, указов и распоряжений Президента Республики Беларусь: Указ Президента Респ. Беларусь, 3 дек. 1994 г., № 252 // Собр. указов Президента и постановлений Каб. Министров Респ. Беларусь. – 1994. – № 13. – Ст. 336.

2. О Концепции судебно-правовой реформы: постановление Верх. Совета Респ. Беларусь, 23 апр. 1992 г., № 1611-ХІІ // Вѣдамасці Вярх. Савета Рэсп. Беларусь. – 1992. – № 16. – Ст. 270.

3. Правовая информатизация Республики Беларусь: становление и перспективы развития / Н.Н. Радиванович [и др.]; под общ. ред. Н.Н. Радивановича. – Минск: Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь, 2007. – С. 10.

4. О мерах по формированию республиканского эталонного банка данных правовой информации: постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 1 февр. 1994 г., № 50 // Собр. постановлений Правительства Респ. Беларусь. – 1994. – № 4. – Ст. 42.
5. О создании Национального центра правовой информации Республики Беларусь: Указ Президента Респ. Беларусь, 30 июня 1997 г., № 338 // Собр. декретов, указов Президента и постановлений Правительства Респ. Беларусь. – 1997. – № 17-18. – Ст. 625.
6. О Национальном реестре правовых актов Республики Беларусь: Указ Президента Респ. Беларусь, 20 июля 1998 г., № 369 // Там же. – 1998. – № 20. – Ст. 532.
7. Об утверждении Положения об официальном опубликовании и вступлении в силу правовых актов Республики Беларусь: Декрет Президента Респ. Беларусь, 10 дек. 1998 г., № 22 // Там же. – 1998. – № 35. – Ст. 888.
8. О внесении дополнения в Положение об официальном опубликовании и вступлении в силу правовых актов Республики Беларусь: Декрет Президента Респ. Беларусь, 28 февр. 2006 г., № 4 // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. – 2006. – № 37. – 1/7305.
9. О внесении изменения в Положение о Национальном реестре правовых актов Республики Беларусь: Указ Президента Респ. Беларусь, 28 февр. 2006 г., № 124 // Там же. – 2006. – № 37. – 1/7306.
10. О внесении изменений и дополнения в Указ Президента Республики Беларусь от 20 июля 1998 г. № 369: Указ Президента Респ. Беларусь, 3 июня 2008 г., № 293 // Там же. – 2008. – № 135. – 1/9739.
11. О внесении изменений и дополнений в Указ Президента Республики Беларусь от 20 июля 1998 г. № 369: Указ Президента Респ. Беларусь, 30 дек. 2010 г., № 713 // Там же. – 2010. – № 312. – 1/12249.
12. О некоторых вопросах официального опубликования нормативных правовых актов: Указ Президента Респ. Беларусь, 13 июня 2011 г., № 248 // Там же. – 2011. – № 67. – 1/12606.
13. О некоторых вопросах опубликования и вступления в силу правовых актов Республики Беларусь: Декрет Президента Респ. Беларусь, 24 февр. 2012 г., № 3 // Там же. – 2012. – № 26. – 1/13351.
14. О внесении дополнений и изменений в некоторые указы Президента Республики Беларусь: Указ Президента Респ. Беларусь, 24 февр. 2012 г., № 106 // Там же. – 2012. – № 26. – 1/13354.
15. О совершенствовании государственной системы правовой информации Республики Беларусь: Указ Президента Респ. Беларусь, 30 дек. 2010 г., № 712 // Там же. – 2010. – № 312. – 1/12250.
16. О нормативных правовых актах Республики Беларусь: Закон Республики Беларусь, 10 янв. 2000 г., № 361-З // Там же. – 2000. – № 7. – 2/136.

Дата поступления статьи в редакцию 06.09.2012

УДК 340:001.102](476)

РЕАЛИЗАЦИЯ ОТКРЫТОГО ДОСТУПА К ПРАВОВОЙ ИНФОРМАЦИИ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ: СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЯ

РОМАНОВ А.А.,

начальник управления распространения правовой информации Национального центра правовой информации Республики Беларусь

В статье анализируется действующая в Республике Беларусь система правового и информационного обеспечения открытого доступа к правовой информации, реализации государственных гарантий права граждан на получение полной, достоверной и своевременной правовой информации, а также формулируются предложения по организационному и административно-правовому решению некоторых проблем, оказывающих влияние на ее функционирование.

The article analyses the current system of legal and information support of an open access to legal information and implementation of state guarantees to the right of citizens to receive full, authentic and real-time legal information in the Republic of Belarus. It also formulates proposals for organizational and administrative and legal measures to solve some problems affecting the functioning of the mentioned system.

Свобода искать, получать и распространять информацию и идеи любыми средствами и независимо от государственных границ является одной из норм международного права, нашедших свое отражение во Всеобщей декларации прав человека, принятой резолюцией 217 А (III) Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций от 10 декабря 1948 г. [1]. Согласно Конституции Республики Беларусь государство «признает приоритет общепризнанных принципов международного права и обеспечивает соответствие им законодательства», «гарантирует права и свободы граждан Беларуси, закрепленные в Конституции, законах и предусмотренные международными обязательствами государства» [2].

Осуществленные в Республике Беларусь с декабря 2010 года нововведения в сфере право-

вого регулирования распространения (предоставления) правовой информации¹, в том числе технических нормативных правовых актов, ее официального опубликования, организации доступа к правовой информации свидетельствуют о проводимой государством последовательной политике по обеспечению взятых на себя обязательств перед белорусским народом и международным сообществом. Как показал анализ публикаций в периодической печати, обсуждений данных изменений на интернет-форумах, в рамках учебно-практических мероприятий, проводимых Национальным центром правовой информации Республики Беларусь (далее – НЦПИ) для работников государственных органов и организаций, а также учащихся, недостаток у граждан четкого комплексного видения государственной системы правовой информации Респуб-

¹ Правовая информация – тексты и обязательные реквизиты правовых актов, составляющих законодательство Республики Беларусь, в том числе международных договоров Республики Беларусь (Указ Президента Республики Беларусь от 30 декабря 2010 г. № 712 «О совершенствовании государственной системы правовой информации Республики Беларусь» (Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь, 2010 г., № 312, 1/12250).

лики Беларусь² (далее – ГСПИ), содержания и порядка ее функционирования создает основу для не всегда адекватной оценки реального положения вещей в сфере обеспечения доступа граждан и организаций к правовой информации.

Государственные гарантии обеспечения права граждан на получение полной, достоверной и своевременной правовой информации (далее – государственные гарантии) впервые были законодательно закреплены в Положении о порядке распространения правовой информации в Республике Беларусь, утвержденном Указом Президента Республики Беларусь от 1 декабря 1998 г. № 565. Однако наиболее полное свое развитие они получили в 2010 году в Положении о деятельности по распространению (предоставлению) правовой информации в Республике Беларусь, утвержденном Указом Президента Республики Беларусь от 30 декабря 2010 г. № 712 «О совершенствовании государственной системы правовой информации Республики Беларусь» (далее – Указ № 712).

В Положении, утвержденном Указом № 712, в число субъектов, участвующих в обеспечении государственных гарантий, помимо государственных органов включены и иные государственные организации. Уточнен и существенно расширен круг обязанностей данных субъектов.

Согласно пункту 8 данного Положения государственные органы и иные государственные организации в пределах своей компетенции и в соответствии с законодательством обеспечивают:

- доведение до всеобщего сведения правовой информации, исходящей от этих органов (организаций) и затрагивающей права и законные интересы граждан и организаций;
- своевременное направление в НЦПИ принятых правовых актов для включения в Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь³ (далее – НРПА), официального опубликования на Национальном правовом

Интернет-портале Республики Беларусь⁴ (далее – Национальный правовой портал), формирования и ведения эталонного банка данных правовой информации Республики Беларусь⁵ (далее – ЭБДПИ);

- формирование совместно с НЦПИ единого информационно-правового пространства Республики Беларусь посредством внедрения и использования в своей деятельности ЭБДПИ, иных государственных информационно-правовых ресурсов (далее – ИПР), информационных технологий и информационных телекоммуникационных систем, функционирующих на основе общих принципов, а также участие в их развитии и совершенствовании;
- направление в НЦПИ для формирования государственных ИПР правовых актов рекомендательного характера, методических рекомендаций, разъяснений и иных документов, связанных с реализацией и применением на практике принимаемых ими правовых актов (за исключением судебных решений), в порядке, определенном этими органами (организациями) совместно с НЦПИ;
- создание совместно с НЦПИ и обеспечение функционирования публичных центров правовой информации (далее – ПЦПИ), а также центров эталонной правовой информации.

Для обеспечения доступа к официально опубликованным и систематизированным нормативным правовым актам государственных служащих и работников государственных органов и ряда государственных организаций в соответствии с приложениями 1 и 2 к Положению, утвержденному Указом № 712, предоставлены:

- всем 46 республиканским органам государственного управления и власти, областным и Минскому городскому исполнительным комитетам, а также 14 иным государственным

² ГСПИ – организованная совокупность государственных информационно-правовых ресурсов и информационных технологий, обеспечивающая взаимодействие государственных органов, НЦПИ и иных государственных организаций по сбору, учету, обработке, хранению, систематизации, актуализации и распространению (предоставлению) правовой информации, а также официальному опубликованию правовых актов (Указ Президента Республики Беларусь от 30 декабря 2010 г. № 712 «О совершенствовании государственной системы правовой информации Республики Беларусь» (Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь, 2010 г., № 312, 1/12250).

³ В соответствии с Положением о Национальном реестре правовых актов Республики Беларусь, утвержденным Указом Президента Республики Беларусь от 20 июля 1998 г. № 369, НРПА – система учета правовых актов Республики Беларусь, которая ведется в целях: обеспечения единой системы законодательства Республики Беларусь; создания ЭБДПИ и комплектования фонда правовых актов Республики Беларусь, поддержания их в контрольном состоянии на бумажных носителях и в электронной форме; обеспечения своевременного информирования государственных органов, иных организаций и физических лиц о законодательстве Республики Беларусь; осуществления межгосударственного обмена правовой информацией.

⁴ В соответствии с Положением о Национальном правовом Интернет-портале Республики Беларусь, утвержденным Указом Президента Республики Беларусь от 16 декабря 2002 г. № 609, Национальный правовой портал – основной государственный информационный ресурс глобальной компьютерной сети Интернет в области права и правовой информатизации.

⁵ В соответствии с Положением, утвержденным Указом № 712, ЭБДПИ – основной государственный информационно-правовой ресурс, который формируется и ведется НЦПИ и представляет собой совокупность банков данных «Законодательство Республики Беларусь», «Решения органов местного управления и самоуправления», «Международные договоры».

органам и организациям⁶ – сетевые версии электронных копий ЭБДПИ с информационно-поисковой системой «ЭТАЛОН» (далее – ИПС «ЭТАЛОН»), позволяющие обеспечить одновременный доступ к содержащейся в них эталонной правовой информации до 150 пользователей с учетом штатной численности государственного органа;

- всем общим и хозяйственным судам, органам прокуратуры, нотариальным конторам областного и Минского городского уровней – сетевые версии электронных копий ЭБДПИ с ИПС «ЭТАЛОН», позволяющие обеспечить одновременный доступ к содержащейся в них эталонной правовой информации до 50 пользователей с учетом штатной численности государственного органа.

В соответствии с пунктом 27 Положения, утвержденного Указом № 712, предоставление электронных копий ЭБДПИ с ИПС «ЭТАЛОН» и их обновлений упомянутым выше государственным органам и организациям осуществляется безвозмездно в пределах средств республиканского бюджета, выделяемых НЦПИ.

В целях обеспечения доступа к официально опубликованным и систематизированным нормативным правовым актам работников иных государственных органов и организаций в соответствии с Планом мероприятий по реализации Указа № 712, утвержденным Первым заместителем Премьер-министра Республики Беларусь В.И.Семашко 28 января 2011 г. (далее – План по реализации Указа № 712), организованы установка и обновление в указанных структурах электронных копий ЭБДПИ с ИПС «ЭТАЛОН» на договорной основе по ценам (тарифам), определенным НЦПИ по согласованию с Администрацией Президента Республики Беларусь. Применяемая при этом НЦПИ ценовая политика обеспечивает доступность электронных копий ЭБДПИ с ИПС «ЭТАЛОН» не только юридическим, в том числе негосударственной формы собственности, но и физическим лицам.

Все желающие граждане имеют возможность бесплатно получить доступ к официально опубликованным и систематизированным норматив-

ным правовым актам, распространяемым в составе электронных копий ЭБДПИ с ИПС «ЭТАЛОН», обратившись в ПЦПИ⁷. С учетом результатов выполнения Плана по реализации Указа № 712, предусматривающего создание в период с 2011 по 2015 год 50 ПЦПИ, по состоянию на 1 января 2012 г. число функционирующих в республике ПЦПИ достигло 497. То есть на базе практически каждой седьмой библиотеки республики действует ПЦПИ. Контактная информация ПЦПИ размещена как на Национальном правовом портале, так и на сайте НЦПИ.

На обеспечение свободного доступа для всех либо отдельных категорий физических и (или) юридических лиц к правовой информации направлено проведение в республике следующих мероприятий:

обнародование (опубликование) официальными периодическими печатными изданиями правовых актов, получаемых от государственных органов (должностных лиц), осуществляемое в соответствии с законодательными актами;

распространение (предоставление) государственными органами и иными государственными организациями, а также подчиненными им организациями принятых ими правовых актов;

распространение (предоставление) государственными органами издаваемых (формируемых) ими печатных и электронных изданий (баз и банков данных), содержащих принятые этими государственными органами правовые акты, для обеспечения правовой информацией подчиненных или входящих в состав (систему) этих государственных органов организаций;

распространение (предоставление) правовых актов, касающихся деятельности государственных органов, подчиненных или входящих в состав (систему) этих государственных органов организаций, посредством размещения данных актов на официальных сайтах этих государственных органов (организаций);

распространение (предоставление) правовых актов посредством их размещения государственными органами, иными организациями или индивидуальными предпринимателями в обще-

⁶ Академия управления при Президенте Республики Беларусь, Аппарат Уполномоченного по делам религий и национальностей, Белорусский государственный университет, Высшая аттестационная комиссия, Государственная инспекция охраны животного и растительного мира при Президенте Республики Беларусь, государственное учреждение «Научно-практический центр проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь», государственное учреждение «Национальная библиотека Беларуси», государственное учреждение «Президентская библиотека Республики Беларусь», Информационно-аналитический центр при Администрации Президента Республики Беларусь, Национальная академия наук Беларуси, Национальный центр законодательства и правовых исследований Республики Беларусь, Оперативно-аналитический центр при Президенте Республики Беларусь, Республиканский трудовой арбитраж, Служба безопасности Президента Республики Беларусь.

⁷ ПЦПИ – пункт свободного доступа граждан к эталонной правовой информации, создаваемый Министерством культуры совместно с НЦПИ на базе государственной публичной библиотеки для обеспечения формирования у граждан правовых знаний, навыков правомерного поведения, уважительного отношения к праву и содействия проведению мероприятий по правовому просвещению граждан (Указ Президента Республики Беларусь от 30 декабря 2010 г. № 712 «О совершенствовании государственной системы правовой информации Республики Беларусь» (Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь, 2010 г., № 312, 1/12250).

доступных местах (на информационных стендах, табло) в информационных и иных целях, не связанных с непосредственной коммерческой реализацией этой правовой информации.

К числу перечисленных выше мероприятий следует отнести и реализацию пунктов 26 и 27 плана мероприятий по правовому просвещению граждан на 2011–2015 годы, утвержденного постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 3 декабря 2010 г. № 1771 (далее – план мероприятий по правовому просвещению граждан на 2011–2015 годы), предусматривающих соответственно ведение и предоставление силами НЦПИ учреждениям образования тематического банка данных правовой информации «Права несовершеннолетних» в составе ИПС «ЭТАЛОН», а также создание в учреждениях образования центров доступа к государственным ИПР, их оснащение государственными ИПР, содержащими эталонную правовую информацию.

Бесплатный доступ ко всему массиву включенных в НРПА нормативных правовых актов обеспечен на Национальном правовом портале (раздел «Официальное опубликование»), являющемся с 1 июля 2012 г. единственным в Республике Беларусь источником официального опубликования данной категории нормативных правовых актов. Примечательно, что подписание Указа Президента Республики Беларусь, в соответствии с которым был создан названный интернет-ресурс, произошло практически в тот же период, когда участники Будапештской инициативы открытого доступа к информации и знаниям, получившей свое развитие в ряде других декларативных документов⁸, в целях получения и распространения новых знаний предложили соединить старую традицию «ученых и исследователей безвозмездно публиковать плоды своих трудов в научных изданиях» [3] и новые интернет-технологии.

На Национальном правовом портале можно также ознакомиться с систематизированными текстами Конституции Республики Беларусь, кодексов Республики Беларусь, ряда нормативных правовых актов, регулирующих правоотношения в сфере правовой информатизации, актов законодательства Республики Беларусь в сфере бизнеса, внешнеэкономической деятельности и инвестиционной политики, представленных в составе интернет-версии банка данных «Бизнес» (англоязычный вариант данного ресурса размещен на соответствующей версии Национального правового портала law.by). Здесь же можно ознакомиться с текстами решений Выс-

шего Евразийского экономического совета, Евразийской экономической комиссии и Суда Евразийского экономического сообщества.

С систематизированными нормативными правовыми актами Республики Беларусь, а также международными документами, касающимися правового положения детей, получения ими образования, трудовой деятельности, ответственности, иных вопросов, связанных с изучением и применением законодательства несовершеннолетними, предоставлена возможность ознакомиться на безвозмездной основе на созданном НЦПИ по поручению Администрации Президента Республики Беларусь Детском правовом сайте. На названном интернет-ресурсе размещен в открытом доступе банк данных правовой информации «Мир Права», созданный НЦПИ при поддержке Бюро ЮНЕСКО в Москве по Азербайджану, Армении, Беларуси, Республике Молдова и Российской Федерации на основе ЭБДПИ в рамках реализации проекта ЮНЕСКО «Развитие инструментов доступа к законодательству в области права на образование и прав ребенка в Республике Беларусь».

Учитывая активное участие Республики Беларусь в интеграционных процессах, проводимую государственную политику, направленную на развитие равноправного сотрудничества с другими государствами и защиту законных интересов своих граждан, НЦПИ обеспечена возможность ознакомиться со всеми официально опубликованными и систематизированными правовыми актами, содержащимися в ЭБДПИ, из любой точки земного шара посредством интернет-услуги ЭТАЛОН-ONLINE.

Реализованный с помощью интернет-услуги ЭТАЛОН-ONLINE порядок доступа к содержащимся в интернет-версии ЭБДПИ текстам нормативных правовых актов, предусматривающий взимание платы за ее оказание в размере от 1390 до 3500 белорусских рублей за сутки (в зависимости от выбранного тарифа), необходимой для возмещения затрат, связанных с обеспечением функционирования и информационного наполнения данного ресурса, разработан с учетом международного и национального опыта, в том числе Рекомендации № R (2001) 3 Комитета Министров Совета Европы государствам-членам по распространению судебной и иной юридической информации путем использования новых технологий (http://echr-base.ru/rec2001_3.jsp), принятой 28 февраля 2001 г. Указанный документ предусматривает, в частности, что в случаях, когда экономические условия требуют оплаты дан-

⁸ Хартия онлайн-ового европейского культурного наследия (European Cultural Heritage Online) от 30 октября 2002 г., опубликованная 20 июня 2003 г.; Бетесдское заявление об открытом доступе к публикациям (Bethesda Statement on Open Access Publishing); Берлинская декларация по открытому доступу к знаниям в области естественных и гуманитарных наук (Berlin Declaration on Open Access to Knowledge in the Sciences and Humanities) от 22 октября 2003 г.

ной услуги, ее размеры ограничиваются уровнем издержек. В случае если презентабельность текста была улучшена, что вызвало рост стоимости, цена может быть увеличена соответствующим образом.

Таким образом, можно констатировать, что в результате осуществляемого в рамках обеспечения функционирования ГСПИ взаимодействия НЦПИ с государственными органами и организациями создана необходимая основа для функционирования многоуровневой системы обеспечения свободного доступа всех заинтересованных категорий граждан и организаций – от учащегося до пенсионера, от рядового работника до руководителя организации, от государственного органа управления до малого предприятия – к достоверной правовой информации, не имеющей ограничений для распространения и (или) предоставления, установленных законодательными актами Республики Беларусь. Тем не менее практика показывает, что для обеспечения ее дальнейшего развития и эффективности требуется решение ряда задач.

1. Обеспечение повышения уровня информированности граждан о ГСПИ, основных государственных ИПР, способах их использования для поиска интересующей правовой информации и получения к ней доступа. Успешность решения данной задачи в значительной степени зависит от выполнения пункта 8 Плана по реализации Указа № 712, предусматривающего включение курса обучения работе с ЭБДПИ в программу обучения и повышения квалификации работников государственных органов и организаций, а также мероприятий, предусмотренных пунктами 10–12, 14, 27 и 28 плана мероприятий по правовому просвещению граждан на 2011–2015 годы, уровня использования и популяризации государственных ИПР в ходе реализации иных мероприятий, предусмотренных данным планом.

2. Введение в квалификационные требования к государственным служащим владения навыками использования электронной копии ЭБДПИ

с ИПС «ЭТАЛОН», ИПС «Стандарт», Национального правового портала, интернет-услуги ЭТАЛОН-ONLINE, подтвержденными соответствующими сертификатами.

3. Уменьшение фрагментарности представленных в ЭБДПИ технических нормативных правовых актов в области технического нормирования и стандартизации.

4. Формирование единой системы обеспечения доступа к государственным ИПР, формируемым НЦПИ и Государственным комитетом по стандартизации Республики Беларусь, с использованием для этой цели созданной инфраструктуры ПЦПИ и формирующейся на базе учреждений образования системы центров эталонной правовой информации.

5. Выработка и реализация системы мер административно-правового реагирования в отношении субъектов и ИПР, соответственно распространяющих и содержащих неактуальную либо искаженную правовую информацию.

6. Разработка системы государственных стандартов по правовой информации, унифицирующих:

общие понятия и определения терминов, применяемых в сфере создания, сбора, учета, обработки, хранения, систематизации, актуализации, распространения (предоставления), поиска правовой информации, организации к ней доступа, а также официального опубликования правовых актов, информационно-поисковых языков, формирования информационно-правовых ресурсов, выпуска электронных изданий;

технологии выполнения вышеупомянутых работ, а также обмена правовой информацией;

порядок и форму представления правовой информации в информационно-правовых ресурсах, в том числе глобальной компьютерной сети Интернет, электронных и печатных изданиях, реферирования и аннотирования правовых актов, оформления документов, формирования электронных копий правовых актов, карточек документов, классификаторов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Всеобщая декларация прав человека // Организация Объединенных Наций [Электронный ресурс]. – 2012. – Режим доступа: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml. – Дата доступа: 10.09.2012.

2. Конституция Республики Беларусь 1994 года (с изменениями и дополнениями, принятыми на республиканских референдумах 24 ноября 1996 г. и 17 октября 2004 г.) // Нац. правовой Интернет-портал Респ. Беларусь [Электронный ресурс]. – 2012. – Режим доступа: <http://pravo.by/main.aspx?guid=6351>. – Дата доступа: 10.09.2012.

3. Будапештская Инициатива «Открытый Доступ» // Веб-сайт Государственного астрономического института им. П.К. Штернберга (ГАИШ), Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ) и ряда других организаций [Электронный ресурс]. – 2011. – Режим доступа: <http://www.astronet.ru/db/msg/1174950/read.html>. – Дата доступа: 10.10.2011.

Дата поступления статьи в редакцию 08.11.2012

ФАРМІРАВАННЕ ПРАВАВОЙ КУЛЬТУРЫ ПАДЛЕТКАЎ У БІБЛІЯТЭЦЫ: ПАВОДЛЕ ВЫНІКАЎ ДАСЛЕДАВАННЯ

ЧУПРАКОВА І.А.

начальнік аддзела навукова-метадычнага забеспячэння прававой інфарматызацыі
Нацыянальнага цэнтра прававой інфармацыі Рэспублікі Беларусь,
аспірант Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта культуры і мастацтваў

У артыкуле прадстаўлены вынікі праведзенага даследавання дзейнасці цэнтральнай гарадской бібліятэкі імя Я.Купалы і дзіцячай бібліятэкі № 1 г. Мінска па фарміраванні прававой культуры падлеткаў. Раскрыты змест і асаблівасці кожнага з этапаў педагагічнага эксперыменту, прадстаўлены структура і змест праграмы «Акадэмія прававой культуры», укараненнай у практыку дзейнасці бібліятэкі.

У сучасных сацыякультурных умовах асаблівая роля надаецца фарміраванню і развіццю асобы, якая характарызуецца якасна новымі адносінамі да права як рэгулятара сацыяльных стасункаў. Аб'ектыўная патрэбнасць грамадства ў выхаванні сацыяльна актыўнага грамадзяніна як суб'екта жыццядзейнасці прававой дзяржавы аформлена як сацыяльны заказ на фарміраванне прававой культуры дзяцей і навучэнскай моладзі як патэнцыяльна сацыяльна актыўнай часткі насельніцтва. Разам з тым адзначаецца недастатковая актыўнасць інстытутаў сацыялізацыі асобы, у тым ліку бібліятэкі, па стварэнні ўмоў для фарміравання гэтай сацыяльна значнай якасці падлеткаў як умовы і паказчыка іх сацыяльнай кампетэнтнасці, гарманізацыі стасункаў у соц'юме.

Нягледзячы на высокую сацыяльную запатрабаванасць, на сучасным этапе развіцця бібліятэчнай навукі і практыкі не раскрыты выхаваўчы патэнцыял публічнай бібліятэкі як суб'екта фарміравання прававой культуры падлеткаў. Аналіз адпаведных публікацый і рэфлексія бібліятэчнай практыкі канстатуюць недастатковае праяўленне навуковага інтарэсу да тэарэтычных аспектаў, слабую распрацаванасць метадык арганізацыі бібліяпедагагічнай дзейнасці ў адзначаным прадметным накірунку, недастатковы ўзровень кампетэнтнасці бібліятэкараў для ажыццяўлення гэтай дзейнасці. Таму актуальнымі становяцца распрацоўка і апрацацыя ў эксперыментальнай рабоце тэарэтычнага абгрунтавання і метадычнага забеспячэння педагагічнай дзейнасці бібліятэкі па фарміраванні прававой культуры падлеткаў з улікам сучас-

ных міждысцыплінарных даследаванняў па праблеме.

З мэтай укаранення мадэлі педагагічнага працэсу, які ляжыць у аснове дзейнасці бібліятэкі па фарміраванні прававой культуры падлеткаў, на базе цэнтральнай гарадской бібліятэкі імя Я. Купалы і дзіцячай бібліятэкі № 1 г. Мінска арганізавана вопытна-эксперыментальная работа. Выбар базы даследавання аргументаваны тым, што гэтыя бібліятэкі з'яўляюцца публічнымі і ў сілу свайго прызначэння ў большай ступені арыентаваны на выкананне педагагічнай функцыі. На базе названых бібліятэк дзейнічаюць публічныя цэнтры прававой інфармацыі (ПЦІІ), што з'яўляецца значным фактарам у інфармацыйна-рэсурсным забеспячэнні разглядаемага працэсу.

На розных этапах у даследаванні, якое праводзілася ў 2011–2012 гадах, прынялі ўдзел навучэнцы 5–6 класаў (98 чалавек) сталічных сярэдніх школ і 65 бібліятэкараў. Вызначэнне выбаркі было падпарадкавана мэце даследавання і абумоўлена магчымасцямі і задачамі эксперыменту, а таксама асабістым удзелам аўтара праграмы ў арганізацыі і правядзенні ўсіх бібліятэчных мерапрыемстваў.

Педагагічны эксперымент складаўся з *канстатуючага* (вызначэнне зыходнага ўзроўню прававой культуры падлеткаў і вызначэнне адпаведнай стратэгіі дзейнасці бібліятэкі), *фарміруючага* (арганізацыя педагагічнай дзейнасці па фарміраванні прававой культуры падлеткаў) і *кантрольнага* (вызначэнне вынікавага ўзроўню прававой культуры падлеткаў; ацэньванне выніковасці дзейнасці) этапаў.

У адпаведнасці з задачамі канстатуючага этапу патрабавалася наяўнасць пэўнага дыягнастычнага забеспячэння, прыдатнага для выкарыстання ў бібліятэцы з мэтай вызначэння ўзроўню сфарміраванасці прававой культуры падлеткаў. Абапіраючыся на структуру прававой культуры асобы чытача-падлетка, вызначаныя крытэрыі і іх інтэгральныя паказчыкі, мы распрацавалі анкету як асноўны дыягнастычны інструмент. Яе структура прадстаўлена 3 міні-блокамі пытанняў адкрытага, паўзакрытага і закрытага тыпаў, скіраваных на выяўленне ступені сфарміраванасці кагнітыўнага, каштоўнасна-матывацыйнага і дзейнаснага кампанентаў прававой культуры чытача-падлетка.

Для дастатковага і адэкватнага эмпірычнага адлюстравання кожнага з крытэрыяў разглядаемай якасці былі змадэляваны 8 пытанняў, прама ці ўскосна арыентаваныя на атрыманне патрэбнай інфармацыі. Адпаведна першы блок пытанняў (1–8) скіраваны на выяўленне інтэлектуальнага крытэрыя, пытанні 9–16 – эмацыйнага, трэці блок пытанняў (17–24) ацэньвае дзейнасны крытэрыі сфарміраванасці прававой культуры падлетка.

Для праверкі распрацаванай анкеты на прыдатнасць для правядзення педагагічнага эксперыменту яна была выпрабавана на экстрэмальнасць. З гэтай мэтай было арганізавана пілотнае даследаванне, у якім прынялі ўдзел 36 навучэнцаў 5–6 класаў сталічнай сярэдняй школы № 222.

Вынікі анкетавання дазволілі размеркаваць рэспандэнтаў кантрольнай і эксперыментальнай

груп як па ўзроўнях сфарміраванасці прававой культуры (табліца 1), так і па ступені сфарміраванасці кагнітыўнага, каштоўнасна-матывацыйнага і дзейнаснага кампанентаў гэтай інтэгральнай якасці ў эксперыментальных групах (малюнак 1).

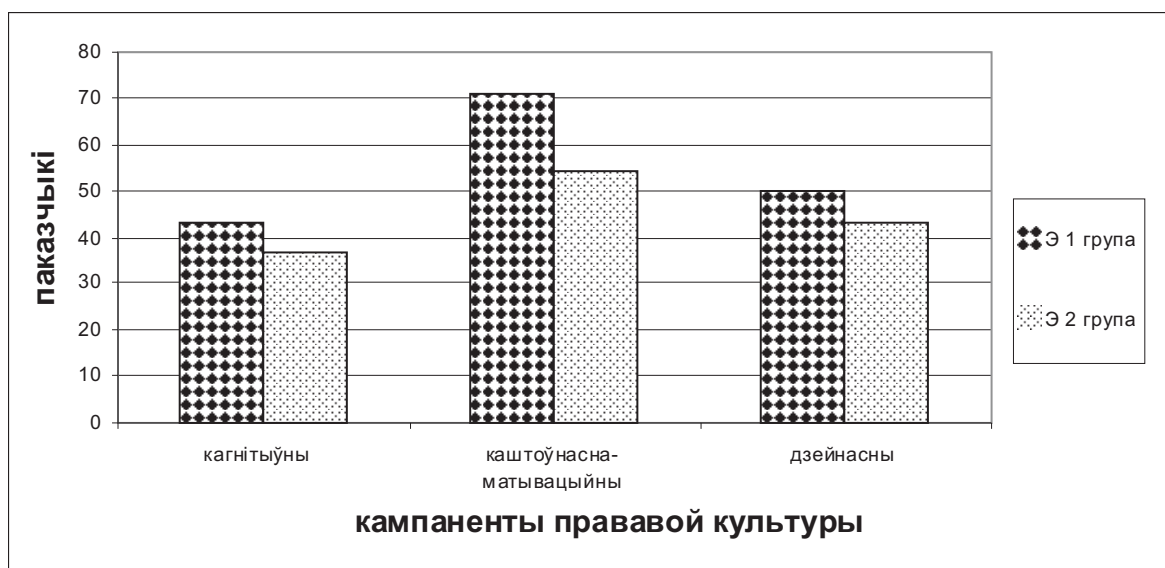
Табліца 1

Размеркаванне рэспандэнтаў па ўзроўнях сфарміраванасці прававой культуры па выніках канстатуючага эксперыменту

Узроўні	Групы			
	кантрольная		эксперыментальная	
	колькасць	%	колькасць	%
Нізкі	6	19,5 %	4	13 %
Сярэдні	23	74 %	24	77,4 %
Дастатковы	2	6,5 %	3	9,6 %
Аптымальны	0	0	0	0
УСЯГО	31	100 %	31	100 %

Атрыманыя даныя паказваюць, што большасць рэспандэнтаў характарызуецца пераважна сярэднім (74 % у кантрольнай і 77,4 % у эксперыментальнай групах) і нізкім узроўнем сфарміраванасці прававой культуры. Невялікая колькасць рэспандэнтаў паказала дастатковы ўзровень разглядаемай якасці асобы, падлеткі з аптымальным узроўнем у абедзвюх групах выяўлены не былі.

Як сведчаць атрыманыя даныя (малюнак 1), самы нізкі ўзровень сфарміраванасці мае кагнітыўны кампанент: 43 % у групе Э1 і 37 % у групе Э2. На гэтай падставе спатрэбілася карэктарука бібліяпедагагічнай дзейнасці з яе

Малюнак 1. Узроўні сфарміраванасці кагнітыўнага (К), каштоўнасна-матывацыйнага (К-М) і дзейнаснага (ДЗ) кампанентаў прававой культуры падлеткаў эксперыментальных груп па выніках канстатуючага этапу эксперыменту

большай арыентацыяй менавіта на развіццё інтэлектуальнай сферы падлеткаў у галіне права.

У адпаведнасці з задачамі фарміруючага этапу эксперыменту была распрацавана і ўкаранёна ў дзейнасць бібліятэк – баз даследавання спецыяльная праграма «Акадэмія прававой культуры». У якасці яе мэты ставілася садзейнічанне больш эфектыўнаму вырашэнню задач бібліятэкі, звязаных з фарміраваннем прававой культуры падлеткаў.

Задачамі праграмы з'яўляліся:

- стварэнне ў бібліятэцы актыўнага праваразвіваючага асяроддзя, накіраванага на фарміраванне кагнітыўнага, каштоўнасна-матывацыйнага і дзейнаснага кампанентаў прававой культуры асобы;
- узбагачэнне падлеткаў ведамі аб нормах маралі і права як рэгулятарах стасункаў асобы з іншымі людзьмі, бібліятэкай, грамадствам, дзяржавай;
- стымуляванне патрэбнасці падлеткаў у прававой інфармацыі, фарміраванні індыўдуальных інфармацыйных якасцей, якія дазваляць эфектыўна ажыццяўляць сацыяльна-прававую дзейнасць, задавальняць прафесійныя і будучыя прафесійныя патрэбнасці ў прававой інфармацыі;
- развіццё пачуццяў і перажыванняў, фарміраванне вопыту эмацыйна-каштоўнасных адносінаў да прававых з'яў, прававой інфармацыі, а таксама ўласных паводзін і паводзін іншых;
- фарміраванне навыкаў работы з прававой інфармацыяй і інфармацыйна-прававымі рэсурсамі, юрыдычнай літаратурай;
- уключэнне падлеткаў у розныя віды дзейнасці, якія садзейнічаюць узбагачэнню вопыта правамерных паводзін і сацыяльна-прававой актыўнасці, у тым ліку інфармацыйна-прававой;
- стымуляванне прававога самаразвіцця асобы чытача-падлетка як фактара сацыяльнай адаптацыі, фарміраванне станоўчага вобраза правакультурнага грамадзяніна ў соц്യуме;
- садзейнічанне станаўленню асобы падлетка, развіццю яго сацыяльнай кампетэнтнасці пры дапамозе фарміравання інфармацыйных якасцей асобы, неабходных прававых ведаў, каштоўнасных арыентацый і сацыяльнага вопыту;
- фарміраванне інфармацыйна-прававой грамадскай падлеткаў, азнаямленне з інфармацыйна-прававымі рэсурсамі дзяржаўнай сістэмы прававой інфармацыі Рэспублікі Беларусь;
- фарміраванне ўяўленняў пра бібліятэку як цэнтр прававой інфармацыі і яе магчымасцяў па забеспячэнні карыстальнікам свабоднага доступу да прававой інфармацыі;
- стымуляванне і развіццё сацыяльнага партнёрства бібліятэкі ў накірунку прававога выхавання непаўналетніх.

На аснове асобна арыентаванага падыходу праграма работы Акадэміі прававой культуры мэтанакіравана распрацоўвалася з улікам узроставага асаблівасцей, практычных інтарэсаў і патрэбнасцей разглядаемай групы чытачоў, якая валодае пэўным сацыяльна-прававым статусам. Змястоўнае напаўненне праграмы было зарыентавана на замацаванне і паглыбленне сутнасці асноўных сэнсавых кампанентаў прававой сацыялізацыі асобы (мараль і права, правы і свабоды, адказнасць і абавязкі, грамадзянін, законапаслухмяныя паводзіны, прававая інфармацыя), а таксама на ўсведамленне ролі бібліятэкі ў забеспячэнні грамадзянам свабоднага доступу да прававой інфармацыі. З улікам узроставага і чытацкіх асаблівасцей падлеткаў змест праграмы быў таксама скіраваны на фарміраванне асноў інфармацыйнай культуры асобы як сукупнасці ведаў, уменняў і навыкаў, якія забяспечваюць аптымальнае ажыццяўленне інфармацыйнай дзейнасці, у тым ліку ў сферы права.

Праграма структуравана ў логіцы засваення падлеткамі неабходных сацыяльна-прававых паняццяў, прававых ведаў, фарміравання каштоўнасцей і механізмаў правамерных паводзін асобы ў найбольш значных сферах жыццядзейнасці (асабовай, сямейнай, маёмаснай, працоўнай, грамадзянска-палітычнай) і прадстаўлена наступнымі тэматычнымі блокамі:

1. Акадэмія прававой культуры вітае сваіх слухачоў;
2. Мая прававая культура. Вобраз правакультурнага чалавека ў грамадстве;
3. Прававая інфармацыя. Бібліятэка – цэнтр прававой інфармацыі. Доступ да прававой інфармацыі;
4. Правы і свабоды, адказнасць і абавязкі. Асноўныя прававыя акты, якія рэгламентуюць статус, правы і адказнасць непаўналетніх;
5. Мы – грамадзяне Рэспублікі Беларусь;
6. Я і правапарадак. Маральная і юрыдычная адказнасць непаўналетніх. Праваахоўныя органы;
7. Я і сям'я;
8. Я, мая праца і мае грошы;
9. Мы – выпускнікі Акадэміі прававой культуры.

Фарміруючы этап эксперыменту меў пэўныя арганізацыйныя асаблівасці. З аднаго боку, яны былі прызначаны забяспечыць планамернасць і сістэматычнасць бібліяпедагагічнай дзейнасці па фарміраванні прававой культуры падлеткаў эксперыментальных груп. З другога боку, прадугледжвалася правесці параўнальны аналіз сфарміраванасці разглядаемай асобнай якасці рэспандэнтаў кантрольнай і эксперыментальнай груп і на яго аснове канстатаваць эфектыўнасць апрабаванай праграмы.

У рабоце Акадэміі прававой культуры прымалі ўдзел эксперыментальныя групы падлеткаў, якія сістэматычна наведвалі бібліятэкі на

працягу ўсяго тэрміна дзеяння праекта. У той жа час кантрольныя групы былі ахоплены бібліятэчным абслугоўваннем у традыцыйным рэжыме. Для іх былі праведзены асобныя мерапрыемствы па тэме прававога выхавання з выкарыстаннем усталяваных у бібліятэчнай практыцы форм і метадаў бібліятэчнага абслугоўвання дзяцей і падлеткаў.

Канцэптуальнай асновай праектавання і рэалізацыі сацыяльна-педагагічнага праекта абрана педагогіка супрацоўніцтва як тэхналогія суб'ект-суб'ектнага ўзаемадзеяння ў бібліятэчным асяроддзі, партнёрства бібліятэкара і карыстальніка, заснаваных на дыялогу, сатворчасці і супрацоўніцтве падчас карыстання бібліятэчным фондам, інфармацыйных зносін і камунікацыі. Адпаведна ў аснову бібліятэчнага абслугоўвання эксперыментальных груп была пакладзена асобна арыентаваная тэхналогія ўплыву на чытанне і чытацкія паводзіны без націску на псіхіку падлеткаў. Гэта дазволіла максімальна карэктна ўплываць на фарміраванне і развіццё прававой культуры як асобнай якасці з улікам асаблівасцей узроставага і чытацкага развіцця падлеткаў.

Грамацкае і педагагічна карэктнае ажыццяўленне эксперыментальнай педагагічнай дзейнасці як мэтанакіраванага ўплыву бібліятэкі на асобу чытача-падлетка з мэтай фарміравання прававой культуры было забяспечана апорай на сутнасць гэтай асобнай якасці. У гэтай сувязі прадметныя накірункі адпаведнага педагагічнага працэсу былі рэалізаваны дзякуючы арыентацыі зместу праграмы на фарміраванне кагнітыўнага, каштоўнасна-матывацыйнага і дзейнаснага кампанентаў.

Фарміраванне **кагнітыўнага кампанента** як інтэлектуальнага складальніка прававой культуры асобы (па выніках дыягностыкі – найменш сфарміраванага) ажыццяўлялася пры дапамозе належнай арганізацыі інфармацыйна-прасторавага асяроддзя бібліятэкі ў адпаведнасці з абраным прадметным накірункам, а таксама актывізацыі інфармацыйна-арыентуючага комплексу бібліятэкі.

Падчас падрыхтоўкі і правядзення мерапрыемстваў бібліятэкары актыўна выкарыстоўвалі адпаведны фонд публічнай бібліятэкі, мастацкую літаратуру, інфармацыйныя рэсурсы ПЦП, прававыя інтэрнэт-рэсурсы (Дзіцячы прававы сайт і Нацыянальны прававы Інтэрнэт-партал Рэспублікі Беларусь) з мэтай распаўсюджвання прававой інфармацыі, у тым ліку адаптаванай да ўспрымання падлеткамі.

Кожнае бібліятэчнае мерапрыемства было накіравана на колькасныя і якасныя змяненні правасвядомасці падлетка згодна з вызначанай тэмай. Адпаведна дзейнасць бібліятэкараў была накіравана на фарміраванне і паглыбленне сацыяльна-прававых уяўленняў і ведаў аб ма-

ральна-прававых катэгорыях, значэнні і механізмах прававога рэгулявання грамадскага жыцця, нормах і правілах паводзін людзей, правах і абавязках чалавека і грамадзяніна, а таксама карыстальніка бібліятэкі. Гэтаму паспрыялі гутаркі «Што я ведаю аб праве», «Ці ёсць у мяне адказнасць?», «Мая сям'я і я» і гутаркі-дэманстрацыі «Што вы ведаеце пра бібліятэку?», «Нацыянальны прававы Інтэрнэт-партал – крыніца прававой інфармацыі», «Дзіцячы прававы сайт – мой прававы інтэрнэт-рэсурс», «Мой сябар «ЭТАЛОН», «ПЦП дапаможа».

Дзейнасць бібліятэкара была мэтанакіравана арыентаваная на канкрэтызацыю прававых уяўленняў, узбагачэнне і пашырэнне прававых ведаў падлеткаў праз выкарыстанне бібліятэчна-бібліяграфічных сродкаў. Сярод іх тэматычныя выставы літаратуры, агляды літаратуры аб правах дзіцяці, а таксама агляды твораў мастацкай літаратуры, у якіх паказаны паводзіны і ўчынкі літаратурных герояў у сітуацыях маральна-прававога выбару.

Пашырэнне і паглыбленне зместу прававой культуры чытачоў-падлеткаў адбываліся і праз фарміраванне інфармацыйных якасцей асобы. Падчас мерапрыемстваў у бібліятэцы падлеткі даведаліся пра прававую інфармацыю і яе адметнасці, навучыліся пазнаваць яе ў крыніцах абнародавання прававых актаў і адрозніваць ад іншых відаў сацыяльнай інфармацыі. Дзякуючы прынцыпу нагляднасці падлеткі ўсвядомілі сутнасць і прызначэнне прававой інфармацыі ў грамадстве, даведаліся пра крыніцы прававой інфармацыі і інфармацыйна-прававыя рэсурсы, у тым ліку арыентаваныя менавіта на падлеткавую аўдыторыю.

Карыстальнікі даведаліся таксама пра бібліятэку як цэнтр прававой інфармацыі, яе дзейнасць па забеспячэнні бесперашкоднага доступу да прававой інфармацыі ўсім катэгорыям насельніцтва дзякуючы ПЦП.

Сацыяльна-педагагічны патэнцыял бібліятэкі па фарміраванні **каштоўнасна-матывацыйнага кампанента** прававой культуры падлеткаў быў рэалізаваны пры дапамозе актывізацыі яе матывацыйна-стымулюючага комплексу. Інтэлектуальныя рэсурсы бібліятэкі, у тым ліку інфармацыйная і прававая культура бібліятэкараў, і адпаведныя метадыка-тэхналагічныя складальнікі педагагічнай дзейнасці ў іх цэласным адзінстве былі прызначаны паўплываць на эмацыйную сферу асобы чытача.

Фарміраванню каштоўнасных арыентацый, устаноў, перакананняў, станоўчай матывацыі законапаслухмянай дзейнасці, а таксама ўсвядомленых матываў і патрэбнасці звароту да прававой інфармацыі як якасныя характарыстыкі асобы садзейнічаў асэнсаваны выбар адпаведных сродкаў і метадаў бібліяпедагагічнай дзейнасці.

У эксперыментальных групах мэтанакіравана быў выкарыстаны патэнцыял пэўных псіхалага-педагагічных метадаў, якія характарызуюцца моцным фарміруючым уплывам і накіраваны на актывізацыю эмацыйна-пачуццёвай сферы карыстальнікаў бібліятэкі. Найбольш эфектыўнымі ў гэтым накірунку сталі праектыўныя метады, якія дазваляюць рэалізаваць пазытыўныя праграмы сумеснай дзейнасці бібліятэкара і карыстальніка: праектаванне мэты і перспектывы асобнага развіцця, а таксама стварэнне сітуацыі поспеху.

У працэсе рэалізацыі сацыяльна-педагагічнага праекта дзейнасць бібліятэкара была накіравана на фарміраванне інфармацыйна-прававых патрэбнасцей падлеткаў, устойлівай матывацыі звароту да прававой інфармацыі як інструмента вырашэння самых розных жыццёвых задач. З гэтай мэтай праведзены гутаркі на тэмы «Мая прававая культура», «Бібліятэка – цэнтр прававой інфармацыі», актыўна выкарыстоўвалася гульнемадэляванне, праведзены дыскусіі, чытанні ў голас і абмеркаванні прачытанага, інсцэніраванне пэўных прававых сітуацый, у тым ліку звязаных з бібліятэкай і бібліятэкарамі, шырока выкарыстоўвалася рэкамендацыйная бібліяграфія.

Дыскусіі па ўсіх тэматычных накірунках праграмы праводзіліся з мэтай сумеснага абмеркавання сітуацый маральна-прававога зместу, што дазваляе выявіць думкі, пазіцыю і ўстаноўкі ўдзельнікаў у працэсе камунікацыі. Дыскусіі на тэмы «Прававая культура чалавека – неабходная якасць сучаснага падлетка», «Быць правакультурным модна?», «Правілы карыстання бібліятэкай – мае правілы?», «Сучасны падлетак і яго прававая культура», «Ці можа чалавек стаць паспяховым без прававой інфармацыі?» далі магчымасць падлеткам паглядзець на маральна-прававыя праблемы з розных бакоў. Як спосаб групавой рэфлексіі дыскусія патрабавала раскрыцця і аналізу індывідуальных перажыванняў чытачоў, што садзейнічала ўспрымання падлеткам новай інфармацыі, яго самакрыццю, фарміраванню навыкаў самапрэзентацыі.

Актывізацыі эмацыйнай сферы падлеткаў садзейнічала стымуляванне пачуццяў і перажыванняў, звязаных з успрыняццём і асэнсаваннем твораў мастацкай літаратуры, асабліва казак, у якіх разглядаюцца сітуацыі маральна-прававога зместу. Мастацкае слова садзейнічала ўзбагачэнню эмацыйна-пачуццёвага свету асобы, унутранаму імкненню да набыцця пачуццяў уласнай годнасці і маральнага сумлення, гонару, а таксама паклікала кожнага з чытачоў задумацца над уласным маральным абліччам.

Дзейнасць бібліятэкара мэтанакіравана стымулявала перажыванне падлеткамі стану радасці, задавальнення ад працэсу і вынікаў су-

меснай дзейнасці, у тым ліку інфармацыйнай. На аснове такога эмацыйнага ўсплёску ў падлеткаў фарміраваліся новыя, больш моцныя матывы правамернай і інфармацыйнай дзейнасці, павышаўся ўзровень самаацэнкі і самапавагі на аснове асэнсавання ўласных магчымасцей.

Дзейнасны кампанент прававой культуры падлеткаў фарміраваўся пад уплывам актыўнага матывацыйна-стымулюючага комплексу бібліятэкі. Ён меў на мэце праектаванне, канструяванне, стварэнне і рэалізацыю сітуацый, стымулюючых сумесную дзейнасць бібліятэкара і падлетка не толькі па ўсведамленні, засваенні і выкарыстанні асобай прававых ведаў і прававых каштоўнасцей, але і па выпрацоўцы стратэгіі паводзін у адпаведнасці з прававымі нормамаі, выяўленні суб'ектыўных адносін да грамадства і самога сябе ў сітуацыях маральна-прававога выбару.

Адпаведна стратэгія дзейнасці бібліятэкара была арыентавана не на падачу гатовых узораў паводзін падлеткаў у прававой сферы, а на стварэнне іх разам з чытачамі з выкарыстаннем элементаў навізны, незвычайнасці, праблемнасці, асабістай зацікаўленасці і ўласнай перспектывнасці. З гэтай мэтай чытачы былі ўключаны ў адпаведную спецыяльна арганізаваную дзейнасць, якая аказвала фарміруючы ўплыў на іх паводзіны і сацыяльна-прававую актыўнасць, у першую чаргу інфармацыйную.

Для фарміравання і замацавання пазытыўных навыкаў і звычак быў шырока выкарыстаны патэнцыял адпаведных метадаў і сродкаў. Яны былі скіраваны на далучэнне чытачоў да разнастайнай дзейнасці ў сферы права, у тым ліку інфармацыйнай, а таксама звязанай з выкананнем правілаў карыстання бібліятэкай.

На падставе палажэння, што любое асобнае новаўтварэнне або якасць праяўляецца і фарміруецца ў працэсе дзейнасці, у структуру кожнага бібліятэчнага мерапрыемства мэтанакіравана былі ўключаны прыёмы і спосабы сумеснай дзейнасці бібліятэкара і падлеткаў, у тым ліку інтэрактыўныя, якія займалі большую частку адведзенага для сустрэч часу.

Падчас эксперыментальнай работы найбольш шырока выкарыстоўваўся такі інтэрактыўны метады, як гульнемадэляванне. Патэнцыял гульняў «Павуціна», «Плануем сваю будучыню», «Дом прававой культуры», «Ведаць – Разумець – Выконваць», «Знайдзі прававую інфармацыю», «Адшукай правілы карыстання бібліятэкай», «Дэтэктывы разблытваюць справу Канвенцыі аб правах дзіцяці», «Мараль і права – лепшыя сябры», «Адміністрацыйная ці крымінальная?», «Ролі ў сям'і», «Права ў казках» быў выкарыстаны для творчага засваення і прымянення прававых ведаў, уменняў, навыкаў пры актыўным удзеле саміх чытачоў.

З мэтай уключэння падлеткаў у дзейнасць былі праведзены віктарыны «Мае прававыя акты», «Правы і абавязкі ў казках», конкурсы «Знайдзі прававыя выданні», «Лепшы знаўца Канстытуцыі», «Мне – заканадаўства аб працы», спарорніцтвы, інсцэніроўкі, творчыя работы, экскурсіі. Іх выкарыстанне стымулявала і заахвочвала актыўнасць чытачоў-падлеткаў, садзейнічала праяўленню іх творчых здольнасцей, фарміраванню навыкаў самапрэзентацыі, актыўнай жыццёвай пазіцыі, ініцыявала рэфлексію ўласных паводзін і іх матываў, пастаянны пошук новых задач, спосабаў і тэхналогій іх вырашэння.

Важным метадычным прыёмам фарміравання дзейснага кампанента прававой культуры асобы стала работа з юрыдычнымі дакументамі: крыніцамі права, нарматыўнымі прававымі актамі, правапрымяняльнымі дакументамі, юрыдычнай літаратурай. Наяўнасць такіх дакументаў у фондзе бібліятэкі з'яўляецца вялікай перавагай, і іх выкарыстанне дало значны эффект як у фарміраванні інфармацыйных якасцей асобы, так і ў развіцці ўменняў і навыкаў інфармацыйнай дзейнасці.

Дзейснасці названага метадычнага прыёму паспрыяў шырока выкарыстаны патэнцыял гульнемадэлявання. Гэта дазволіла ў зразумелай і цікавай форме сфарміраваць у падлеткаў інфармацыйныя ўменні і навыкі, якія стануць асновай іх будучай інфармацыйнай дзейнасці як правакультурнай асобы, што звяртаецца да прававой інфармацыі падчас вырашэння спрэчнай ці праблемнай сітуацыі.

На працягу работы Акадэміі прававой культуры падлеткі не толькі блізка пазнаёміліся з асноўнымі міжнароднымі прававымі актамі і нарматыўнымі прававымі актамі Рэспублікі Беларусь – Усеагульнай дэкларацыяй правоў чалавека, Канвенцыяй аб правах дзіцяці, Канстытуцыяй Рэспублікі Беларусь, Законам Рэспублікі Беларусь «Аб правах дзіцяці», – але і працавалі з імі, вучыліся правільна разумець і прымяняць асобныя зафіксаваныя ў іх прававыя нормы, суадносіць з жыццёвымі сітуацыямі і рабіць правільны прававы выбар. Знаёмства з асноўнымі нарматыўнымі прававымі актамі Рэспублікі Беларусь, якія рэгулююць грамадзянскую, працоўную, сямейную сферы, а таксама адказнасць грамадзян, насіла прапедэўтычны характар. Праваасветніцкая дзейнасць бібліятэкара была накіравана як на фарміраванне ведаў пра наяўнасць тэматычных афіцыйных друкаваных і электронных прававых выданняў, інтэрнэт-рэсурсаў, так і на азнаямленне з зафіксаванымі ў іх нормаўмі ў дачыненні да 14-гадовых.

Работа з крыніцамі права ў бібліятэцы насіла не толькі азнаямленчы характар. Падчас знаёмства з правамі і абавязкамі карыстальнікаў бібліятэкі падлеткам было прапанавана стаць

заканатворцамі і распрацаваць свой прававы акт – «Канстытуцыю бібліятэчнай рэспублікі».

Кантрольны этап педагагічнага эксперыменту меў на мэце правядзенне выніковай дыягностыкі сфарміраванасці прававой культуры чытачоў, а таксама апрацоўку атрыманых даных з дапамогай метадаў матэматычнай статыстыкі і іх аналіз.

Для выяўлення ўзроўню сфарміраванасці прававой культуры чытачоў-падлеткаў кантрольных і эксперыментальных груп па выніках фарміруючага этапу педагагічнага эксперыменту мы паўторна скарысталі распрацаваны дыягнастычны інструментарый, а таксама ўлічылі відавочныя змены, што адбыліся ў кагнітыўнай, эмацыйнай і дзейснай сферах падлеткаў эксперыментальных груп.

Параўнальны аналіз паказаў станоўчую дынаміку ўсіх узроўняў сфарміраванасці прававой культуры толькі ў эксперыментальнай групе рэспандэнтаў (табліца 2).

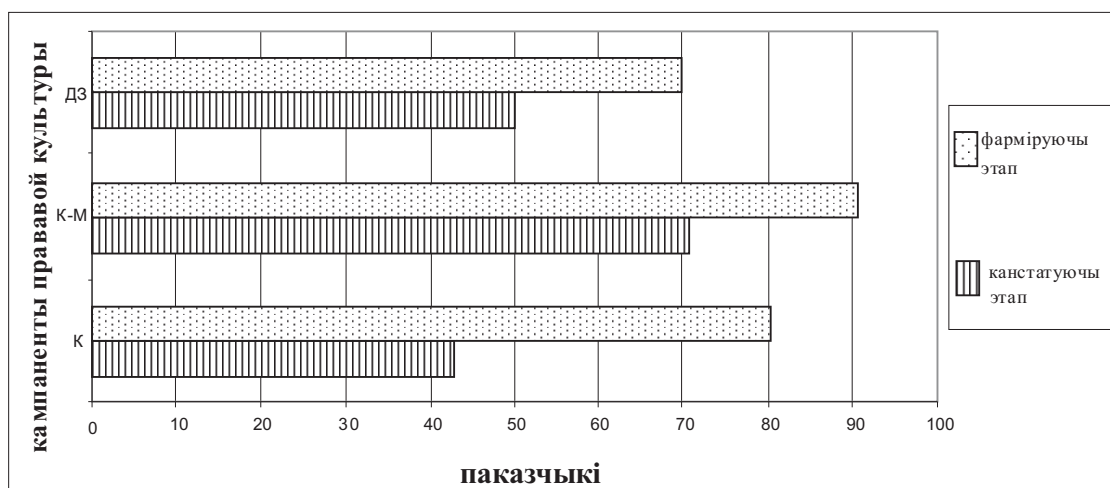
Табліца 2

Результаты параўнальнага аналізу кантрольных і эксперыментальных груп па выніках фарміруючага этапу эксперыменту

Узроўні	Кантрольная група		Эксперыментальная група	
	канстатуючы этап	фарміруючы этап	канстатуючы этап	фарміруючы этап
Нізкі	19,5 %	48,4 %	13 %	0
Сярэдні	74 %	42 %	77,4 %	19,3 %
Дастатковы	6,5 %	9,6 %	9,6 %	64,5 %
Аптымальны	0	0	0	16,2 %
УСЯГО	100 %	100 %	100 %	100 %

Паводле атрыманых эмпірычных даных, у эксперыментальнай групе доля падлеткаў з сярэднім узроўнем сфарміраванасці прававой культуры паменшылася з 77,4 % да 19,3 %. Доля з дастатковым і аптымальным узроўнямі, наадварот, павысіліся з 9,6 % да 64,5 % і з 0 да 16,2 % адпаведна. У той жа час адпаведныя паказчыкі кантрольнай групы пераразмеркаваліся толькі на нізкім і сярэднім узроўнях і паказалі вельмі слабую станоўчую дынаміку на дастатковым узроўні. Гэта дае падставу сцвярджаць пра наяўнасць сацыяльна-педагагічнага патэнцыялу публічнай бібліятэкі па фарміраванні прававой культуры падлеткаў, а таксама пра эфектыўнасць распрацаванай і ўкаранёнай методыкі яе фарміравання.

Ілюстрацыя станоўчай дынамікі сфарміраванасці кампанентаў прававой культуры эксперыментальных груп пляцкласнікаў (малюнак 2) і шасцікласнікаў (малюнак 3) таксама сведчыць пра эфектыўнасць праграмы, укаранёнай у практыку бібліятэк. Неабходна падкрэсліць, што кагнітыўны

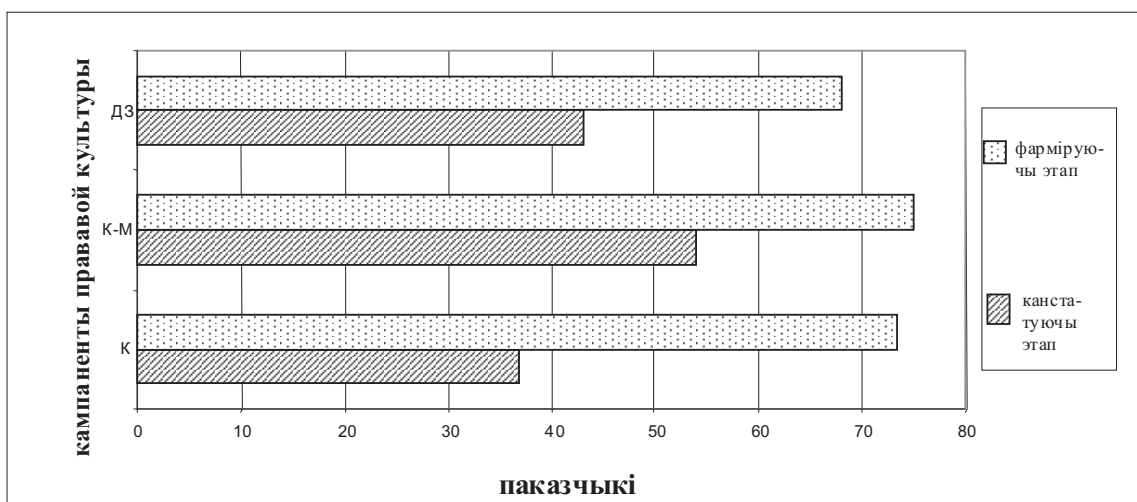
Малюнак 2. Дынаміка сфарміраванасці кампанентаў прававой культуры эксперыментальнай групы пяцікласнікаў па выніках фарміруючага этапу эксперымента

кампанент, найбольш слаба выражаны па выніках канстатуючага этапу, выявіў самую інтэнсіўную дынаміку і павысіўся амаль у 2 разы: у пяцікласнікаў – з 43 % да 80,2 %, у шасцікласнікаў – з 37 % да 75,5 %. Гэта таксама пацвярджае эфектыўнасць вопытна-эксперыментальнай работы з выкарыстаннем распрацаванай метадыкі і канстатуючага этапу дасягненне пастаўленай мэты.

Для аб'ектыўнасці інтэрпрэтацыі вынікаў педагагічнага эксперымента трэба было даказаць іх статыстычную дакладнасць. Для доказнасці змены ва ўзроўнях прававой культуры падлеткаў кантрольных і эксперыментальных груп па выніках фарміруючага эксперымента быў выкарыстаны непараметрычны крытэрыў Q Разенбаума (па Гублеру і Генкіну, 1973).

Разлікі крытэрыя Q Разенбаума для эксперыментальных груп пяцікласнікаў і шасцікласнікаў паказалі найўнасць статыстычна значных адрозненняў ва ўзроўнях іх прававой культуры ($Q_{эмп} > Q_{крыт}$ ($p \leq 0,01$), у той час як у кантрольных групах пяцікласнікаў і шасцікласнікаў выявілася адсутнасць статыстычна значных адрозненняў ва ўзроўнях іх прававой культуры ($Q_{эмп} < Q_{крыт}$ ($p \leq 0,01$)).

Такім чынам, вырашэнне пастаўленых задач кантрольнага этапу дазволіла нам канстатаваць, што рэалізацыя сацыяльна-педагагічнага патэнцыялу бібліятэкі і спецыяльна арганізаваная вопытна-эксперыментальная работа па аўтарскай праграме «Акадэмія прававой культуры» садзейнічалі фарміраванню прававой культуры падлеткаў.

Малюнак 3. Дынаміка сфарміраванасці кампанентаў прававой культуры эксперыментальнай групы шасцікласнікаў па выніках фарміруючага этапу эксперымента

Дата наступлення артыкула ў рэдакцыю 29.10.2012

**Тематический указатель статей,
опубликованных в журнале «Право.by»
в 2012 году**

№ п/п	Название статьи	Автор	Номер и год выпуска
АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА			
1	Закон Республики Беларусь «О противодействии торговле людьми»: новационные подходы	Емельянович О.В.	№ 3, 2012
2	Система официального опубликования и вступления в силу правовых актов завоевывает интернет-пространство	Гавриш А.Н.	№ 4, 2012
3	Стабильность законодательства – залог успешного развития общества	Ипатов В.Д.	№ 4, 2012
4	Применение решений Экономического Суда в государствах – участниках Содружества Независимых Государств	Каменкова Л.Э.	№ 4, 2012
5	Решение хозяйственного суда (некоторые проблемы)	Каменков В.С.	№ 5, 2012
6	Защита нематериальных историко-культурных ценностей: правовые проблемы	Сатолина М.Н.	№ 5, 2012
ПРАВО НА СЛУЖБУ ЛЮДЯМ			
7	О некоторых современных направлениях развития правовой науки в Республике Беларусь	Сивец С.М.	№ 2, 2012
8	О Законе Республики Беларусь от 25 ноября 2011 года «О внесении изменений и дополнений в некоторые законы Республики Беларусь по вопросам выезда из Республики Беларусь и въезда в Республику Беларусь»	Горбаченко С.В.	№ 2, 2012
9	К вопросу о доступе граждан к конституционному правосудию в Республике Беларусь	Коханская А.С.	№ 3, 2012
10	Об информационном обеспечении охраны окружающей среды и рационального использования природных ресурсов	Манкевич И.П.	№ 4, 2012
11	О роли и месте органов государственного контроля и надзора в осуществлении административной юстиции	Мах И.И.	№ 5, 2012
ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА			
12	Механизм государства в советской юридической науке	Григорьев А.В.	№ 1, 2012
13	К вопросу о содержании категории «экологическая функция государства»	Карпович Н.А.	№ 1, 2012
14	Правовая природа федеративных и конфедеративных союзов: современное состояние и перспективы развития	Кондратович Н.М.	№ 2, 2012
15	Понятие эффективности права в контексте современного правопонимания	Пономарев С.А.	№ 3, 2012
16	Историческая обусловленность использования и объективизация оценочных понятий в правовых актах Беларуси	Касияненко Н.В.	№ 3, 2012
17	Методологические подходы к изучению правосознания	Вершок И.Л.	№ 3, 2012
18	Военное право в правовой системе Республики Беларусь	Матвийчук С.Б.	№ 4, 2012
19	Система функций юридических фактов	Шафалович А.А.	№ 4, 2012

ТЕМАТИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ

№ п/п	Название статьи	Автор	Номер и год выпуска
20	Восстановление органов нотариата Белорусской ССР во второй половине 1940-х годов	Ангельский В.М.	№ 4, 2012
21	Смена парадигмы науки истории права и ее значение для исследования правовой системы Великого Княжества Литовского	Маховенко Евгений	№ 4, 2012
22	Змены ў савецкай крымінальнай палітыцы і заканадаўстве СССР і БССР у канцы 50-х – пачатку 60-х гг. XX ст.	Гур'еў С.А.	№ 5, 2012
23	Воинская служба в государственно-правовом механизме Республики Беларусь	Павлющик С.В.	№ 5, 2012
24	Предмет правового регулирования социального права как новой комплексной отрасли права Республики Беларусь	Гущин И.В., Авдей А.Г.	№ 5, 2012
25	Теоретико-правовой анализ института общественного мнения как фактора правотворчества и реализации права	Вершок И.Л.	№ 6, 2012
26	Формы адвакацкай дзейнасці на тэрыторыі Беларусі ў XVI стагоддзі	Гур'ева А.А.	№ 6, 2012
27	Право государственной собственности в Великом Княжестве Литовском в период до 1569 года	Забойко В.И.	№ 6, 2012
28	Судебный прецедент (некоторые вопросы теории)	Курак А.И.	№ 6, 2012
29	О некоторых вопросах совершенствования языка нормативных правовых актов	Сидорчук И.П.	№ 6, 2012
АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО			
30	Понятие и система административно-правовых средств противодействия правонарушениям, совершаемым в сфере семейно-бытовых отношений	Федчук И.Л.	№ 1, 2012
31	Ретроспективный анализ проблем содержания и регулирования административно-юрисдикционной деятельности органов пограничной службы как меры обеспечения национальной безопасности	Чернолевский А.Ю.	№ 1, 2012
32	Государственное управление: тенденции и перспективы развития	Тихомиров Ю.А., Василевич Г.А.	№ 2, 2012
33	Юридическая характеристика мер обеспечения безопасности критически важных объектов	Перевалов Д.В.	№ 3, 2012
34	Особенности административной ответственности за нахождение на работе в состоянии опьянения	Добриян С.В., Чигилейчик А.В.	№ 3, 2012
35	Административно-правовые методы деятельности органов внутренних дел в сфере обеспечения общественной безопасности	Луговский С.Г.	№ 3, 2012
36	Направления развития национальной модели административной юстиции	Примак О.В.	№ 4, 2012
37	Меры административной ответственности за нарушение налогового законодательства	Ладутько В.К.	№ 5, 2012
38	Формирование и состав районного исполнительного комитета: совершенствование законодательства и практики его реализации	Тимошенко М.В.	№ 6, 2012
ФИНАНСОВОЕ ПРАВО, БАНКОВСКОЕ ПРАВО			
39	Содержание понятий «государственные займы», «государственные кредиты» и «государственный долг»	Лопуть Н.А.	№ 2, 2012

ТЕМАТИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ

№ п/п	Название статьи	Автор	Номер и год выпуска
40	Доход как правовая категория	Кириллова Е.В.	№ 4, 2012
41	Концептуальные вопросы определения сферы формирования централизованных республиканских доходов в белорусском финансовом праве	Кириллова Е.В.	№ 5, 2012
КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО			
42	Правовое регулирование местного референдума: Республика Беларусь и зарубежный опыт	Масловская Т.С.	№ 1, 2012
43	Платежи за природопользование: конституционно-правовые аспекты	Ермолович А.О.	№ 1, 2012
44	К вопросу об индивидуальных, коллективных и групповых правах национальных меньшинств	Липницкий В.В.	№ 1, 2012
45	Планирование нормотворческой деятельности в Республике Беларусь: инструментальная характеристика и перспективы развития	Гарбузова Е.В.	№ 1, 2012
46	Тенденции развития президентской формы правления в Республике Беларусь на современном этапе	Осика Д.В.	№ 2, 2012
47	Конституционно-правовая ответственность в сфере избирательных правоотношений в Республике Беларусь	Боголейко А.М.	№ 3, 2012
48	Экспертная оценка в нормотворческой деятельности	Сидорчук И.П.	№ 4, 2012
49	Конституционно-правовой статус местных органов власти в сфере природопользования в Республике Беларусь	Минько Н.С.	№ 5, 2012
50	Государственно-правовые закономерности власти и их механизм	Романчук И.С.	№ 6, 2012
51	Персональные данные: понятие и сущность	Шугай А.А.	№ 6, 2012
52	Базовые контрольные полномочия членов парламентов Беларуси и Польши: сравнительно-правовой анализ	Чмыга О.В.	№ 6, 2012
ГРАЖДАНСКОЕ И ГРАЖДАНСКО-ПРОЦЕССУАЛЬНОЕ ПРАВО, ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ ПРАВО, ЖИЛИЩНОЕ ПРАВО			
53	Государственно-частное партнерство в банковской сфере	Томкович Р.Р.	№ 1, 2012
54	Особенности гражданско-правовой защиты прав обладателя секрета производства (ноу-хау) в Республике Беларусь	Левкина Е.А.	№ 2, 2012
55	Стороны договора энергоснабжения	Трубчик А.И.	№ 2, 2012
56	Владение транспортным средством: проблемы определения лица, ответственного за причинение вреда в результате дорожно-транспортного происшествия	Чигилейчик А.В.	№ 2, 2012
57	Государственная регистрация вещных прав на линейные сооружения	Лукьянцева Н.В.	№ 3, 2012
58	Подходы к определению сущности недействительной сделки	Ломако А.Ю.	№ 3, 2012
59	Распоряжение секретом производства (ноу-хау) по законодательству Республики Беларусь	Левкина Е.А.	№ 3, 2012
60	Теория реорганизации юридического лица советской школы гражданского права	Войтович Г.И.	№ 3, 2012
61	Правовая природа и понятие залога имущественных прав	Марковник Н.Р.	№ 3, 2012
62	Образование садоводческого товарищества	Садкович Е.И.	№ 3, 2012

ТЕМАТИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ

№ п/п	Название статьи	Автор	Номер и год выпуска
63	Правовое регулирование завещательных распоряжений денежными средствами в банках	Кафарова Е.С.	№ 3, 2012
64	Система субъектов поддержки малого и среднего предпринимательства	Гурценков П.В.	№ 4, 2012
65	Самостоятельная имущественная ответственность как признак юридического лица	Маньковский И.А.	№ 5, 2012
66	Особенности возмещения вреда, причиненного при использовании транспортного средства, противоправно изъятого из обладания его владельца	Чигилейчик А.В.	№ 5, 2012
67	Проблемы гражданско-правового регулирования предпринимательских отношений	Вабищевич С.С.	№ 5, 2012
68	Особенности правового регулирования участия граждан в долевом строительстве жилья	Алехно Ю.Р., Шелков О.В.	№ 5, 2012
69	Особенности законодательства и правоприменительной практики в сфере электронной торговли Республики Беларусь	Батура С.П.	№ 6, 2012
70	Особенности защиты от недобросовестной конкуренции в области использования объектов интеллектуальной собственности	Короткевич М.П.	№ 6, 2012
71	Особенности правового регулирования организации перевозок пассажиров транспортом общего пользования	Лещинская Н.И.	№ 6, 2012
72	Юридическая природа дееспособности граждан	Москалевич Г.Н.	№ 6, 2012
СЕМЕЙНОЕ ПРАВО			
73	Право детей на материальное содержание: проблемы и пути их решения	Лещёва Е.Н.	№ 1, 2012
74	К вопросу о соотношении понятий «общее имущество супругов» и «имущество, находящееся в совместной собственности супругов»	Короткевич М.П.	№ 4, 2012
75	Опека и попечительство над несовершеннолетними, оставшимися без попечения родителей: законодательство Республики Беларусь, Российской Федерации, Республики Казахстан	Андрияшко М.В.	№ 6, 2012
НАЛОГОВОЕ ПРАВО			
76	Письменные разъяснения налоговых органов: проблемы использования	Ярмош Е.П.	№ 3, 2012
77	Правовая природа налоговых вычетов, доходов, освобождаемых от налогообложения и не являющихся объектом налогообложения	Ульянова Е.С.	№ 5, 2012
78	Перспективы правового регулирования налогообложения консолидированных групп плательщиков в Республике Беларусь	Ульянова Е.С.	№ 6, 2012
ТРУДОВОЕ ПРАВО			
79	Являются ли индивидуальные соглашения о труде источниками трудового права?	Томашевский К.Л.	№ 1, 2012
80	Трудовой спор в суде: некоторые процессуальные проблемы (в аспекте института судебных расходов)	Скобелев В.П.	№ 2, 2012
ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ ПРАВО			
81	Правовое регулирование природного туризма и его основных видов в Республике Беларусь	Яхновец И.Н.	№ 1, 2012

ТЕМАТИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ

№ п/п	Название статьи	Автор	Номер и год выпуска
82	Правовое закрепление объектов экологической сертификации	Дружинина И.С.	№ 4, 2012
ЗЕМЕЛЬНОЕ ПРАВО, АГРАРНОЕ ПРАВО			
83	Очерк развития законодательства, регулирующего становление и развитие права земельной собственности	Антончик И.Ю.	№ 1, 2012
84	Правовые аспекты определения понятия и содержания агропромышленного комплекса	Малкина И.В.	№ 3, 2012
85	Проблемы классификации ограничений прав на земельные участки	Хотько О.А.	№ 4, 2012
86	Компетенция органов государственного управления в обеспечении национальной продовольственной безопасности	Малкина И.В.	№ 6, 2012
УГОЛОВНОЕ ПРАВО И КРИМИНОЛОГИЯ; УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО			
87	Пути совершенствования уголовно-правовых норм об ответственности за взяточничество	Клим А.М.	№ 2, 2012
88	Несанкционированный доступ к компьютерной информации как квалифицирующий признак хищения путем использования компьютерной техники	Макаревич А.В.	№ 2, 2012
89	Правонарушения несовершеннолетних и особенности их детерминации	Барановский Н.А.	№ 3, 2012
90	Официальная и латентная преступность: об актуальности криминологического анализа	Стаценко В.Г.	№ 3, 2012
91	Лжепредпринимательство: эффективность уголовной ответственности	Хиллота В.В.	№ 4, 2012
92	О некоторых аспектах совершенствования законодательства, устанавливающего ответственность за причинение имущественного ущерба без признаков хищения (ст. 216 Уголовного кодекса Республики Беларусь и ст. 10.7 Кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях)	Мороз Д.Г.	№ 4, 2012
93	Правовые и теоретико-прикладные проблемы противодействия коррупции в Республике Беларусь	Меркушин В.В.	№ 4, 2012
94	Криминологическая характеристика компьютерных преступлений в Беларуси	Ахраменка Н.Ф., Лавренов В.В.	№ 4, 2012
95	Теоретическая модель системы предупреждения правонарушений несовершеннолетних и ювенального правосудия	Барановский Н.А.	№ 4, 2012
96	Уголовно-правовые последствия оставления в опасности по законодательству Республики Беларусь	Чередниченко О.В.	№ 5, 2012
97	Общетеоретические вопросы уголовно-правового законодательства	Дрозд А.Н.	№ 5, 2012
98	Ответственность несовершеннолетних по ст. 343 ¹ Уголовного кодекса Республики Беларусь	Боровик П.Л.	№ 5, 2012
99	Предупреждение преступности: региональный аспект	Булыгин М.Е.	№ 5, 2012
100	Преступления против личной свободы человека в контексте общесистемных свойств	Коротич Е.А.	№ 6, 2012
УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС, КРИМИНАЛИСТИКА И СУДЕБНАЯ ЭКСПЕРТИЗА; ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ			
101	Генезис залога в уголовном процессе Беларуси	Щерба Т.Л.	№ 1, 2012

ТЕМАТИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ

№ п/п	Название статьи	Автор	Номер и год выпуска
102	Следственные ситуации, складывающиеся при расследовании нарушений правил дорожного движения или эксплуатации транспортных средств	Скачек Р.В.	№ 2, 2012
103	Правовые основы производства совместных расследований с органами уголовной юстиции других государств	Матвейчев Ю.А.	№ 2, 2012
104	Типичные оперативно-розыскные ситуации проведения тактической операции «задержание взяточников с полчиным»	Крюков В.Н.	№ 2, 2012
105	Теория отражения и установление морального вреда, причиненного преступлением	Кравцова М.А.	№ 3, 2012
106	К вопросу о незаконности уголовно-процессуальных действий	Рожко О.В.	№ 4, 2012
107	Криминалистическая характеристика незаконной предпринимательской деятельности	Свиридов Д.А.	№ 4, 2012
108	Механизм наезда на пешехода: структура и содержание	Федоров Г.В., Скачек Р.В.	№ 4, 2012
109	Криминалистическая структура дорожно-транспортного происшествия	Вечерский Д.А.	№ 6, 2012
СУДОПРОИЗВОДСТВО, ПРОКУРОРСКИЙ НАДЗОР			
110	Важнейшие критерии оценки результативности деятельности судебной системы	Каменков В.С.	№ 2, 2012
МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО, ЕВРОПЕЙСКОЕ ПРАВО			
111	Формы участия некоторых субъектов международного права в деятельности Совета Европы	Гришкевич О.В.	№ 1, 2012
112	Коллективная безопасность: понятие, характеристики, тенденции	Довгань Е.Ф.	№ 1, 2012
113	Аппроксимационный потенциал проекта Европейского кодекса авторского права	Комзюк Л.Т.	№ 1, 2012
114	Санкции региональных организаций: правовые основания и статус	Довгань Е.Ф.	№ 2, 2012
115	Формирование концепции устойчивого развития и ее отражение в международном праве (послевоенный период – до Конференции Рио-де-Жанейро по окружающей среде и развитию 1992 года)	Зыбайло А.И.	№ 2, 2012
116	Специфика имплементации норм международного права в национальное законодательство Республики Беларусь в сфере борьбы с транснациональной организованной преступностью по линии оперативно-розыскной деятельности	Меркушин В.В.	№ 3, 2012
117	Правовая основа деятельности региональных организаций в области поддержания международного мира и безопасности: анализ положений главы VIII Устава ООН	Горбаченко С.В.	№ 3, 2012
118	Целевые санкции региональных организаций: границы правомерности	Довгань Е.Ф.	№ 3, 2012
119	Формирование концепции устойчивого развития и ее отражение в международном праве (от Конференции в Рио-де-Жанейро 1992 года до Саммита в Йоханнесбурге 2002 года)	Зыбайло А.И.	№ 3, 2012

ТЕМАТИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ

№ п/п	Название статьи	Автор	Номер и год выпуска
120	О проблемных вопросах выражения согласия государства на обязательность для него международного договора и вступления его в силу на примере соглашений о поправках	Будник Я.В.	№ 4, 2012
121	О юридической природе правовых актов Содружества Независимых Государств	Мукашев С.И.	№ 4, 2012
122	Международная правосубъектность Содружества Независимых Государств	Мукашев С.И.	№ 5, 2012
123	Формирование концепции устойчивого развития и ее отражение в международном праве (от Саммита в Йоханнесбурге 2002 года по настоящее время)	Зыбайло А.И.	№ 5, 2012
124	Правовое регулирование функционирования электронных платежных систем в странах Таможенного союза	Кучинская А.А.	№ 5, 2012
125	Юридическая техника в договорной практике Содружества Независимых Государств	Вежновец В.Н., Мукашев С.И.	№ 6, 2012
126	Право человека на благоприятную окружающую среду: международные и национальные механизмы защиты	Довгань Е.Ф.	№ 6, 2012
127	Проблема реституции культурных ценностей: многообразие подходов в юридической науке	Король Э.Л.	№ 6, 2012
128	Имплементация норм международного экономического права в национальное законодательство Республики Беларусь	Толочко О.Н.	№ 6, 2012
ИНФОРМАЦИОННОЕ ПРАВО, ИНФОРМАЦИОННОЕ ОБЩЕСТВО, ПРАВОВАЯ ИНФОРМАТИЗАЦИЯ			
129	Кафедра ЮНЕСКО по информационным технологиям и праву Национального центра правовой информации Республики Беларусь: направления деятельности и перспективы развития	Тевелева В.Н.	№ 1, 2012
130	Пути совершенствования Единого правового классификатора Республики Беларусь	Скоробогатая М.К.	№ 1, 2012
131	О подходах к определению понятия «электронное правительство»	Чудиловская Т.Г.	№ 1, 2012
132	Информационная безопасность в деятельности средств массовой информации	Довнар Н.Н.	№ 1, 2012
133	Правовые вопросы оказания государственных информационных услуг	Абламейко М.С.	№ 1, 2012
134	Основные направления развития государственной системы правовой информации	Волков А.А.	№ 2, 2012
135	Государство и правовая информация в электронном виде: состояние и перспективы	Будаков А.С.	№ 2, 2012
136	К вопросу правового регулирования использования системы электронного документооборота в органах внутренних дел Республики Беларусь	Бобович Н.М., Чистая Е.В.	№ 4, 2012
137	Генезис и периодизация истории обнародования (официального опубликования) правовых актов в Беларуси	Шаршун В.А.	№ 5, 2012
138	О роли правовой информатизации в развитии информационного общества	Гриневич М.Г.	№ 5, 2012
139	Развитие государственной системы правовой информации в современной Франции	Липницкий В.В.	№ 5, 2012

ТЕМАТИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ

№ п/п	Название статьи	Автор	Номер и год выпуска
140	Электронное государство (электронное правительство): теоретико-правовое осмысление	Амельчя Ю.А.	№ 5, 2012
141	Генезис и периодизация истории обнародования (официального опубликования) правовых актов в Беларуси (продолжение)	Шаршун В.А.	№ 6, 2012
142	Реализация открытого доступа к правовой информации в Республике Беларусь: современное состояние и перспективные направления развития	Романов А.А.	№ 6, 2012
ПРАВОВОЕ ПРОСВЕЩЕНИЕ И ПРАВОВАЯ КУЛЬТУРА			
143	Фарміраванне прававой культуры падлеткаў у бібліятэцы: паводле вынікаў даследавання	Чупракова І.А.	№ 6, 2012
ЮРИДИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ			
144	Соблюдение психолого-правовых принципов в законодательном процессе	Кибак И.А.	№ 2, 2012
145	Правовая социализация как условие формирования правовой культуры молодежи (по материалам социологического исследования)	Бочков А.А., Сухарев А.А.	№ 2, 2012
НАЦИОНАЛЬНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ			
146	Теоретико-правовые проблемы совершенствования предметного и понятийного компонентов Концепции национальной безопасности Республики Беларусь	Шавцова А.В.	№ 2, 2012
147	Исторические аспекты обеспечения экономической безопасности на государственной границе Республики Беларусь	Логунова Н.М.	№ 3, 2012
ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ			
148	Мировой суд как первичное звено судебной системы Российской Федерации	Пастухова В.И.	№ 1, 2012
149	Проблемы совершенствования судебного контроля в уголовном процессе Республики Казахстан	Алауханов Е.О.	№ 1, 2012
150	Возмещение вреда при применении мер уголовно-процессуального принуждения в уголовном процессе Республики Казахстан	Тукеев А.Ж.	№ 1, 2012
151	Презумпция в системе средств доказывания по уголовным делам	Сматлаев Б.М.	№ 1, 2012
152	Реорганизационный договор по российскому гражданскому праву	Нуждин Т.А.	№ 2, 2012
153	Некоторые аспекты противодействия преступлениям, совершаемым в сети Интернет: опыт Китайской Народной Республики	Чжу Цзинь Цзе	№ 2, 2012
154	Бикамеральный Парламент Беларуси через призму украинских реалий	Француз-Яковец Т.А.	№ 3, 2012
155	Особенности координации законодательства по социальному обеспечению в Содружестве Независимых Государств	Постовалова Т.А.	№ 3, 2012
156	История ядерной программы Ирана до исламской революции	Джамиль Насиров	№ 3, 2012
157	Правовое регулирование договора факторинга в Беларуси и Латвии: общее и особенное	Шкут О.Н.	№ 4, 2012

ТЕМАТИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ

№ п/п	Название статьи	Автор	Номер и год выпуска
158	Значение сохранения интеллектуальных ресурсов в становлении инновационной экономики стран Содружества Независимых Государств	Смирнова Е.С.	№ 4, 2012
ВОПРОСЫ ПЦПИ			
159	Актуальные вопросы развития сети публичных центров правовой информации Республики Беларусь на современном этапе	Кравцов О.Э.	№ 1, 2012
160	Нормативное обеспечение деятельности ПЦПИ: шаг вперед или два назад	Долгополова Е.Е.	№ 1, 2012
161	Участие публичных центров правовой информации в привлечении граждан к обсуждению проектов нормативных правовых актов	Обухов А.А.	№ 2, 2012
162	Публічныя цэнтры прававой інфармацыі – патрабаванне часу	Смірнова А.У.	№ 3, 2012
163	Президентская библиотека – информационный центр обслуживания государственных органов	Герасимов В.Н., Пендо А.А.	№ 3, 2012
164	Публичные центры правовой информации в 2011 году: цифры, факты, итоги	Чупракова И.А.	№ 4, 2012

ТРЕБОВАНИЯ

к материалам, представляемым для опубликования
в научно-практическом журнале «Право.by»

Общие требования к статьям

При предоставлении статьи в редакцию автор заключает с НЦПИ договор исключительной (неисключительной) лицензии.

К рассмотрению принимаются статьи на бумажном носителе, набранные на компьютере в программе MS Word, в одном экземпляре, переданные вместе с файлами (файлы могут быть направлены по электронной почте: journal@ncpi.gov.by с уведомлением о доставке).

Объем статей научного и научно-практического характера – от 14 000 до 25 000 печатных знаков (включая список цитированных источников), для статей иного характера – до 14 000 печатных знаков (включая список цитированных источников).

Языки публикуемых статей – русский, белорусский. Принимаются статьи на английском языке (публикуются в переводе на русский язык).

Правила оформления:

все поля – 20 мм. Шрифт Times New Roman 15 пт, одинарный междустрочный интервал;

на первой странице сверху по центру пишется заглавие (на русском и английском языках) полужирным шрифтом прописными (большими) буквами; затем пропускается строка и от середины страницы с прижимом по левому краю (также на русском и английском языках) пишутся инициалы и фамилии авторов с указанием должности, организации, ученого звания и ученой степени; каждый автор – с новой строки;

далее – пропуск строки и аннотация – на русском и английском языках (кегель 12, курсив);

затем – пропуск строки и основной текст.

Рисунки вставляются в текст в формате JPG, BMP после первой ссылки на них в тексте. Каждый рисунок должен иметь название, которое помещается под рисунком. Если в тексте более одного рисунка, то они нумеруются арабскими цифрами (например, Рис. 2). Номер помещается перед названием.

Использование автоматических концевых и обычных сносок не допускается.

В конце статьи следует привести справку об авторе с указанием фамилии, имени, отчества, должности и места работы (учебы), ученой степени и (или) звания, а также контактную информацию, которую автор желает сообщить о себе. Эти сведения публикуются в журнале.

В справке отдельно от вышеуказанных сведений также следует указать почтовый индекс, адрес, номер контактного телефона, адреса электронной почты. Эти сведения в журнале не публикуются и необходимы для связи рабочей группы с автором.

Файл статьи представляется в формате RTF, Word. Рукописи не возвращаются.

Вместе со статьей предоставляется портретное фото автора в электронном виде в формате JPG.

Требования к научным статьям

Научные статьи подлежат независимой экспертизе (рецензированию). Рецензенты – доктора или кандидаты наук.

Научная статья должна содержать следующие обязательные элементы:

индекс УДК;

название статьи, отражающее основную ее идею;

фамилию и инициалы автора (соавторов) статьи;

аннотацию (до 10 строк), излагающую краткое содержание статьи, пригодной для опубликования отдельно от статьи;

введение, содержащее краткий обзор литературы по рассматриваемой проблеме, круг ранее не решенных вопросов, основную цель работы;

основную часть, подробно освещающую рассматриваемые вопросы;

заключение с четко сформулированными выводами;

список цитированных источников, оформленный в соответствии с действующими требованиями Высшей аттестационной комиссии Республики Беларусь;

подписи всех авторов статьи (на бумажном носителе).

Ссылки нумеруются согласно порядку цитирования в тексте. Порядковые номера ссылок должны быть написаны внутри квадратных скобок (например, [1], [2]).

Представляя текст работы для публикации в журнале, автор гарантирует правильность всех сведений о себе, отсутствие плагиата и других форм неправомерного заимствования в рукописи произведения, надлежащее оформление всех заимствований текста, таблиц, схем, иллюстраций.

В случае, если статья (материал) одновременно направляется в другое издание либо была опубликована ранее, автор должен сообщить об этом ответственному секретарю редакционной коллегии при представлении материала.

Редакция оставляет за собой право размещать материалы и статьи журнала в информационно-правовых ресурсах, формируемых Национальным центром правовой информации Республики Беларусь. Автор может известить редакцию о своем несогласии с подобным использованием его материалов при представлении материала.

Представленные автором для опубликования материалы должны соответствовать:

нормам современного русского (белорусского) языка;

специализированной, в том числе юридической, терминологии;

принципам изложения текста с использованием делового и научно-делового стиля;

оформительским требованиям, определяемым редакцией.

В случае выявления редакционной коллегией журнала (главным редактором, заместителем главного редактора, членами рабочей группы) несоответствия материалов указанным требованиям автору может быть предложено доработать (переработать) материал с учетом замечаний и предложений.

Доработанный (переработанный) автором материал может быть представлен повторно. Вопрос об опубликовании доработанного (переработанного) материала решается по предложению членов рабочей группы в индивидуальном порядке главным редактором (заместителем главного редактора).

Адрес редакции: ул. Берсона, 1а, 220701, г. Минск

Контактный телефон/факс: (017) 222-70-75